

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И. О. ГЕЦАДЗЕ

ОЧЕРКИ
ПО СИНТАКСИСУ
АБХАЗСКОГО
ЯЗЫКА

(СИНХРОННО-ДИАХРОННАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

В работе рассматриваются узловые вопросы синтаксической структуры абхазского языка в связи с общей проблемой сравнительно-типологического изучения абхазского и адыгских (черкесских) языков. Особое внимание уделяется вопросу о целесообразности применения метода внутренней реконструкции морфологической структуры полисинтетично-агглютинативного глагольного комплекса указанных языков для реконструкции их синтаксической модели.

Ответственный редактор

Г. Ф. ТУРЧАНИНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию узловых вопросов развития и формирования синтаксической системы абхазского языка в связи с общей проблемой сравнительно-типологического и сравнительно-исторического изучения северо-западной кавказской, или абхазско-адыгской, группы языков. Эти языки представлены двумя лингвистическими группировками, одну из которых составляют абхазский и абазинский языки, а другую — адыгейский и кабардинский с занимающим промежуточное положение между этими двумя группировками убыхским языком.

Абхазско-адыгские языки отличаются не только чрезвычайно богатой и сложной звуковой системой, но и весьма своеобразным грамматическим строем,¹ издавна привлекавшим внимание исследователей. За последнее время интерес к материалу указанных языков еще более возрос в связи с разработкой общей проблематики синтаксической типологии и актуализацией типологических поисков, устанавливающих универсальные грамматические явления в строе языков, не связанных между собой генетически. В этом отношении, безусловно, большой интерес представляют многочисленные структурно-функциональные параллели, устанавливаемые акад. И. И. Мещаниновым на фоне языков различных типов,² куда он неизменно включал материалы абхазского и адыгских языков. Факты этих языков квалифицированы им как особо важные и показательные для характеристики синтаксической силы глагола, выступающего, по его словам, в главном

¹ См.: Рогова Г. В. Абхазско-адыгские языки. — В кн.: Языки народов СССР, т. IV. М., 1967, с. 95—104; Гецадзе И. О. Абхазско-адыгские языки. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 216—217.

² См.: Мещанинов И. И. 1) Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967, с. 62—71 (далее: ЭК); 2) Структура предложения. М.—Л., 1963, с. 53—78; 3) Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, с. 162—167; 4) Эргативный строй предложения. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию В. М. Жирмунского. М.—Л., 1964, с. 19—25 и др.

члене так называемой предикативной группы — в сказуемом и имеющего в своем составе формальные показатели не только подлежащего, но также и прямого (а в определенных случаях и косвенного) дополнения.³ Глагол в грамматической системе указанных языков занимает доминирующее место, его структура и категориальное назначение являются основным источником морфологических и синтаксических особенностей этих языков. В отношении системы склонения следует указать, что она создает расхождение внутри этой группы языков: в абхазско-абазинской подгруппе падежная система фактически отсутствует; в адыгских и убыхском языках она представлена, но развита слабо. Как будет показано в соответствующем разделе работы, такое расхождение является вторичным и его возникновение связано опять-таки с глаголом, с теми изменениями, которые произошли в его структуре в процессе исторического развития этих языков. Как в абхазском, так и в адыгских языках глагол характеризуется наиболее стабильно выраженной схемой полиперсонализма, достигающего здесь максимального уровня своего функционирования: в нем одновременно выражается как субъект, так и объекты (прямой и косвенный). Глаголы в абхазско-адыгских языках делятся на переходные и непереходные, на статические и динамические. Переходные глаголы в отношении залогов не дифференцированы. Основа переходного глагола нейтральна по своей природе: одни и те же основы глаголов могут быть переходными или непереходными.⁴ В абхазско-адыгских языках два типа спряжения: классно-личное (в абхазском и абазинском) и личное (в адыгских и убыхском). Изучение морфологических категорий глагола дает основание подчеркнуть, что с точки зрения ранговой квалификации членсв предложения глагольное сказуемое является среди них рангом первой величины среди остальных компонентов предложения. Глагольное сказуемое в абхазско-адыгских языках в миниатюре воспроизводит все основные синтаксические конструкции предложения. Оно здесь выступает в качестве основного, стержневого компонента, которому принадлежит ведущая роль в организации предложения.

При построении настоящей монографии в соответствии с задачей исследования проанализированы основные, типовые линии в развитии синтаксической структуры абхазско-адыгских языков (абхазского и абазинского и адыгских с убыхским); но наиболее широкому и полному рассмотрению подвергается материал абхазского языка, положенного в основу настоящего

---

³ Мещанинов И. И. Основные виды синтаксических группировок. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1959, т. XVIII, вып. 6, с. 490—499 (далее: ОВ).

⁴ Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках. Стабильный и лабильный вариант этой конструкции. — Изв. ИЯИМЖ, 1942, XII, с. 143—144.

исследования. Изучение основных вопросов развития синтаксической структуры абхазско-адыгских языков проведено с широким охватом существующей литературы по узловым проблемам их грамматического строя, что дало возможность предпринять попытку дедуктивным методом воссоздать синтаксический архетип данной группы языков. Необходимым условием для достижения этой цели автору настоящей работы представляется выполнение двух последовательных процедур: 1) дать типологическую характеристику синтаксической структуры каждой из подгрупп, 2) провести сравнительный анализ соответствующего материала и свести к одному знаменателю разнородные, вторичные явления, возникшие в процессе формирования и становления синтаксических конструкций этих языков.

ЛИЧНЫЕ И КЛАСНЫЕ ПРЕФИКСЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Абхазский глагол, как уже было отмечено выше, полиперсонален. Полиперсонализм, т. е. выражение в глаголе одновременно лиц субъекта и объекта (объектов, прямого и косвенного), является одной из основных особенностей абхазского глагола. Бедность системы склонения, с одной стороны, и сложная структура глагола — с другой, порождают в абхазском языке синтаксические взаимоотношения и понятия, не свойственные не только языкам с одноличным глаголом (например, русскому), но и целому ряду иберийско-кавказских языков с многоличными глаголами.¹

Абхазскому языку, как и адыгским языкам, свойственно различие переходности и непереходности; но использование падежей для квалификации этих понятий, к чему обычно прибегают в других языках, в абхазском, в силу отсутствия склонения, исключено.² Поэтому основная тяжесть выражения этой категории в абхазском падает на морфологию, на личные и классные показатели, закономерное использование которых в глагольных формах выступает в качестве основного способа для выражения субъектно-объектных отношений.

В первой научной грамматике абхазского языка, написанной П. К. Усларом,³ раздел о глаголе начинается именно с анализа личных местоимений и личных показателей. И это не случайно; по словам самого автора, такие показатели (названные им «характеристиками») «играют первенствующую роль при обозначении взаимных отношений слов в речи».⁴ Соображения П. К. Услара

---

¹ Ч и к о б а в а А. С. О невозможности универсальной грамматики и универсальных грамматических понятий. Тезисы доклада расширенного заседания ученого совета ИЯ АН СССР 19—23 июня 1953 г. М., 1953, с. 19.

² Подробно об этом см.: Л о м т а т п д з е. 1) КП, с. 1—29; 2) ПС, с. 196.

³ У с л а р. АЯ.

⁴ Указ. соч., с. 15.

по этому вопросу и поныне сохраняют ценность для дальнейшего исследования личных местоимений и личных показателей.⁵

В отличие от ряда иберийско-кавказских языков, в которых по принципу агглютинации каждый аффикс выполняет одну определенную функцию; например, груз. показатели лица субъекта: *v* — 1-е; *x* — /*h* — /*s* — 2-е; *-s*, *-a*, *-o* — 3-е; лица объекта: *m* — 1-е ед., *gv* — 1-е мн., *x* — /*h* — /*s* — 3-е. Абхазский язык для выражения лиц субъекта и объектов использует одни и те же аффиксы. Например, в глагольной форме *и-бы-с-тойт* 'то(кат. в.)-тебе(жен.)-я-даю', от *атара* 'дать, давать', *с* — показатель субъекта; однако при другом распределении этих же аффиксов он может обозначать и объект, ср. *с-аб-тойт* 'меня-тому(кат. в.)-ты(жен.)-отдаешь'.

Для определения функций личных и классных префиксов в абхазском языке принципиальное значение имеет порядок их расположения в глагольных формах. Существует закономерность,⁶ согласно которой:

а) в двухличных переходных глаголах первое место занимает показатель прямого объекта, второе — субъекта:⁷ *и-с-фойт* 'то(кат. в.)-я-ем', *афара* 'есть', 'кушать' — двухличный переходный глагол; ср. *Урт афы и-а-гейт* (Г. Гул. Сакъан ааф.) 'Их вино погубило' (точнее: 'Их вино увнесло'); *Зегъи уамаишэ и-р-бон* (Афс. лак.) 'Все с удивлением (удивленно) видели то'; *Ачыгу афа ахъынагъ и-а-кыуойт* (Чарая. Посл.)⁸ 'Копки сын мышь поймает'; *Сара абыстра пха и-сы-мфазаут* (разг.) 'Я вообще не ел теплой мамалыги'; *Баба ды-р-гейт, баба ды-р-шьуейт!* (Гул. Камаф. Ифымт.) 'Папу уводят, папу убивают!' (досл. 'его (кат. чел.)-они уводят'); *Аха Кето и-л-дыруан уи ахушэ* (Гогеб. Ахыч. рзы) 'Но Кето знала то лекарство'; *Сара акомендант мажъана д-сы-мбаут* (Лермаамт., Хаамт., аф.) 'Я коменданта пока не видел'; *Спа ды-у-шьа-р-гъы...* (Ломт. Ашх. д.) 'Моего сына ты (муж.) даже если убьешь...';

б) в двухличных непереходных глаголах, наоборот, первое место занимает показатель субъекта, а второе — косвенного объекта; ср. *С-а-шталоит* 'Я его (кат. в.) догоняю' ('Я за ним гонюсь'); *Гыцъа дъыцулейт, раша д-ры-шьталт* (Гул. Камаф. Ифымт.) 'Двое отправились (пустились в путь), их брат за ними погнался'; *Алиас ажэабжъа храра д-а-лагейт* (Там же) 'Алиас рассказывать начал' (*алагара* 'начинать', непереходный глагол). *Иуаз д-ан-а-лга, ацъмахъча тарцъманья д-и-зъаайт* (Там же) 'Докончив свое дело, он пастуха спро-

⁵ П. К. Услар не ограничивался перечислением личных показателей. В его работе имеются целые разделы, посвященные их структурной характеристике и функциям, выполняемым ими в форме глагола.

⁶ Услар. АЯ, § 31—46.

⁷ Ломтатидзе. КП, с. 1—29.

⁸ В переходных глаголах, двухличных и трехличных, показатель прямого объекта 3-го л. (кат. в.) в большинстве случаев отсутствует, если его место непосредственно перед глагольной формой; однако его отсутствие не влияет на порядок расположения остальных аффиксов.

сил через переводчика'; *Сара саатла еснагь абрака сы-б-зын-шуйейт* (Г. Гул. Сакбац аап.) 'Я часами все время (каждый день) здесь же тебя ожидаю'; *Агуашаафы Гудал иъа Смел ды-р-пъылейт* (Там же) 'У ворот их встретил сын Гудала Смел'; *Кессу... ари д-и-хуапъ-шуйан* (Там же) 'Кессо на него смотрел, следил за ним'; *Енак Кето лан д-л(а) — зъаайт* (Там же) 'Однажды Кето свою мать спросила';

в) в трехличных переходных глаголах первое место занимает показатель прямого объекта, второе — косвенного объекта, а третье — субъекта: *и-сы-л-тойт* 'то-мне-она-дает'; *атъара* 'дать' — трехличный переходный глагол; ср. *Кесоугъы Никуала асалам* 'и¹-и-итейт' (Г. Гул. Сакбан. аап.) 'Кесоу тоже Никуале приветствовал (отдал приветствие)'; *Лгу аеныцкати бжъык Кама ус и-ла-на-хэойт*.⁹ 'Внутренний голос ее сердца так говорит Каме' (Там же); *Акы и-с-у-рбондаз -ахэйт абгахучы* (Апс. лак.) 'Что-нибудь ты (муж.) показал бы мне, — сказала лиса'; *Убри д-лы-и-тейт хэынцар иъха* (Абжас-цэа зшэу). 'Той (кат. чел.) отдал царь свою дочь'; *Лмафы даайт хэа и-са-р-хэейт* (Там же) 'Ее слуга пришел-молони-мне сказали'; *Сиартых даажэг-хэа сара и-ра-с-хэейт* (Там же) 'В мои покои (в мою спальню) ведите его, мол, то-им-я-сказал'; *Ахэынцар уа и-д-и-ркъаейт иъха лзыхэа илатэаз аены* (Там же) 'Царь их заставил сделать (построить) дом, достойный его дощери'; *И-ш-са-бжьо-у-газ сныкуойт — ихэейт иара* 'То-как-мне-ты (муж.) советовал, я пойду, — сказал он'; *Аъсра ианалага адырра* 'и¹-сы-й-тарауиз (Цик. Абж. д.) 'Сообщил бы мне ты (муж.), когда наступила смерть'; *Сара азва* 'и¹-уа-с-хлбуан (Ломт. Апх. д.) 'Я тебе (муж.) слово говорил'; *И-уа-с-хэаз иара йумырзан* (Бгаж. Бз. д.) 'То, что-тебе (муж.) я сказал, не разглашай'.

Однако такая закономерная последовательность и иерархия личных и классных показателей в глаголе не является единственным способом для определения переходности в абхазском языке. Более того, использование лишь этого принципа в ряде случаев оказывается недостаточным. Так, например, явно непереходные глаголы типа *verba sentiendi* в отношении распределения показателей как бы дают аналогичную картину: *и-сы-моуп* 'то(кат. в.)-я-имею', *и-с-тахуп* 'то-я-хочу', *ды-с-гуапъхойт*¹⁰ 'он-она(кат. чел.)-мне-нравится' и т. п.

Кроме того, как отмечено в абхазоведческой литературе, основываясь лишь на принципе расположения аффиксов в глагольных формах, трудно выяснить, что мы должны считать субъектом и что объектом,¹¹ так как даже в 3-м лице, где имеется два ряда личных аффиксов, субъектный показатель переходного глагола

⁹ -на- — показатель субъекта 3-го л. (кат. в.) в трехличных переходных глаголах; подробно см.: Ломтатидзе. КП, с. 6.

¹⁰ У П. К. Услара только на основе распределения показателей данный глагол ошибочно рассматривается как переходный; см.: АЯ, с. 54, 81.

¹¹ Ломтатидзе. КП, с. 28.

совпадает с аффиксом косвенного его объекта, с одной стороны, а субъектный аффикс непереходного глагола совпадает с аффиксом прямого объекта переходного глагола, с другой стороны. Н а п р и м е р: *ды-с-куп* 'держу его', точнее: 'находится он (кат. чел.) у меня в руках' — неперех. глагол; *ды-с-куейт* 'ловлю его (кат. чел.)', 'задерживаю его (кат. чел.)' — перех. глагол.¹² В этих условиях переходность глагола может быть установлена еще и при помощи фонетических процессов, использованных, в свою очередь, в качестве морфологических средств для квалификации переходности и непереходности в абхазском языке. Указание на эти процессы впервые находим в работе П. К. Услара. Однако, квалифицировав их как «неправильности» речи, автор рассматривает эти изменения с чисто фонетической точки зрения. «Таковые неправильности, как видно, заключаются в том, — пишет он, — что *e* 1-го лица ед. числа превращаются в *з*, *h* 1-го лица мн. числа в *a* и *ы* 2-го лица мн. числа в *ж*. Сколько я мог заметить, таковые неправильности составляют глаголы, корень которых начинается с одной из букв: *б*, *е*, *г*, *ж*, *ж*, *дз*, *S*, *у*».¹³ Здесь П. К. Услар правильно перечисляет позиционные условия, способствующие возникновению этих изменений, однако у него почти ничего не говорится об их грамматическом значении. Наблюдение П. Услара над фонетическими изменениями субъектных показателей дальнейшую разработку получило в работе К. В. Ломтатидзе «Категория переходности в абхазском глаголе». В результате всестороннего изучения вопроса были установлены следующие закономерности.

1) Если основа глагола начинается звонким согласным, то личные показатели 1-го лица обоих чисел *с* и *х* и 2-го лица мн. числа *шэ* при непосредственном соседстве с такими же согласными озвончаются и дают варианты: *с* → *з*, *х* → *аа*, *шэ* → *жэ*. Но здесь, как указывает К. В. Ломтатидзе, особенно важно то, что озвончение перечисленных показателей происходит не во всех глаголах, а только в глаголах с переходной лексемой. Иными словами, глаголы, в которых происходят такие фонетические изменения, являются обязательно переходными.¹⁴ Это свидетельствует, что фонетическое явление обусловлено морфологическим моментом: озвончение субъектных показателей используется как дополнительный способ для выражения переходности. Ср. *и-с-гойт* → *и-з-гойт* 'то (кат. в.)-я-несу', *и-(а)х-гойт* → *и-аа-гойт* 'то-(кат. в.)-мы-несем', *и-шэ-гойт* → *и-жэ-гойт* 'то (кат. в.)-вы-несете'. Примеры: *Абри аҭаца з-жэ-уейт* (Гул. Камач. Ифымт.) 'Этот стакан пью я'; *Уигьы з-дыруейт, нан, аха...* (Там же) 'Это тоже знаю, дочка, но...' *Сари и-з-сит ихрейт Куаҭца* (Там же) 'Я написал, — сказал Коциа'; *Уа бзиа жэбаайт, бзиала шэ-аа-бейт* 'Чтобы вы видели

¹² Там же, с. 28—29.

¹³ Услар. АЯ, с. 46—47.

¹⁴ Ломтатидзе. КП, с. 29.

хорошее, чтобы вас мы видели здоровыми' (форма приветствия); *И-жауа-зеи шаара...* (Абҕс. лак.) 'Что вы делаете?'; *Сы-гъ-звы-мбе, с-вы-гбы-зы-мбе* (Ломт. Ашх. д.) 'Меня вы не видели, вас я не видел'. Наоборот, если глагол по своей содержательной валентности является непереходным, то озвончение указанных показателей не происходит, несмотря на наличие тех же условий. Например: *Саргы и-иа-с-гуалашэйт* (Абҕс. лак.) 'Я тоже то вспомнил'; *Уй сара ды-с-гуаҕхом* (Г. Гул. Сакбан ааҕ.) 'Оп мне не нравится'. Особенно ясно это видно на материале глаголов лабильной конструкции, т. е. глаголов, нейтральная основа которых может образовать и переходные, и непереходные формы.¹⁵ Ср. *сы-зэзэйт* 'стираю вообще, занимаюсь стиркой' (неперех. без-объектн.) и *и-з-зэзэйт* 'то-я-стираю' (перех.); *сы-збуйейт* 'решаю' (неперех.) и *и-з-збуйейт* 'то-я-решаю' (перех.).¹⁶ Здесь позиция для ассимиляции одинакова в обоих случаях, но озвончение личных показателей происходит только в переходных глаголах.¹⁷

2) Признаком переходности служит также включение субъектного показателя в основу глаголов, сложных по своей структуре; например: *Сара стала и-каа-с-цап* (Г. Гул. Сакбан ааҕ.) 'Я сам сделаю'; *Уи агузар, уаала ушыччо сара у-гы-з-жаап* (Абҕс. лак.) 'Если так, пойдем, ты у меня лопнешь от смеха' (Точнее: 'тебя (муж.) -я-разорву'); *Лаҕхьа ашы-л-ка-на-риэит* (Там же) 'К ней подойдя, себя (кат. в.)-ей (перед ней)-бросила (-сь)'; *Абжа лара илфейт, абжа лхаца и-ра-л-цейт* (Там же) 'Половину она съела, половину мужу отдала (мужа покормила)'; *Алахарас и-ку-с-хэйт, нас и-с-гэахойт* (диалектн.) 'Сушеный инжир соскабливаю, потом храню'. *Игу и-ку-и-ҕсит* (диалектн.) 'Он его разозлил' (букв. 'Он на его сердце насыпал').

3) Одним из ярко выраженных морфологических средств для различия переходности и непереходности в абхазском языке является наличие так называемых бессубъектных образований — деепричастий и повелительного наклонения:¹⁸ *и-у-фейт* 'то (кат. в.)-ты(муж.)-съел', *и-б-фейт* 'то (кат. в.)-ты(жен.)-съела'. В образованиях положительного повелительного наклонения показатель 2-го субъектного лица не представлен: *и-ф* 'ешь' (ср. аналогичное в груз. *da-sege!* 'пиши'). В формах же повелительного наклонения от переходных глаголов имеется лишь показатель прямого объекта, например: *Иара айгуара ады акны утааны и-цала...* (Амцабэ), 'Около него в поле садись и учи (уроки)'; *Ус агузар уцаны*

¹⁵ Ломтатидзе К. В. К вопросу о категории залога в абхазском языке. — ИКЯ, VIII, с. 212—213.

¹⁶ См.: Аристава П. К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. — Тр. Абх. НИИ, 1959, XXXI, с. 212 и сл.

¹⁷ Ломтатидзе К. П., с. 10. См. также: Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. — Тр. Абх. НИИ, 1957, XXX, с. 401—408.

¹⁸ Подробно об этом см.: Ломтатидзе К. П. 1) БФ; 2) КП.

... *афархь и-аага* 'Если так, иди и хворосту принеси'; *Уара абарт, ахрыџажуа... и-кны...*, (Гул. Камаџ. Иџымт.) 'Ты (муж.) этих голузей поймай... пожарь их!'. В формах положительного повелительного наклонения, образованных от непереходных глаголов, наоборот, субъектный показатель сохраняется: *у-а-нџхьойт* 'ты (муж.)-то-читаешь', *у-а-нџхьа* 'ты (муж.)-то-читай!'; ср. *У-а-з-хуц Азамат!* (Лерм. Хаамт. аф.); 'Думай, Азамат!'; *Бы-с-маџџан, бы-с-зымгуан* (Г. Гул. Сакъан ааџ.) 'Ты (жен.) меня не брани, ты (жен.) на меня не сердись!'; *Убас, убас, у-а-нџхьала, сбаба, у-а-нџхьала!* (Амџабз) 'Так, так, читай сынок, читай!'; *У-а-хуаџишишь ататын ишахо* (Лерм. Хаамт. аф.) 'Посмотри ты (муж.), как курится (гора)'; Такой же принцип лежит в основе образования деепричастных форм от переходных глаголов, например: *Лишьаны и-кны дахон* (Баши-Ачуки) 'Погу ее держа, он (кат. чел.) тянул'; *Ашыџа и-аатыхны амџа дныџут* (Гул. Камаџ. Иџымт.) 'Товарищей подняв (забрав), отправился в путь'. Ср. формы непереходных глаголов: *Їалеван д-гуан... ды-џа д-ы-шџан* (Баши-Ачуки) 'Борец, рассердившись..., бегая, гнался за ним'. Глаголы *агуара* 'сердиться', *аџыра* 'бегать' — непереходные, чем и обусловлено наличие субъектных показателей в формах деепричастий, образованных от них.

Таким образом, личные и классные показатели выступают в качестве основных грамматических средств для квалификации переходности и непереходности в абхазском языке, не имеющем склонения. На эти показатели при отсутствии основных падежей и возлагается передача субъектно-объектных отношений и всех видов синтаксических конструкций. Однако с точки зрения построения синтаксических конструкций переходного глагола, в частности аналогичной эргативной и сопоставимой с ней номинативной конструкций, среди глагольных префиксов особо выделяются два морфологически и синтаксически различных ряда морфем, названных условно рядами *Л (l)* и *Д (d)*.¹⁹ Как установлено,²⁰ разграничение двоякого рода аффиксов имеет место лишь применительно к 3-му лицу (ед. и мн. чисел) и их функциональным различием, а также последовательностью в глагольной форме определяется синтаксическая роль имен, связанных с глаголом и не имеющих парадигматического ряда. Для одного из этих рядов в 3-м лице характерны морфологические, структурные вариации лишь классных показателей, другой ряд дает вариации и по классам, и по родам — в пределах грамматического класса человека.²¹

¹⁹ Мы оставляем двоякое (латинское и русское) написание условных рядов, поскольку используем работы авторов, употребляющие оба варианта.

²⁰ См.: Л о м т а т и д з е. ОМ.

²¹ Там же, с. 389.

	Ед. число	
1-е л. <i>сара</i> с- 'я'	<i>сара</i> с- 'я'	
2-е » <i>уара</i> у-// 'ты (муж.)'	<i>уара</i> у-// 'ты (муж.)'	
<i>бара</i> б- 'ты (жен.)'	<i>бара</i> б- 'ты (жен.)'	
3-е » <i>иара</i> и-//й 'он (муж.)'	<i>иара</i> } ∂ 'он, она (кат. чел.)'	
<i>лара</i> л- 'она (жен.)'		<i>лара</i> }
<i>иара</i> а-//на- 'он, она, оно (кат. в.)'		<i>иара</i> → и-//й 'он, она, оно (кат. в.)'

Мн. число

<i>џара</i> - џ- 'мы'	<i>џара</i> - џ- 'мы'
<i>шэара</i> - шэ- 'вы'	<i>шэара</i> - шэ- 'вы'
<i>дара</i> - р- 'они'	<i>дара</i> - и//й- 'они'

Таким образом, особенностью ряда Д является то, что здесь вместо двух классных префиксов л- (*лара*) и и-//й- (*иара*) в 3-м лице представлен²² лишь префикс ∂- для класса человека, а для класса (категории) вещей вместо префикса а- префикс и-. Во множественном числе также имеется разница: в ряде Л: *дара* → р- 'они', а в ряде Д: *дара* → и- 'они'.

Следовательно, в ряде Д в 3-м лице имеем деление лишь по классам, а в ряде Л — и по классам и по родам: (*лара* → л- 'она (жен.)', *иара* → и-//й- 'он (муж.)'). Эти аффиксы различаются не только по структуре, но и по синтаксическим функциям, которые распределяются следующим образом.²³

1) Показатели ряда Д применяются:

а) для обозначения субъекта непереходных глаголов (одиночных и двухличных): *ды-џоуп* 'он (кат. чел.) есть', *и-џоуп* 'он, она, онс (кат. в.) есть', *∂-џойт* 'он (кат. чел.) идет'; *иара и-џойт* 'он, она, оно (кат. в.) идет'; *дара и-џойт* 'они идут' и т. д. Ср. *Сара сзы ара и-џэгъазам и-бзиоуп* (Баши-Ачуки) 'Для меня и здесь неплохо (хорошо)'; *Раџхъазатџи визир дыџа* (Там же) 'Первым визирем был он (кат. чел.)'; *Убри аамџазы Кахетџи ды-нзон, Ахмета аџыџа зтџыз* (Там же) 'В то время в Кахетии жил владелец села Ахметы'; *Асыс!* — *∂-гурџейт Батыр* (Амцабз) 'Ягненок! — обрадовался Батыр'; *Нас ∂-ньџхэатџан мьла траа ашџахь аџира ∂-а-лагейт* (Баши-Ачуки) 'Потом села она (кат. чел.) у очага и стала смотреть на дверь'; *Тиџџахъа ды-џтџаџта ды-џван* (Ломт. Апх. д.) 'Он (кат. чел.) лежал лицом вниз и спал'; *Дыкџтан ды-џват* (Там же) 'Он (кат. чел.) сел и уснул';

б) для выражения прямого объекта переходных глаголов: *И-жэуазар и-шџы-с-тойт иџейт Ратмыр* (Аџс. лак.) 'То (кат. в.) если вы сделаете, то (кат. в.) вам-я-отдам, — сказал Ратмир'; *Ажэлар*

²² У П. К. Услара, правда, не находим четкого различения двух рядов аффиксов, но им отмечено, что Д «служит характеристикой исключительно для разумных существ» (АЯ, § 49, с. 62).

²³ Л о м т а т и д з е. ОМ, с. 389 и сл.

*и-еиз-и-гейт, имаџа ажэлар ды-д-и-р-бейт*²⁴ (Там же) 'Народу собрал он, зятя своего народу показал' (от *ды-р-и-р-бейт*); *Абри лъепшь азэы ды-сы-мбацт* (диалектн.) 'Таковую (похожую на эту) никого я не видел'; *Зегъы уамашаа ды-р-бан* (Аџс. лак.) 'Все с удивлением на него смотрели' (букв. 'его (кат. чел.) они видели'); *Иуада аиџахымџаџы ари иаџэша д-и-бейт* (Г. Гул. Сакъан ааџ.) 'На пороге своей комнаты он свою сестру увидел'; *Ас'ыс аџ џыст и-х-и-гт* (диалектн.) 'Он перенес ягненка'.

Таким образом, аффиксы ряда *Д* в глагольных формах занимают первое место, когда они 1) обозначают субъект непереходных (одноличных и двухличных) глаголов, 2) прямой объект переходных (двухличных и трехличных) глаголов.

Такая дистрибуция аффиксов ряда *Д* дает основание думать, что на эти показатели возлагается выражение тех отношений, для которых при наличии склонения был бы использован именительный падеж. Это подтверждают данные родственных адыгских, а также картвельских и других иберийско-кавказских языков, где именительный (абсолютный) падеж является именно падежом прямого объекта при переходных глаголах и падежом субъекта — при непереходных.

Ср. груз. *datv-i modis* 'Медведь идет (подл. им. п.); *monadire-m datv-i mo-ki-a* 'Охотник убил медведя (п. д. им. п.)'; каб. *Учителы-р классым шIохъэ* 'Учитель входит в класс' (подл. им. п.); *Художникым сураты-р ишацI* 'Художник картину сделал' (п. д. им. п.).²⁵

2) Аффиксы ряда *Л* выполняют синтаксические функции, распределяющиеся следующим образом. Ими обозначается:

а) субъект переходных глаголов: *Шэара лани лаби излаџунагоу ила шэраџажэа-џа и-ра-л-џэйт* (Гул. Камаџ. Иџымт.) 'Вы с ее матерью и с отцом, как полагается, догворите (мол), — сказала она им'; *Иџан днарыџхъаны аеныџа и-не-и-гейт* (Там же) 'Сказал и, позвав их, домой повел'; *Рафида ды-л-зы-на-ры-цтит* (Там же) 'Рафиду к ней послали' (букв. 'Ее(кат.чел.)-ей(для нее)-туда-они-послали, пустили'); *Д-л-быйт Хвйт, д-зааиуаз* (Цик. Абж. д.) 'Она увидела, как шел Хвйт'; *Аџй апIџысна уаса 'и'-ра-л-џIгейт* (Ломт. Ашх. д.) 'Та девушка так им сказала';

б) косвенный объект переходных глаголов: *Камачыџ хайџа д-и-(а)-џ-тойт* (Там же) 'Камачыџ замуж (мужчине) отдаем'; *Аза и-ла-лы-м-џэйт* (Там же) 'Но то-ей-она не сказала' ('Но она ничего ей не сказала'); *И-у-ахI-титI рIван* (Ломт. Тап. диал.) 'То-тебе (муж)-мы-отдадим, — сказали они';

в) косвенный объект непереходных глаголов:²⁶ *Уи нахыс Чаџба-џа д-а-џхьо д-а-лагейт* (Амцабз.) 'После того он его (ягненка)

²⁴ Показатель 3-го л. мн. числа *р-* в каузативных образованиях в соседстве с *р-* диссимилируется и дает *д-* (см.: Л о м т а т и д з е К. В. Категория каузатива в абхазском языке. — Сообщ. АН Грузинской ССР, 1945, IV, № 1, с. 92 и сл.).

²⁵ Примеры из кн.: ГКЧЯ, ч. 48.

²⁶ Подробно см. об этом: Г е ц а д з е И. О. К типологии членов предложения в абхазско-адыгских языках. — ЧлП, с. 101—102.

стал звать Чагба'; *Итхэыс лэы дахэгыз д-ла-з-цайт* (Цик. Абж. д.) 'К своей жене (когда) он поднялся и спросил ее; *Аха лара уи д-а-кушахату д-а-кушахатму хаздырзомихэйт Сасран* (Гул. Камац. Ишыг.) 'Но она (на это) согласна или не согласна — мы совсем не знаем, — сказал Сасран'; *Червяков аебатэ-и арад афы дтэанл, биноклла... д-ры-хуацшун* (Алашара) 'Червяков, сидя во втором ряду, биноклем... следил за ними (через бинокль рассматривал)'; *Уца нак!* — *д-и-кукаайт агенерал* (Там же) 'Убирайся! — закричал на него генерал'.

Таким образом, показатели ряда *Л* в отличие от аффиксов ряда *Д* занимают в глаголе второе и третье место в зависимости от выраженных в нем грамматических лиц и выполняют ту функцию, которую при наличии склонения в абхазском языке выполнили бы падежи: эргативный, дательный, родительный,²⁷ творительный.²⁸

Там, где в других иберийско-кавказских языках имеем форму эргативного падежа, в абхазском языке соответственно функционирует один из показателей ряда *Л*.²⁹

Ср. груз. *Melano-m mi-i-tan-a tavisi zvel-i tavsapar-i da tavze gadaaraga* (Баши-Ачуки) 'Мелано (эрг.) поднесла свою старую козынку и прикрыла ей голову'. В переводе на абхазский язык соответствующее содержание (эргативное) передается целиком в глаголе при помощи аффиксов ряда *Л*: *Мелано л-касыжэ и-аа-тэ-л-ган и-на-ганы*³⁰ *Тимсал-Мако л-хэ и-на-ку-л-цэит* (Баши-Ачуки) 'Мелано свою старую козынку взяла и, поднеся, на голову Тимсал-Мако положила'; груз. *Avtandil³¹ asmat-s ustari misc-a misisa zrdilisa* (Витязь в тигровой шкуре); абх.: *Тандил и-л-и-тэит Асмат шэку лазаамта лэытца* (Абжас-цэа | зшэу) 'Автандил передал Асмате письмо, написанное рукой ее воспитанницы'; груз. *Asmat ga naха ustari, spa misi danaşeroba* (Там же); абх. *Асмат и-ан-э-л-ба убри ашэку, абра и-л-дырит убри л-напы* (Там же) 'Асмат как увидела письмо, узнала здесь ее почерк (букв. ее руку); груз.: *Avtandil Fałman-s doveli utxra ambavi tavisа* (Там же); абх. *Автандил итроурых атэы зегь и-л-е-и-хэт Фатман* (Там же) 'Автандил сказал все о себе Фатмане (рассказал свою историю)'; груз. *Kal-man sulad moaksi-a, mkerdsa cđal-i da-arқur-a* (Там же); абх. *Апхэыс Таригел зык и-и-и-ку-л-тэит...* (Там же) 'Женщина привела его в чувство, капнула ему на грудь воду'. Ср. также каб. *Щалэм* (подл. эрг. п.) *письмо* (п.д. им.п.) *итхац*'; груз. *Axalgazda-*

²⁷ *лы-шэку* 'ее книга', *и-шэку* 'его (муж.) книга' и т. д.

²⁸ См. об этом: Л о м г а т и д з е. ОМ, с. 320.

²⁹ «Эти же префиксы, — отмечает И. И. Мещанинов, — выражая при переходном глаголе субъект активного действия, получают тем самым содержание, соответствующее эргативному падежу подлежащего других кавказских языков, где для обозначения активного деятеля употребляется падежная форма, отсутствующая в абхазском» (ОБ, с. 496—497).

³⁰ Как правило, в деепричастиях, образованных от глаголов переходных, субъективный показатель (в данном случае *л-*) отсутствует.

³¹ Собственные имена в эргативном падеже представлены без окончания, что является нормой древнегрузинского языка.

т *сәрил-и да-сег-а*; абх. *Арыс ашәжү и-и-сит* 'Парень письмо написал'. В абхазском примере *и-* (на втором месте) — морфологический показатель ряда *Л*, выполняет синтаксическую функцию эргативного падежа. Следовательно, различение двух рядов личных и классовых показателей в абхазском языке аналогично наличию двух основных падежей — именительного и эргативного, также дательного, родительного и творительного падежей в адыгских, а также картвельских, дагестанских,³² нахских языках.³³

Ущербность системы склонения в абхазском и абазинском и отсутствие именных синтаксических способов выражения субъектно-объектных отношений компенсируется здесь и функционированием префиксов *и-* и *з-*, которые, включаясь в глагольную форму, выступают в роли относительных местоимений, образуют причастия (морфологизованные причастные конструкции) и по своим синтаксическим назначениям совпадают с аффиксами рядов *Л* и *Д*. Первый из этих префиксов выступает в причастиях для обозначения³⁴ субъекта непереходного глагола, с одной стороны, и прямого объекта переходного глагола — с другой. В инфинитивных формах глагола, следовательно, на префикс *и-* возлагаются синтаксические функции, выполняемые аффиксами ряда *Д* в финитных формах глагола.³⁵ Приведем финитные формы непереходного глагола *ацара* 'идти':

Ед. число		
<i>сара с-цойт</i>		'я идю'
<i>уара у-цойт</i>		'ты (муж.) идешь'
<i>бара б-цойт</i>		'ты (жен.) идешь'
<i>иара</i>	}	Э-цойт 'он, она (кат. ч.) идет'
<i>лара</i>		
<i>иара и-цойт</i>		'он, она, оно (кат. в.) идет'
Мн. число		
1-е л. <i>ҭара</i>	<i>ҭ-сойт</i>	'мы идем'
2-е » <i>иара</i>	<i>иш-сойт</i>	'вы идете'
3-е » <i>дара</i>	<i>и-сойт</i>	'они идут'

В инфинитивных конструкциях глагола эти формы заменены одной формой с префиксом *и-*, который в ней занимает первое место и,

³² Б о к а р е в Е. А. Выражение субъектно-объектных отношений в дагестанских языках. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948, т. VII, вып. 1, с. 16—20.

³³ См.: Д е ш е р п е в Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, с. 505.

³⁴ См.: Л о м т а т и д з е. ОМ, с. 392.

³⁵ Относительных местоимений как самостоятельных языковых единиц в абхазском языке нет, их роль выполняют описываемые префиксы (Там же, 353).

передавая содержание относительного местоимения «который», сообщает всей конструкции значение субъектных причастий.³⁶ Соотнесенность этого префикса тому или иному синтаксическому лицу может быть установлена лишь в контексте, где функционирование этого префикса дает следующую картину:

Кесоу уаќа и-ќаз аќсишэа и-ре-и-хэеит

↓
суб.

‘Кесоу приветствовал присутствующих’ (досл. ‘Кесоу тем, которые были там, приветствие отдал’)

Сакъан и-а-лфыз ауафы (Г. Гул. Сакъан ааф.)

↓
суб.

‘Человек из Сакена’ (досл. ‘Тот человек, который вышел из Сакена’)

Хьымкуараса аныжэ дааанахэит и-и-фо и-и-жэуа и-мамќуа

↓   ↓
п.о.   п.о.

‘Химкуараса остался в старом доме без пищи, без питья’ (досл. ‘То, что есть, то, что пить не имея’)

Уара и-уа-р-хэо кафала! (Баши-Ачуки)

↓
п.о.

‘Ты (муж.) делай то, что тебе они сказали!’

Моурав, иуахама и-с-хэаз? (Там же)

↓
п.о.

‘Моурав, ты слышал (то), что я сказал?’

Что касается префикса з-, то круг его синтаксических значений совпадает с кругом значений префикса ряда Л, и в иерархической цепочке словоизменятельных элементов субъектно-объектных причастий он занимает также второе, третье или четвертое место в зависимости от лица, выраженного в причастной конструкции. Префикс з- выражает только синтаксическую функцию лично-классных префиксов ряда Л, префикс и- — аффиксов ряда Д, т. е. в противоположность лично-классным префиксам Д и Л относительные субъектные (и-) и субъектно-объектные (з-) префиксы не различают ни лиц, ни грамматических классов. Соотнесенность тому или иному синтаксическому лицу при использовании префикса з- может быть установлена также с помощью контекста:

Дышънейуаз ауаха иахэша ды-з-газ ифы днеит (диалектн.)

↓
суб.

³⁶ ГАЯ, с. 66.

‘Идя ночью, пришел он (кат. чел.) к тому, кто его сестру увел’

Сара, баба и-с-зы-з-тэо исымадаз (Ап̄с. лак.)

↓
суб.

‘Не имею никого, кто меня отцом назвал бы’ (досл. ‘Мне «отец» кто говорит, никого не имел’)

Сара с-з-аазаз ах аены дсызт̄шуп (Там же)

↓
суб.

‘Дома ждет царь, воспитавший меня’

Амиын афы амац̄ з-уа (Ап̄хэысхэ)

↓
суб.

‘Кто в море служит’ (досл. ‘Кто в море службу делает’)

И-зо-у-тэо з-махауа, и-з-то-у-тэо з-кылсуа (Гул. Посл.)

↓
к.о.

↓
к.о.

‘Тот, кому ты говоришь, не слушает, во что ты вливаешь, не держит (протекает)’.

В последнем примере префиксом *з-* передано значение косвенного объекта трехличных переходных глаголов *ахара* ‘сказать’, *азта-тара* ‘вливать’ (во-что-либо).

Этим же префиксом выражается косвенный объект двухличных непереходных глаголов:

Гудал итсы заны и-зы-т̄хьо дазызыреуеит (Г. Гул. Сакван ааг̄.)

↓
к.о.

‘Гудал напряженно слушал то, что они читали’

Аха уи д-зы- қугубуа акыр имазар? (Там же)

↓
к.о.

‘Может быть, ему есть на что надеяться?’ (Досл. ‘Но он (кат. чел.) на что надеясь, может быть, имеет?’)

Подобно аффиксам ряда *Л*, префикс *з-* в определенных случаях может передать содержание творительного и родительного падежей других языков. Примеры: *и-з-ла-р-ѳуа* (Дж. Абх.-груз. словарь) ‘То, чем они пишат’; *Аены з-ла-ка-р-ѳаз агураха адзахы икары-жит* (Там же) ‘Топор, которым дом построили (букв. сделали), во двор выбросили’; *З-уха сааиз, ауха дшит* (Там же) ‘В которую ночь я пришел, в ту ночь он (кат. чел.) родился’; *Зы-ѳара ду атсахра* ‘Долгосрочная ссуда’ (букв. ‘Тот долг, которого срок большой’). Ср. там же: *Зы-ѳара кьафы атсахра* ‘Краткосрочная ссуда’ (букв. ‘Ссуда, срок которой короткий’) и т. д.

На важное значение префикса *з-* для выражения субъектно-объектных отношений в системе абхазского и абазинского языков указывает А. Н. Генко, по мнению которого во всех случаях применения этой морфемы она формально соответствует лишь косвенным падежам относительного местоимения 'который' и все случаи ее по значению употребления могут быть сгруппированы следующим образом:³⁷

1) префикс *з-* соответствует неопределенно-личному местоимению других языков ('чей', или 'которого' род. пад.): *зы-пы-дцациада* 'к кому он идет' (букв. 'тот, которого к соседству он идет, кто');

2) префикс *з-* соответствует дательному падежу других языков (в значении 'которому' или 'для которого'): *ауасагыча з-ыужIауа* 'которого ты называешь пастухом' (букв. 'которому ты говоришь пастух');

3) префикс *з-* передает значение инструментального, орудийного или творительного падежа других языков (в значении 'которым', 'при помощи которого'): *Иы-з-лары-дэхтыцIуайа?* 'Чем они отличаются от них?' (букв. 'То, которым отличаются от них, что?').³⁸

Таким образом, если префикс *и-* в инфинитных формах глагола (в субъектных причастных конструкциях) выполняет те синтаксические функции, передача которых в финитных формах глагола возлагалась на показатели ряда *Д* (обозначение прямого объекта переходных глаголов и субъекта непереходных глаголов), т. е. префикс *и-* в соответствующем контексте передает содержание именительного падежа; *и-цо* 'тот, который идет', *и-с-фо* ('то, что я ем' и т. д.), то префикс *з-* закономерно заменяет показатели ряда *Д* и соответственно компенсирует синтаксические функции эргативного, дательного, родительного и частично творительного падежей. Ср.

и-ка-з-цо 'тот, который делает' (эрг. п.)

и-зы-л-то 'тот, которому она (жен.) то (кат. в.) дает' (дат. п.)

з-ан 'которого мать' (род. п.)

ды-з-ла-со 'которым идет он (кат. чел.)' (твор. п.).

Функционирование относительных субъектных и субъектно-объектных префиксов для выражения причастных конструкций и для построения синтаксических конструкций в абхазском и абазинском языках теснейшим образом связано с нейтральным характером, с залоговой недифференцированностью глагольной основы. При отсутствии противопоставления действительного и страдательного залогов лабильность конструкции здесь выступает особенно отчетливо:³⁹ *ды-з-шыца* 'тот, который убивает его' (кат.

³⁷ Генко. АБЯ, с. 110.

³⁸ Там же, с. 110—111.

³⁹ Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках. — Изв. ИЯИМК, 1942, с. 223—224.

чел.)', *и-л-шьуа* 'тот, которого убивает она (жен.)'. Эти глагольные конструкции не соответствуют ни значению «убивающий», ни значению «убиваемый», так как в них меняется не глагольная основа, а варьируют местоименные префиксы, придавая одной и той же глагольной основе значение то действительного, то страдательного причастия. По мнению К. В. Ломтатидзе, эти образования следует рассматривать как слова-предложения с функцией причастий.⁴⁰ Характерно, что, например, в бацбийском языке с развитой системой склонения в аналогичном случае, при нейтральном характере основы причастия по отношению к глаголам, их «действительное» и «страдательное» значения выражаются синтаксически, порядком расположения главных членов предложения: *пстГу(и)нчон вецГи мар* 'жене (женой) любимый муж', *маран йецГи пстГу(и)и* 'мужу (мужем) любима(я) жена.⁴¹ С другой стороны, причастие в функции «действительного» залога образуется лишь от непереходных глаголов и, передавая содержание именительного падежа, как правило, предшествует определяемому слову: *в-отГуы стГакI* 'идуший человек', *вахин кIнат* 'ушедший парень', *йахин йохь* 'ушедшая девушка'.⁴² Подобное явление засвидетельствовано А. А. Бокаревым в аварском языке.⁴³

Таким образом, структурным и функциональным разграничением двух рядов аффиксов в абхазском языке компенсируется отсутствие падежных корреляций, т. е. синтаксических средств передачи субъектно-объектных отношений. Особенно отчетливо это видно на примере выражения эргативной или эргативообразной конструкции переходного глагола.⁴⁴ Как уже было отмечено выше, именно строго определенные закономерности при использовании личных и классных показателей и их структурное и функциональное разграничение в 3-м лице — основной морфологический способ выражения эргативной конструкции; иначе говоря, переходный глагол в абхазском языке впитал в себя все те специфические синтаксические и морфологические особенности, которыми так насыщена эргативная конструкция предложения в иберийско-кавказских языках.⁴⁵ Особенности построения эргативной конструкции в абхазском и абазийском языках с достаточной убедительностью свидетельствуют, что основу своеобразия эргативной конструкции в том или ином языке следует усматривать в характере переходного глагола, являющегося основным источником и доминирующим компонентом эргативной конструкции.⁴⁶

⁴⁰ Ломтатидзе. ОМ, с. 391.

⁴¹ Дешериев. БЯ, с. 157.

⁴² Там же, с. 157.

⁴³ Бокарев. САЯ, с. 73.

⁴⁴ Гецадзе. 1) ЭКП; 2) К истории формирования эргативной конструкции в абхазском языке. — ЭК, с. 156—168.

⁴⁵ Чикобава А. С. Несколько замечаний об эргативной конструкции. — ЭКП, с. 6—7.

⁴⁶ Там же, с. 246.

В языках с эргативным построением, как известно, специфичной является и система склонения, что, со своей стороны, обусловлено своеобразием спряжений глагола. К тому же, эргативная конструкция характеризуется не столько наличием особого эргативного падежа,⁴⁷ сколько самой системой падежных противопоставлений. «В абхазском языке, — пишет по этому поводу И. И. Мещанинов, — эргативный падеж отсутствует, но строй предложения остается эргативным, так как показатели эргативности перенесены на глагольную аффиксацию. Следовательно, выделение одного лишь активного падежа, как бы оно ни было характерно для данной конструкции, все же недостаточно для ее наименования эргативной».⁴⁸ «Передача субъектно-объектных отношений одним построением глагола, — указывает в другой работе И. И. Мещанинов, — соответствует эргативной структуре предложения. В ней субъектные и объектные отношения могут соединяться грамматическим оформлением глагола без их залоговой дифференциации. В основу таких синтаксических построений ложится различная морфологическая передача субъекта действия и субъекта состояния, участвующих в образовании переходных и непереходных предложений. Оставаясь в них теми же логическими категориями, они получают грамматическую форму одну для субъекта действия, а другую для субъекта состояния. В синтаксической конструкции эргативного предложения они выделяются своей грамматической формой, передающей субъектные и объектные отношения».⁴⁹

Следовательно, проблема эргативной конструкции может ставиться применительно и к таким языкам, в которых нет склонения, — если только в переходном глаголе фиксируются характерные особенности.⁵⁰ К числу таких языков относится и абхазский, где не только проблема эргативной конструкции, но и все основные вопросы субъектно-объектных отношений рассматриваются с точки зрения морфологической структуры переходного глагола.⁵¹ Грамматическая мобильность и подвижность глагольного слова в абхазском и абазинском⁵² создают все необходимые условия для функционирования⁵³ здесь фундаментальных синтаксических конструкций, представленных в других иберийско-кавказских язы-

⁴⁷ Мещанинов И. И. Моя текущая работа и ее перспективы. — ВЯ, 1958, № 6, с. 126.

⁴⁸ Там же, с. 127.

⁴⁹ Мещанинов. ЭК, с. 194—195.

⁵⁰ Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкции по данным древнегрузинского литературного языка. Тбилиси, 1948, с. 131 (на груз. яз.).

⁵¹ См. также: Deeters G. Der Abchasische Sprachbau. — Nachricht von der Gesellschaft der Wissenschaft zu Göttingen, 1931, S. 296—298.

⁵² Allen W. S. Structure and System of Philological Society. Hertford, 1956, p. 152—160.

⁵³ Климов. ОТЭ, с. 69.

как как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. Зависимость структуры предложения от морфологической структуры глагольного слова в данном случае нельзя приравнивать к часто привлекаемой для объяснения в последнее время «морфологизации»⁵⁴ синтаксиса или межуровневой интерпретации, когда прием морфологической квалификации синтаксических единиц допускает известную степень формализации и удобства описания.⁵⁵ В абхазском и абазинском языках тотальное переключение морфологических категорий в синтаксические закономерно и необходимо с точки зрения грамматической системы этих языков. Выход в структуру предложения морфологической категории глагола — сложнейшего фрагмента абхазско-абазинской языковой структуры — характеризуется определенной синтаксической направленностью, синтаксической перспективой. В этой связи нам представляется правильным и применимым к материалу языков, где морфологическая основа определяет синтаксическую структуру, замечание А. В. Бондарко о том, что «существуют разные типы отношений морфологических категорий к структуре предложения. В одних случаях морфологическая категория становится таким элементом синтаксической структуры, который определяет ее тип: при замене одного компонента категории другим меняется тип синтаксической структуры (или эта структура разрушается). В других случаях тип синтаксической структуры не зависит от того, каким из своих компонентов представлена морфологическая категория».⁵⁶ Поэтому, исходя из специфики построения синтаксических конструкций в абхазском языке, где представлен вполне выдержанный морфологический вариант эргативного построения, трудно согласиться с мнением ряда авторов о расширенном исчислении эргативной конструкции в языках аналогичной структуры.⁵⁷

---

⁵⁴ См. об этом: К о д у х о в В. И. О двух основных аспектах предложения. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков. Л., 1975, с. 37.

⁵⁵ Б о н д а р к о А. В. Теория грамматических категорий. Л., 1976, с. 16—17.

⁵⁶ Там же, с. 20.

⁵⁷ У с п е н с к и й Б. А. Замечания по типологии кетского языка. — В кн.: Вопросы структуры языка. М., 1964. См. об этом: Г е ц а д з е И. О. К типологии падежных систем. — В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.

**ПОРЯДОК РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
КАК ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ
ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Выявление особенностей построения эргативной конструкции и установление морфологического характера ее выражения не означает, что эта конструкция выступает в качестве единственного грамматического способа для передачи субъектно-объектных отношений в абхазском языке. Анализ материалов показывает, что с рассматриваемым вопросом тесно связан и значительную роль для выражения синтаксических отношений играет и порядок постановки в предложении подлежащего и дополнения (прямого и косвенного), показатели которых строго закономерно и по-разному распределены в формах переходных и непереходных глаголов. Дело в том, что, поскольку в абхазском языке в силу отсутствия падежных флексий синтаксические отношения между именами и глаголами передаются при помощи личных и классных префиксов, то, естественно, когда речь идет о выполняемых ими функциях, возникает необходимость уяснить — что, собственно, мы должны считать «объектом» и что — «субъектом» с синтаксической точки зрения.

Опора только на глагольные префиксы не всегда надежна, потому что, не говоря о первых двух, даже в 3-м лице (как отмечено выше) при наличии двух морфологически и синтаксически четко разграниченных рядов аффиксов наблюдается совпадение показателей. В этих условиях определение реального субъекта и объекта затрудняется и на передний план выдвигается порядок следования в предложении имен, выступающих в качестве его основных компонентов.¹

---

¹ Следует отметить, что в условиях отсутствия системы склонения употребление терминов «подлежащее» и «дополнения» по отношению к абхазскому языку нужно считать условным. Отсутствие падежных окончаний не позволяет разграничить прямое и косвенное дополнение таким способом, как, например, в грузинском, где косвенное дополнение всегда в дательном падеже, а прямое — в дательном (I серия времен) и именительном (II серия

Порядок слов, как известно, принадлежит к числу важнейших синтаксических способов передачи субъектно-объектных отношений, а в системе ряда языков он играет ведущую роль.² Предложение, будучи сложным и многогранным явлением, предполагает его исследование на разных уровнях: логическом, грамматическом, коммуникативном. Каждый из этих уровней может выступать как особый аспект исследования.

К проблеме порядка слов, или линейного расположения компонентов лексико-грамматического состава предложения, в последние годы обращались многие ученые. По замечанию Г. Глисона, «порядок слов является одним из самых основных синтаксических показателей в любом языке, а также одним из наиболее сложных».³ Проблема линейной структуры предложения характеризуется своей многоаспектностью, а также тем, что она тесно связана с рядом других проблем общего и частного синтаксиса, допускает несколько разных подходов и в исследованиях разных авторов получает далеко не однозначное решение. Выбор того или иного порядка слов для каждого языка зависит от ряда факторов различной природы и различной степени значимости, но в конечном счете тесно связанных с грамматической структурой данного языка.

Так, например, в русском языке на первый план выступает стилистическая функция порядка слов. В силу наличия богатой системы флексий грамматическая функция порядка слов значительно слабее. Роль слова в предложении определяется не столько его позицией, сколько формой. Поэтому порядок слов в русском языке считается свободным. Грамматические отношения между словами не изменяются, если мы в предложении, например, *Девочка куклу купила* переставим слова: *Куклу девочка купила*.⁴ Но это характерно далеко не для всех языков. Так, например, порядок слов имеет большое значение для грамматического строя современного французского языка, где с постепенным расплыванием флективной системы наблюдается все усиливающаяся грамматизация порядка слов как основного синтаксического способа

времен). Однако, если мы все же говорим о подлежащем и дополнении, то в каждом отдельном случае исходим из конкретных смысловых отношений, существующих между глаголом и именными членами предложения.

² См. об этом: Адмони В. Г. К проблеме порядка слов. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 4, с. 89; Майтинская К. Е. К вопросу о категориях падежа. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 230.

³ Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Русск. перевод. М., 1959, с. 194.

⁴ Такая перестановка слов, однако, весьма относительна и бывает не всегда произвольной. В определенных случаях (в том же русском языке) обратный порядок слов, т. е. инверсия, связан с действием логического ударения. См.: Грамматика русского языка, т. II. Изд. МГУ, М., 1954, с. 660—661.

выражения субъектно-объектных отношений.⁵ В английском языке, где подлежащее и прямое дополнение, выраженные существительными, не оформлены какими-либо морфологическими показателями, постановка на первом месте подлежащего в предложении типа *The boy asks the teacher* 'Мальчик спрашивает преподавателя' является обязательной: только благодаря такому расположению слово *the boy* понимается как подлежащее, а *the teacher* — как прямое дополнение.⁶ Общеизвестны также факты китайского языка, где у слова, как правило, отсутствуют специальные формы, которые определяют его синтаксическую роль в предложении. Синтаксическая роль здесь определяется прежде всего его позицией: 'Он побил меня'. Перестановка слов в предложении влечет за собой изменение грамматических отношений между словами и полное изменение смысла: 'Я побил его'. Поэтому порядок слов в китайском языке считается фиксированным, определенным. Если, например, в русском языке критерием того, что существительное является подлежащим служит его именительный падеж, то в китайском, где падежных форм у слова нет, используется его позиция перед сказуемым, т. е. чаще всего в начале предложения.⁷

Что порядок слов в определенных случаях приобретает грамматическое значение, подтверждается и данными иберийско-кавказских языков. Так, порядок слов является строго обязательным в некоторых случаях в лакском языке. «Это, — как отмечает Л. И. Жирков, — бывает тогда, когда соответствующие морфологические формы слов фонетически не различаются, совпадают по звучанию, являются омонимичными и, следовательно, различие смысла высказывания может быть выражено только местом формы в составе предложения. Формы личных местоимений *мэ* 'я', *ина* 'ты', *жу* 'мы', *зу* 'вы' выражают как именительный падеж, так и активный падеж соответствующих местоимений. Поэтому в тех случаях, когда в составе предложения находятся два личных местоимения — одно, в роли подлежащего, выраженного активным падежом, а другое — в роли прямого дополнения в именительном падеже (активн. п.) всегда предшествует прямому дополнению (им. п.). Так, например: *На ина чивчуну ура* 'Я тебя (муж.) записал'; *Ина на чивчуну ура* 'Ты меня записал'.⁸

Подобное явление имеет место и в адыгских языках, где субъектно-объектные члены предложения располагаются в строгом порядке, если они выражены неопределенными или собственными именами. В этих случаях на первом месте стоит подлежащее, за ним следует прямое дополнение: *Жэм льякьуэ шкIэ иукIыркъыл* (погов.) 'Коровья нога не убивает теленка'. Строгая локализация

⁵ Шахова Н. В. К вопросу о грамматической функции порядка слов в современном французском языке. АҚД. Л., 1951.

⁶ Майтинская К. Е. Указ. соч., с. 230.

⁷ Вопросы китайской грамматики. М., 1957, с. 15.

⁸ Жирков Л. И. Лакский язык. М., 1955, с. 136.

членов предложения в приведенных примерах обусловлена тем, что субъектно-объектные отношения в них выражены синтаксически, т. е. порядком слов.⁹

В абхазском языке при отсутствии падежных флексий для подлежащего и дополнения порядок их линейного расположения в предложении является одним из основных синтаксических способов передачи субъектно-объектных отношений и структурной организации предложения.

П. К. Услар, впервые квалифицировав принцип расположения личных и классных показателей и заложив тем самым основу делению глаголов на переходные и непереходные, не ограничился только характеристикой структуры глагольных форм. Обратив внимание также и на структуру предложения, он отметил, что имена субъекта и объекта в самом предложении расположены по-иному, чем их показатели в форме сказуемого — глагола. «Если предмет, — писал он,¹⁰ — на который обращено действие глагола, выражен местоимением личным, то характеристика последнего вставляется в самую глагольную форму; таким образом, здесь сходятся две характеристики: одна лица действующего, а другая лица, на которое обращено действие. Для избежания недоразумения обыкновенно перед глаголом ставятся полные формы местоимений личных (выделено нами, — *И. Г.*); первая из них обозначает, какое лицо действует, вторая — на какое лицо обращено действие. В глагольной форме характеристики располагаются наоборот, т. е. первая из них показывает, на какое лицо обращено действие, а вторая — какое лицо действует».¹¹ Это правило расположения полных форм местоимений, продолжает далее П. К. Услар, «находим и для существительных, следовательно, взаимное отношение их определяется расположением, к чему присоединяется обратное расположение местоименных характеристик в глаголе».¹²

Таким образом, П. К. Услар совершенно правильно отметил характерный для абхазского языка факт закономерного расположения подлежащего и дополнения в предложении как один из основных способов выражения синтаксических отношений, подчеркнув, что «различные отношения между существительными определяются самим смыслом, придаточными местоименными характеристиками, расположением слов» (выделено нами, — *И. Г.*).¹³

Вопрос о грамматической функции порядка размещения субъекта и объекта в предложении в абхазском языке неоднократно рассматривался и в работах И. И. Мещанинова. В статье «Основ-

⁹ ГКЧЯ, с. 213.

¹⁰ Услар. АЯ, § 42, 43, 44.

¹¹ Там же, с. 55—56.

¹² Там же, с. 81.

¹³ Там же, с. 80.

ные виды синтаксических группировок»¹⁴ И. И. Мещанинов, рассматривая особенности синтаксиса абхазского языка, отмечает, что «слабое развитие склонения имен в этом языке, отсутствие в нем специального падежа приводит к закреплению за подлежащим определенного места в предложении и к особому значению глагольной аффиксации. Подлежащее, лишенное падежного окончания, устанавливается местоположением, сказуемое выделяется развитой префиксацией глагола».¹⁵ В книге «Члены предложения и части речи», рассматривая порядок слов (по терминологии автора — «локализацию») как один из важных способов выражения синтаксических отношений, И. И. Мещанинов широко пользуется данными абхазского языка, считая их наиболее четкими и характерными. «В абхазском языке, — отмечает он, — в котором склонение имен почти не выявлено, правила локализации крайне точны в их соблюдении, так как другим путем не удастся установить, что именно по смыслу предложения оказывается носителем действия и на кого последнее направляется. Имеющиеся на это указания в глаголе, даже при синтаксическом построении предложения, все же далеко не всегда являются достаточными. Глагольные аффиксы оказываются иногда слишком общими. Например, связующие в глаголе элементы, представленные в абхазском языке классными показателями, не везде проводят точное разграничение, в особенности тогда и действующее лицо и предмет действия получают формально классный показатель».¹⁶

Изучение соответствующих материалов показывает, что порядок слов в абхазском языке как один из ведущих синтаксических способов выражения субъектно-объектных отношений по-разному варьирует в предложениях с переходными (двухличными и трехличными) и непереходными глаголами.

Классификация наиболее характерных случаев линейных отношений в структуре предложения в абхазском и абазинском языках дает возможность установить следующее.

1) Порядок постановки имен субъекта и объекта в предложениях с двухличными переходными глаголами подчиняется следующей закономерности: на первом месте подлежащее, на втором — прямое, «ближайшее» дополнение, за ним — обычно в простом предложении — следует форма двухличного переходного глагола-сказуемого, в котором порядок расположения морфологических показателей подлежащего и прямого дополнения обратный, т. е.

¹⁴ Мещанинов. ОВ, с. 496—497.

¹⁵ Там же, с. 497.

¹⁶ Там же, с. 416. Используя наблюдение П. К. Услара, И. И. Мещанинов в этой же работе особо подчеркнул, что «полежащее в абхазском языке ставится на первом месте, а прямое дополнение на втором, косвенное дополнение вставляется между ними, сказуемое помещается в конце, причем оно слабеет показателями других членов предложения в обратном порядке: *сара уара у-с-гоит* 'я тебя веду', *уара сара с-у-гоит* 'меня ты ведешь' (Там же, с. 417).

на первом месте показатель прямого объекта, на втором — субъекта. П р и м е р ы:

Хымкуараса тхэыс д-аа-и-гейт (Аҕс. лак.)
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о   суб.

‘Хымкуараса жену привел’

Атаца лҕаҕа ллымҕахь и-л-гон (Гул. Посл.)
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о.   суб.

‘Невестка свой кусок к уху подносила’

Саргы акы и-э-дыруейт (Гул. Камаҕ. Иҕымт.)
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о.   суб.

‘Я тоже что-то знаю’

Зина аҕреи аҕхҕарей и - л-дыруан (И. Папасқыр. Ғемир)
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о.   суб.

‘Зина писать и читать умела (букв. ‘чтение и писание знала’)’

Ҷкунак аусаҕуа и - и - хьчон дэжк ағы
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о.   суб.

‘Мальчик овец пас в поле’

Камачыҕ Ғатластан ды - л - шьит (Гул. Камаҕ. Иҕымт.)
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о.   суб.

‘Камачыҕ Татластана убила’

Нас изитаххазей Казбич Бела д - и - гаразы? (Лерм. Хаамт. аф.)
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о.   суб.

‘Почему захотел Казбич Белу увезти?’

Анаҕсгы акры ааҕуан иара Бела бзиа д - и - бозижьтей
 (Там же)
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о.   суб.

‘Притом давно он Белу любил’

Шәара — сара сы-жэ-дыруазар, сабгьы дыжэдыруазары
 | | | |
 подл.   п.д.   п.о.   суб.
 (Евангелие¹⁷)

‘Если вы меня знали, знали и моего отца’

¹⁷ Пример из работы: Ч к а д у а Л. П. Образование условного наклонения в абхазском языке. — Тр. АбхНИИ, 1958, XXIX, с. 288.

Нодар иаб ѓ - ан - и - ба (Цѣн. Сышь. қыт.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Нодар отца когда увидел...’

Баба акгыи и - и - з - дырзом макъана (Цик. Абж. д.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Отец пока ничего не знает’

Эта же закономерность расположения подлежащего и прямого дополнения в предложениях с двухличным переходным глаголом действует и в диалектах абхазского языка. Примеры:

Ацшма пѣрѣс афатѣ и - лы-рх'иейт (Бгаж. Бз. диал.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Хозяйка пищу (еду) приготовила’

Аба абаа ѓ - а - з'эыт (Там же)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Враг штурмовал крепость’

Аз'быѣ аус и - и - з'бит (Там же)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Судья разобрал дело’

Ахмат ачкун асныка ѓ - и - гейт (Аѣс. лак.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Ахмед мальчика домой привел’

Сара абытѣ пѣа и - сы - мфаз'ац'т (диалектн.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Я теплую мамалыгу давно не ел’

Хмыс азынѣы и - и - мбейт (То же)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Хмыс цепи не нашел’

Сара бара иахѣа-аѣа бы-ггы-зы-мбасѓ (Ломт. Тап. д.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Я тебя (жен.) до сегодняшнего дня не видел’

АгIвешѣва агIажиѣва адзвадза и - на - р - хIвейт пхIвесиита

подл. п.д. п.о. суб.

(Там же)¹⁸

¹⁸ Порядок постановки субъекта и объекта как один из основных способов выражения синтаксических отношений является предметом специаль-

‘Два брата обеих сестер (по одной) взяли в жезы’

2) В предложениях с трехличными переходными глаголами¹⁹ на первом месте подлежащее, на втором — косвенное дополнение, а на третьем — обычно непосредственно перед глагольной формой — прямое дополнение. В глаголе-сказуемом на первом месте показатель прямого объекта, на втором — косвенного объекта, на третьем — субъекта. П р и м е р ы:

Апа иаб акрыфаши и - и - и - рџон (Гул. Посл.)

подл. к.д. и.д. п.о. к.о. суб.

‘Сын учил отца кушать’ (букв. ‘Сын своего отца правилу кушания учил’)

Сара уркразы иушьтаз алафуа аџи и - р - ны - з - дон (Аџс лак.)

подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

‘Я собак (которые гнались за тобой, чтобы поймать) ветерком прохладжал’

Ари аџџэзба ажэа џаафуа и - ле - и - џэон

подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

‘Он девушке сладкие (приятные) слова говорил’ (Г. Гул. Сакџан ааџ.)

Зурбей сара алаку и - се - и - џэит (диалектн.)

подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

‘Зураб мне рассказал сказку’

Адау дгурџбайџа иаразнак иишьџаагъы адырра и - р - и - џейт

подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

(Аџс. лак.)

‘Адау с радостью братьям сразу сообщил (букв. он им знать дал)’

ного рассмотрения в монографии А. Н. Генко «Абазинский язык» (М., 1955), где автор в качестве материала использует данные главным образом тапантского диалекта. Изучая порядок постановки имен субъекта и объекта в предложениях с двухличными переходными глаголами, А. Н. Генко отмечает: «В предложении с переходным глаголом на первом месте стоит название логического субъекта действия, на втором — грамматического субъекта (логического объекта) действия и на третьем — глагол. Н а п р и м е р: *Ауат хІара хІырхчыйд* ‘Они нас охраняют’; *ХІара абацакэа хІыпхзад* ‘Мы наломали хворост’; *Гвыныйпхъндза заджваджэ пионер рымаб* ‘Каждая группа имеет по одному шпиону’ (Указ. соч., с. 192).

¹⁹ А. Н. Генко именует их «двойные переходные глаголами»: «В предложении с двойно переходным глаголом на первом месте стоит обычно логический субъект, на втором косвенный объект, на третьем — грамматический субъект, например: *Азавод акІолхоз зланџауа амашинакэа гІарнатыйд* ‘Завод дает колхозникам рабочие машины’; *АчІекІыи агна хуы йырытад* ‘Мальчик все три отдал трюм’ (Указ. соч., с. 192).

Цхъэыс дыззаамгаша ахъсакуа зегъы авба и - р - и - тейт
 подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

(Гул. Посл.)

‘Кто не женится (который не приведет жену), у всех женщин недостаток находит (досл. недостаток отдает)’

Арцъады ацъацъа адцъакуа и - р - и - тейт (Дж. Абх.-груз.
 подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

словарь)

‘Учитель ученикам задание дал’

В ряде переходных глаголов абхазского языка со сложной основной субъектный показатель включен в основу,²⁰ а показатель прямого объекта сохраняет свою позицию. В предложении с такими глаголами порядок постановки субъекта и объекта остается таким же, как в рассмотренных выше предложениях с двухличными и трехличными переходными глаголами, например:

Азбаб дахыхумариша атак и - ка - л - цон (Г. Гул. Сакъан аагъ.)
 подл. п.д. п.о. суб.

‘Девушка шутливо отвечала (досл. ответ делала)’

Кесоу тынч игулаз акамбашькуа аубу и - ры - ку - и - цейт (Там же)
 подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

‘Кесоу спокойно стоящим буйволам ярмо надел’

Ацхъызба ацъаадкуа зегъы наѣ и - ны - къы - л - цейт (Там же)
 подл. п.д. п.о. суб.

‘Девушка все бумаги в сторону отложила’

Никуала ичабра иеикуа адъыба ду и - н - те - и - цейт (Там же)
 подл. п.д. п.о. суб.

‘Никуала свой носовой платок спрятал в огромный карман брюк’

Даут азбабцъа апарниккуа рахъ и - дзы - ку - и - цейт (Там же)
 подл. п.д. п.о. суб.

‘Дауд девушек к парникам послал’

Амаана абаа и - ъ - на - жэоит (Гул. Посл.)

подл. п.д. п.о. суб.

²⁰ Подробно об этом см.: Л о м т а т и л з е. II, с. 32.

‘Хитрость даже крепость взорвет’

Сара хвы-та и-пшыцла-с-цлауа... (Ломт. Тап. д.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Я цену какую определяю...’

3) В предложениях с непереходными глаголами, напротив, последовательность субъектно-объектных членов предложения совпадает с порядком аранжировки их показателей в форме самого глагола. П р и м е р ы:

Азъы ацъа д-л-еицырбон, лан иара д-и-еицырбон (Гул. Посл.)

подл. к.д. суб. к.о. подл. к.д. суб. к.о.

‘Он (некто) ухаживал за дочерью, мать ухаживала за ним’

Лыкъман хақыым ала д-а-цэшэомызт (Там же)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Лукман Хаким собака не боялся...’

Бъычи-бъычи еибазон, аицэа урт ды-р-хыччон (Там же)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Вор вора обкрадывал, а бог над ним насмеялся’

Ацэаы ашэкэы д-а-цъхьойт (разг.)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Ученик книгу читает’

Ацъмахъча илаби д-а-зъауан (Гул. Посл.)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Пастух сѐоо палку спрашивал’

Татиана адоуцэа д-р-ацъшьахъейт (Ацъс. лак.)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Татьяна великанам сестрой стала’

Иара Темыр д-и-цъхьойт (разг.)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Он (муж.) Тимура зовет’

АчкIзын адопбыжхъта ды-и-з-цIааит (Ломт. Ашх. д.)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Мальчик великана спросил’

Таким образом, в абхазском и абазинском ²¹ языках в условиях отсутствия основных синтаксических падежей линейные

²¹ См. об этом: Генко. АБЯ, с. 191—193.

соотношения между членами предложения, определенная последовательность их размещения в структуре предложения приобретают грамматическую функцию выражения субъектно-объектных отношений.²² Об этом, как нам представляется, с достаточной убедительностью свидетельствует факт сохранения и стабильности вышеперечисленных типов линейных отношений в тех предложениях, где в качестве сказуемого функционируют древнейшие, так называемые бессубъектные инфинитные глагольные образования. Речь идет о деепричастных конструкциях, точнее — о типах предложений, где деепричастный компонент с семантикой побочного предшествующего действия,²³ лишенный в широком смысле²⁴ предикативности, по своей морфологической структуре со включенными в ней лично-классными показателями представляет, как и причастные структуры, «слова-предложения» и, вступая в сказуемостные отношения с подлежащим и дополнениями,²⁵ вместе с основным глаголом (с главным действием)²⁶ образует единое смысловое и синтаксическое целое.²⁷ Однако подобные синтаксические единицы, в которых находят отражение принципы и правила построения связного текста, не подлежат специальному исследованию в данной работе, которая ставит задачу выявить основные, фундаментальные стороны субъектно-объектных отношений. На этом фоне порядок постановки членов предложения с деепричастными оборотами тесно связан с рассматриваемой проблемой. Приводим наиболее характерные примеры:

Серым аҭара рацзаны и-мхны дцеит убрашь

      | | |
подл. п.д.   п.о.
'Серым, много денег забрав, отправился туда'

Иҭхәыск аҭхалкуа и-кны... (Г. Гул. Сакъан ааҭ.)

      | | |
подл. п.д.   п.о.
'Женщина, кувшины держа...'

Убри азыҭзаноуп амҭ аоҭ ды-кны... (Там же)

          | | |
          подл. п.д. п.о.

²² Л о м т а т и д з е. БФ, с. 1—17.

²³ Подробно об этом см.: А р и с т а в а Ш. К. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1960, с. 33—37.

²⁴ Ч к а д у а Л. П. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970, с. 239, 262—263; отсутствие в целом предикативности для деепричастной конструкции автор объясняет относительно ее временного и модального планов и отсутствием замкнутой интонации.

²⁵ См. об этом: В и н о г р а д о в В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972, с. 308. «Деепричастие связано с глаголом гораздо крепче, чем причастие» (Там же, с. 309).

²⁶ Ч к а д у а Л. П. Указ. соч., с. 263.

²⁷ Ц и к о л и я М. М. Порядок слов в абхазском языке. Сухуми, 1973, с. 371.

‘Потому и случается, что колючка, человека поймав...’

Дьмазъчак адъмакъуа ауахуама аварафы и-ааныжны... (Гул.

подл. п.д. п.о.
Камач. Ифымт.)

‘Один пастух, своих коз около церкви отпустив...’

Амтон азгар и-кайаны дахон (Г. Гул. Сакъан аацъ.)

подл. п.д. п.о.

‘Антон, делая самокрутку, курит’

Ахъча иуасакуа и-агъца амса дныкулт (Ацъс. лак.)

подл. п.д. п.о.

‘Пастух, своих овец погнав, отправился в путь’

Хайы Смел иъа илакуа и-трыхны, ишьапкуа, инапкуа

подл. п.д. п.о. п.д. п.д.

и-хъагъаны... (Там же)

п.о.

‘Гадж Смел, вырвав сыну глаза, обрубив ноги и руки...’

Рафида Камачыч хучу д-аагархны... (Гул. Камач. Ифымт.)

подл. п.д. п.о.

‘Рафида, маленькую Камачич взяв (из люльки)...’

Лара урт акакала и-жны (Там же)

подл. п.д. п.о.

‘Она, их по одному поймав...’

В приведенных предложениях в формах деепричастий-сказуемых, берущих начало от переходных глаголов, субъектный показатель, как правило, отсутствует. Поэтому здесь отсутствует и четко выраженное противопоставление позиционных мест подлежащего и прямого дополнения, а также их морфологических характеристик (субъектно-объектных показателей) в форме деепричастия-сказуемого. Но о стабильности вышеуказанного порядка последовательности членов предложения свидетельствует, с одной стороны, тот факт, что в деепричастных конструкциях, образованных от трехличных переходных глаголов, имеется показатель косвенного отношения, которому и в структуре предложения и в структуре самого сказуемого соответствует второе позиционное место, например: *Амц узгарцы ианакуж, анапы и-а-ца-ца, ашьаны и-а-ца-ца иухзароуп* (Гул. Посл.) ‘Раз ты решил лгать, ты должен и ноги, и руки приделать’. Кроме того,

сопоставление двух типов порядка членов деепричастной конструкции и их показателей в самой деепричастной форме отчетливо проступает при использовании деепричастных форм от переходных глаголов вторичного происхождения, в которых налицо показатель субъекта,²⁸ например:

*Ды-кны ды-р-го ианалага*²⁹

↓ ↓
п.о. суб.

‘Они, его поймав, увели’ (досл. ‘Его-они-уводя начали’)

Д-ау-на-мышьтуа далагеит (Абцс. лак.)

↓ ↓
п.о. суб.

‘Они его не отпускали’ (досл. ‘Его (кат. чел.) - они - не отпускающая начали’)

Җадыы ахучы д-аашьт-и-хын (Там же)

↓ ↓ ↓ ↓
подл. п.д. п.о. суб.

‘Хадж, забрав малыша...’

Лара лхы ‘и’ -л-дыруа дыкамызт (Лерм. Җаамт. аф.)

↓ ↓ ↓ ↓
подл. п.д. п.о. суб.

‘Она была без сознания’ (досл. ‘Она, себя не зная, была’)

Җара лхы ‘и’ -х-кажо җалагеит (Там же)

↓ ↓ ↓ ↓
подл. п.д. п.о. суб.

‘Мы ее успокаивать начали’ (досл. ‘Мы, ее голову успокаивая, начали’)

Ачкын иара ды-и-м-бону... (Ломт. Апх. д.)

↓ ↓ ↓ ↓
подл. п.д. п.о. суб.

‘Мальчик, его не видя...’³⁰

²⁸ См. об этом: Ломтатидзе. БФ, с. 9; Аристава Ш. К. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1966, с. 35—43; Клычев Р. И. О показателях субъекта в абазинских деепричастиях, образованных от переходных глаголов. — Тр. Карачаево-Черкесского НИИ, 1965, IV, с. 21—23.

²⁹ Ломтатидзе. БФ, с. 9.

³⁰ Все подобные случаи проявления субъектного показателя в формах деепричастий, образованных от переходных глаголов, подробно рассмотрены в работе Ш. К. Аристава «Деепричастие в абхазском языке», где автор, сгруппировав деепричастия подобного типа, приходит к выводу, что в деепричастиях от переходных глаголов субъектный показатель сохраняется в тех случаях, когда эти деепричастия выступают в сочетании со вспомогательными глаголами *алагара* ‘начинать’, ‘стать’, ‘становиться’, *акалара* ‘сделаться’, *иказара* ‘быть’, ‘существовать’ и имеют значение не добавочного действия, а самостоятельного глагольного сказуемого, состоящего из личной формы глагола и примыкающего к нему инфинитива (Указ. соч., с. 35—43, 89).

Что касается предложений с деепричастной конструкцией от основ двухличного непереходного глагола, то здесь порядок постановки подлежащего и косвенного объекта полностью совпадает с порядком расположения их показателей в деепричастии.

П р и м е р ы:

Екуп иџа д-и-згуааны дыџан (Г. Гул. Сакџан ааџ.)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Екуп, на сына рассердившись (был)’

Раиџыт Даут д-и-зџаауа далагейт (Там же)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Рашид Давида спрашивая (начал)’

Беслангыи Цџгуна д-и-џџаны... (Гул. Камаџ. Иџымт.)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Беслан, Джгуна позвав...’

Селма блаџыџуала аџараџуа д-на-ры-џуаџины... (Там же)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Сельма, краешком глаза на деньги глядя...’

Обращает на себя внимание, что в предложениях с причастными конструкциями, где в качестве подлежащего выступают целые комплексы слов, проводится та же закономерность постановки членов предложения.³¹ П р и м е р ы:

Аџыма з-цџызыз аиџыгы и-и-цџызт (Гул. Пџсл.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Потерявший козла и день потерял’

Акы зы-чџаз акы и-и-беит (Там же)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Терпевший дождался’ (досл. ‘Кто терпел, тот что-то увидел’)

Їџџыс ды-з-заамгаша иџымџаша д-ры-шьџалойт (Там же)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Кому не суждено жениться, не идущих за него (вместе с ним) преследует’

Кџессу иаб иџџаз д-а-џылыиџаџаџгейт (Г. Гул. Сакџан ааџ.)

подл. к.д. суб. к.о.

³¹ Подробнее см.: Г е ц а д з е И. О. К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1961, с. 110—114.

‘Кессу не согласился с отцом’ (досл. ‘Кессу на то, что сказал отец, не согласился’).

Ац̣ыхуа з-мамыз ажэ, ац̣ыхуа з-маз амц̣ и-а-қу-на-ц̣он (Гул.)
 подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

Посл.)

‘Бесхвостая корова от коровы с хвостом мух отгоняла’

Цэг̣ьа зымбац̣ бзиара и-и-здыршам (Там же)

подл. п.д. п.о. суб.

‘Не видевший плохого, не узнает хорошего’

В связи с этим уместно привести наблюдение И. И. Мещанинова: «Логический субъект и логический предикат могут быть выражены не только подлежащим и сказуемым, но также любым членом предложения или группой его членов. Поэтому само предложение в его целом виде тоже является логико-грамматическим построением и не может получать определения на одном только синтаксическом уровне». ³² Использование причастных конструкций с различными синтаксическими функциями и определенная их последовательность является одной из специфических черт синтаксической структуры абхазского и абазинского языков.

Рассмотренные выше особенности линейных отношений между членами предложения дают основание подчеркнуть, что в условиях отсутствия падежных оппозиций в абхазском и абазинском языках обнаруживается тот самый принцип выражения подлежащего и дополнений (прямого, т. е. «ближайшего», и косвенного), который до сих пор сохранен в склонении собственных имен в адыгских языках ³³ и документально засвидетельствован в памятниках древнегрузинского языка. ³⁴ Эта конструкция выступает в качестве единственного синтаксического построения в картвельских языках при 1- и 2-лицах переходных глаголов. Ср., например, груз. მე გ-ჩიხავ შენ ‘я порицаю тебя’ ³⁵ (наст. время, подл. в им. п., п. д. в д. дат. п.), მე გა-გ-ჩიხე შენ ‘я порицал тебя’ (подл. в эрг. п., п. д. в им. п.).

В древнегрузинском языке неоформленная падежными флексиями синтаксическая конструкция этого типа пережиточно выступает (помимо 1-го и 2-лиц также в 3-лице, а именно — при личных

³² Мещанинов. ЭК, с. 216—217. См. также: Панфилов В. З. Грамматика и логика. Л., 1963, с. 66. «Хотя подлежащее есть специфическая форма выражения логического субъекта, последний может быть выражен также каким-либо другим членом предложения или группой членов предложения» (Там же, с. 66—67).

³³ См.: ГКЧЯ, с. 213; Рогава, Керашева. ГАЯ, с. 95.

³⁴ Ломтатидзе К. В. Картвельские языки и их значение для научной истории иберийско-кавказских языков. — Тр. III (IX) научной сессии ИЯ АН Грузинской ССР, 1952, с. 40.

³⁵ Чикобава А. 1) ЭКЖ, с. 132; 2) Проблема простого предложения в грузинском. Тбилиси, 1968, с. 128 (на груз. яз.).

именах: ³⁶ *Abraam šva Isaak* 'Авраам родил Исаака' (вместо ожидаемого: *Abraam-man šva Isaaki*); ср. также: *Mašin moiqvan-a Pilafe* (эрг.) *Iesu* (им.) *da taŋa igi* 'Тогда увел Пилат Иисуса и мучил его'; *Solomon šva Robaam* ³⁷ 'Соломон родил Робаам'. То, что в конструкциях подобного типа распределение позиционных мест по своей функции является эквивалентом распределения в структуре предложения эргативного, именительного и дательного падежей, подтверждается также данными адыгских языков, где субъектно-объектные члены предложения располагаются в строгом порядке, если они выражены неопределенными именами. В этих случаях на первом месте стоит подлежащее, за ним следует прямое дополнение, а за прямым дополнением — косвенное, например: *Делэ къуэлэн и шIасэц* (погов.) 'Дураку везет на пестрое'; *Жэм лъакъэ шкIэ иукIыркъым* (погов.) 'Коровья нога не убивает теленка.'³⁸ Однако если члены предложения оформляются падежными окончаниями, допускается отступление от этого порядка.³⁹

---

³⁶ Ч и к о б а в а. ЭКИК, с. 132. Ш а н и д з е А. Г. Грамматика древнегрузинского языка. Тбилиси, 1976, с. 41 (на груз. яз.); Д о н д у а К. Д. Выражение активного (эргативного) строя в адыгейской и картвельской группах кавказских языков. — В кн.: Д о н д у а К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., 1975, с. 175—176.

³⁷ Две древние редакции грузинского четвероглава. Тбилиси, 1945, с. 19.

³⁸ ГКЧЯ, с. 213.

³⁹ Там же.

О ПРИЧИНАХ НАРУШЕНИЯ ПОРЯДКА ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Было бы неоправданным думать, что указанный выше синтаксический способ выражения субъектно-объектных отношений не допускает каких-либо отклонений. Как известно, всякий порядок слов вообще, в процессе исторического развития, становится более свободным, нефиксированным.¹ В силу пластичности синтаксических образований фиксированность порядка слов чаще всего является до известной степени условной.

В результате происшедших в языке изменений обязательный порядок слов выходит за рамки, ранее строго ограниченные, и становится более подвижным, причиной чему может служить и влияние окружающих языков. Это можно сказать и в отношении абхазского языка, где наблюдаются частные случаи отклонения от того порядка расположения субъекта и объекта, с которым речь шла выше.

П. К. Услар по этому поводу отмечал: «Существительные, по видимому, не ставятся в строго определенном порядке».² Соответствующие материалы, правда, не были автором привлечены, как и не были выявлены условия и причины отклонений, но он совершенно правильно отметил тенденцию языка к нарушению порядка размещения членов предложения. Однако, как свидетельствуют материалы, нарушение, нефиксированность порядка слов не означает полной произвольности. В результате анализа данных абхазского языка выясняется, что более систематичный характер эти отклонения обнаруживают в стихах, что можно объяснить спецификой стихосложения. Ср., например:

Аиац̣ақуа сара и-з-бойт (перех.)

↓   ↓   ↓   ↘
п.д.   подл. п.о   суб.

¹ Характерно с этой точки зрения высказывание Ж. Вандриеса, отметившего, что в сущности нет ни одного языка, в котором порядок слов был бы абсолютно свободным. См. его: Язык. Лингвистическое введение в историю. Русск. перевод. М., 1937, с. 138.

² Услар. АЯ, с. 83.

‘Звёзды я вижу’

Уи са и-гуа-с-тойт дьанатуиэа (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓
п.д. подл. п.о. суб

‘Это (то) я рассматриваю (пробую) как рай’

Сыбзагъ са и-на-сы-р-хейт (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓
п.д. подл. п.о. суб.

‘Спину свою я согнул (склонил)’.

Аха Иусуф абри ейъи и-ие-и-хэейт уа йара (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓
подл. п.о. к.о. суб. к.д.

‘Но Юсуп так сказал ему’

Өыцъа и-ты-р-гейт жэы-еиқуацъак (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓
подл. п.о. суб. п.д.

‘Двое вывели корову черную’

Асмат и-ан-ыл-ба уи ашэжу (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓
подл. п.о. суб. п.д.

‘Асмат когда увидела ту книгу...’

Абри и-а-дыруан аеан рьцъа (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓
п.д. п.о. суб. подл.

‘Это знала бедная кобылка’

Ус нацицэйт: Ёа д-л-оут лара (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓
п.д. об. суб. подл.

‘Так добавил он: Сын у нее родился’ (неперех. инверсив. глагол)

Сара ды-с-шьит сара сыуа (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓
подл. п.о. суб. п.д.

‘Я убил родственника (приятеля) моего’

Убри д-лы-и-тейт хэынтқар итьа (перех.)

↓ ↓ ↓ ↓ ↓ ↓
к.д. п.о. к.о. суб. подл. п.д.

‘Той (жен.) отдал царь дочь свою’

В прозе и в устной разговорной речи вообще также встречаются отклонения, которые, по всей вероятности, не являются

произвольными.³ При анализе подобных случаев отклонения от указанного выше порядка постановки членов предложения выявляется ряд условий, способствующих этим отклонениям. У нас отмечены лишь некоторые из них как наиболее характерные.

1) Нарушение порядка следования членов предложения довольно часты при передаче косвенной речи с частицей *хэа* < *ахэара* 'сказать', 'говорить' (или без нее):

а) меняются местами подлежащее и сказуемое — переходный глагол:

Уи лакузаан аһхэыс, — и-р-хэеит уа изырфуаз ахэасакуа
| | |
п.о. суб. подл.

'Вот эта женщина, — сказали сидящие там женщины'

Арһыс бзиаж Халыи хэа азы азы д-агеит
| | | |
п.д. подл. п.о. суб.

'Одного славного парня, Халила, вода унесла'

Абри амула иалиргаз хэа азэгы сара д-сы-з-дыруан
| | | |
п.д. подл. п.о. суб.

'Муллой (т. е. при помощи муллы) вылечившегося никого я не знаю'

Ас схэейт хэа уара и-у-дыруейт
| | |
подл. п.о. суб.

'Так, мол, сказал я, ты это знаешь'

Сара сыһсуейт! — и-л-хэеит лара
| | |
п.о. суб. подл.

'Я умираю (мол)! — сказала она'

Абар ассир! — хэа ибжы и-на-и-р-геит Никуала
| | | |
п.д. п.о. суб. подл.

'Вот это чудо (мол)! — воскликнул Никуала'

³ Для большей достоверности и выявления частотности аналогичных фактов эти отклонения в наиболее полном виде были изучены нами по роману основоположника абхазской литературы Д. И. Гулва «Камачыч» (Акуа, 1947, с. 199—387, на абх. яз.); это дало возможность подробнее рассмотреть ряд условий, при которых члены предложения меняют свою позицию. Этим и объясняется обилие примеров, преимущественно из указанного произведения; привлечены, естественно, и другие источники литературного языка, а также данные диалектов.

Ара ськоуп! — атак и-ка-и-цеит артыс

п.д. п.о. суб. подл.

‘Я здесь! — ответил юноша’

Хайр аллах! — рхан ашаха наужны рнакыа и-аа-и-ныркеит

п.д. п.о. суб.

асахутацаа

‘Слава аллаху (мол)! — сказали и руки к небу подняли его ученики’

б) перестановка прямого объекта:

Сан лакузам уху аазтыз, сан иаха и-аа-л-гейт уху ихеит

подл. п.о. суб.

ацкун

‘Приславшая твою долю — не моя мать, моя мать еще вчера ночью принесла тебе долю’

Аха абри и-и-зеит сыца-хаа зысхааша азэггы дсыздыруам, —

подл. п.о. суб. п.д.

ихеит Андриа

‘Но этот украл моего быка, мол, — кому я мог бы это сказать, никого не знаю, — сказал Андриа’

Зеггы ура, рхан... айэцакыа аакуржны и-р-жеит Камачыу

подл. п.д. п.о. суб.

хучы лыеху

‘Все «ура» сказав... подняли стаканы и выпили за здоровье маленькой Камачич’

Апхысна и-л-хИван: Сара ахI сыйпхIанI — хIва (Ломт. Тап. д.)

подл. п.о. суб.

‘Девушка сказала: Я дочь владельца (мол)’

в) перестановка косвенного дополнения:

Аихабацаа: Ацэыз змоу арендатор абрахь уаашыхь — хаа и-иа-

подл. п.д. к.о.

-р-хеит астаршыын (Там же)

к.д.

‘Старики сказали старшине: Арендатора, потерявшего быка, сюда позови (мол)’

Агула чкун Дата дааин зегъы шэара шэфы еизарцы икочун афых-

подл.

-тєразы-хэа и-ле-и-хэеит Камачыч

п.о. к.о. суб. к.д.

‘Соседский парень Дата пришел и сказал Камачич: Сегодня ночью, мол, все собираются у вас коротать ночь’

Уацэа шыжьжэа амеа хақулоит хэа и-ле-и-хэеит азбаб

п.о. к.о. суб. к.д.

‘Завтра рано утром в путь отправимся (мол), — сказал он девочке’

Баба и-се-и-хэон сара, уажа ашкол афы азбабцэа ифеуит,

подл. п.о. к.о. суб. к.д.

изумаруеит хэа

‘Отец сказал мне, что там, в школе, девочки бегают, играют (мол)’

Ахуцы дзыртэз уае ды-л-э-аа-лы-шьтрит Камачыч: Бааны...

подл. п.д. п.о. к.о. суб. к.дон.

дарба... хэа

‘Кому поручили ребенка, (та женщина) человека прислала к Камачич: Иди взгляни (мол) на него’

ср: перестановки подлежащего при передаче косвенной речи в предложении с непереходным глаголом:

Шьта лаби лани шэара шэ-ра-цэажэа лхэаит Рафида

к.д. подл. суб. к.о.

‘Теперь с ее отцом и матерью поговорите (мол), — снова сказала Рафида’

Сара саанза уара изны иуфейт — ихан аисра и-а-лагейт Гути

к.д. суб. к.о.

Шгүти

‘До моего прихода ты изжарил и съел, — сказав, ссориться начали Гут и Шгүт’

Азбаб лаби лани хэра х-ра-цэажэан ихеит Хаджарат

к.д. подл. суб. к.о.

‘С родителями девушки мы (сами) поговорим (мол), — сказал Хаджарат’

Куарулкуак җәа и-лы-ман убри аһхәыс

к.о.   суб. к.о.   подл.

‘Каплуны, мол, имелись у той женщины’

Передки случаи изменения порядка расположения подлежащего и дополнения в предложениях а) с отрицательно-вопросительной формой глаголов, например:

Ииашаны саргыы и-сы-м-дыруеи уи уһҗа аурыс бызшәа шылҗәо?

подл.   п.о. суб.   п.д.

‘Право, разве я тоже не знаю, как твоя дочь говорит по-русски?’

Урт асасцәа җара и-аа-җа-м-газеттеи

п.д.   подл. п.о.   суб.

‘Мы же ведь не привели тех гостей’

Шәара уажәггы и-шә-маҗаци уи д-зы-қушәаз арыцҗара?

подл.   к.о. суб.   подл. суб. к.о.   к.д.

‘Вы разве и сейчас не слыхали, что с ним случилось?’

б) с положительно-вопросительными формами:

Аус кабҗазар ауҗатәи ацә ацәа бара и-б-геит акуу?

п.д.   подл. п.о.   суб.

‘Если ты (жен.) завершила это дело, значит, ночью же и получила шкуру быка?’

Нас макъана абри аус лани лаби и-р-з-дырам бхәама?

п.д.   подл. п.о.   суб.

‘Об этом ее родители пока не знают, говоришь?’

Систематический характер эти отклонения посят при непереходном глаголе *аҗҗаара* ‘спрашивать’ (с косвенно-объектным отношением). Например:

Сельма ачымазаә лаһхәа днықутәан бышиҗаҗоу нан? — лҗәан

подл.

д-на-лы-зҗааит ачымазаә

суб. п.о.   к.д.

‘Сельма, сев перед больной: Как ты себя чувствуешь, доченька? — сказав, спросил, больную’

Абри Гыд зылан дызхоу лзы дыхуштэны дызлакалазеи? —
иҗан, Куаблыху д-ра-зҗааит уаҗа итәақуаз

подл. суб. к.о. к.д.

‘Этот Гид стал лечить пореченных русалкой? — сказав, Коблух спросил там сидящих’

Нан, баба имапы пдыртлеит иҗама Сасран? — җа д-лы-зҗа-

суб. к.о.

аит лан

к.доп.

‘Мама, отцу руки развязали — это сказал Сасран? — спросила она свою мать’

Нас, Гид, иҗалазей? — иҗан д-еита-и-зҗааит Сасран

суб. к.о. подл.

‘Что потом случилось, Гид? — сказав, спросила Сасран’

Сельма данбаахуеи шыҗа? — иҗан д-ры-зҗааит Куаблыху

суб. к.о. подл.

‘Сельма когда снова придет? — сказав, спросил Коблух’

Измаанузей аҗарҗасра? — лҗан уамаша ибаны д-лы-зҗааит

суб. к.о.

аҗҗыҗыба Хьыка

подл.

‘Отчего такая зевота? — сказав, спросила Хика с удивлением наблюдая’

В определенных случаях нарушение порядка расположения субъекта в предложении вызвано, как нам кажется, влиянием логического ударения, благодаря которому говорящий выделяет то или иное слово, а порою и целое предложение, выступающее в качестве опорного члена данного суждения.⁴

Ср. случаи перестановки подлежащего в предложениях с переходными глаголами:

⁴ «Такое ударение, — указывает А. М. Генко, — отличается, помимо своей экспираторной силы, в частности и той неизменно сопутствующей ему особой интонацией, которая сопровождает собственно ударение; этим логическим ударением выделяются те слова (а иногда и части слова) в предложениях, на которые почему-либо обращено говорящим внимание» (Генко. АБЯ, с. 67).

Татиана д-и-ааzeit абер

подл. п.о. суб. п.д.

‘Татьяну воспитал монах’

Уи иаргыы и-и-хэоит, харгыы и-аа-ды-руеит

п.д. подл. п.о. суб. подл. п.о. суб.

‘Это он и сам говорит, и мы его знаем’

Уи хара и-ха-м-дыруеи, нас илыхъзей, и-калазей

п.д. подл. п.о. суб.

‘Этого разве мы не знаем; ну, а что случилось с ней?’

Алиас уи абга и-а-феит ихэейт, аха афарта даргыы ихэомбеит

п.д. подл. п.о. суб.

‘Алиас сказал, что его волк растерзал (съел), но следов нигде не видели’

Уи уаргыы д-у-дыруеит тхэыс еижуакы

п.д. подл. п.о. суб.

‘Ее (жен.) ты тоже знаешь, она смугловата’

Сара сус сара и - з - дыруеит, бара бсыцууароуп, ихэейт

п.д. подл. п.о. суб.

‘Мое дело я сам знаю, ты должна выходить за меня (мол),— сказал он (муж.)’

Тацъгуагуа лхъаа-баа зеггы уара и - у - гаайт

п.д. подл. п.о. суб.

‘Все болезни Таджгуаги пусть тебе достанутся’

Под влиянием логического ударения может оказаться в необычной позиции прямой объект переходных глаголов. П р и м е р ы:

Насгыы сара уамаиэа и - з-беит урт

подл. п.о. суб. п.д.

‘Потом я с удивлением увидел их’

Уи сара иаразнак и-гуа-с-тэит

п.д. подл. п.о. суб.

‘Это я сразу заметил’

Абжа лара и - л - феит, абжа лхаџа и - и - џа-л-џейт

п.д. подл. п.о. суб. п.д. к.д. п.о. к.о. суб.

‘Половину она (сама) съела, половину мужу отдана (его по-кормила)’

Уи саб д - и - дыруан

п.д. подл. п.о. суб.

‘Его (кат. чел.) мой отец знал’

Їсраенынза и-с-ѡаштшам урт сара

п.о. суб. п.д. подл.

‘До самой смерти не забуду их я’

Никуга бзиа и - и - бон сатиратэ пиесақуа рықурғымара

подл. п.о. суб. п.д.

‘Никуга любил ставить сатирические пьесы’

Уи и - и - бон Мазлоу агульшан шишьыз

подл. п.о. суб. п.д.

‘Он увидел то, как убил Мазлоу дракона’

Уаѡа азэггы са ды - з - бомызт

п.д. подл. п.о. суб.

‘Больше кого-либо (никого) я не видел’

Уи лхаѡа Маци даара шэиуаѡэа бзиоуп, уи сара и - з - ды-

п.д. подл. п.о. суб.

руеит

‘Что ее муж Мац и вы близкие родственники, это я знаю’

Камачыѡ лхаѡа и - иа - л - ѡеит лаб ичымазара

подл. к.д. п.о. к.о. суб. п.д.

‘Камачич мужу сообщила (сказала) про болезнь отца’

Назѡарыда ѡа ирызбын, Қуаблыху и - и - ды - р - ѡеит ах, гара

к.д. п.о. к.о. суб. п.д.

‘Кто ему скажет, когда [это] решили, Коблуху поручили сказать’

Агэѡараква аблагI и - а-фойтI (Ломт. Ашх. д.)

п.д. подл. п.о. суб.

‘Цыплят дракон поедает’

АхIбаѡвакѡа и - р - дыруеит хIабызсвала (Ломт. Тап. д.)

подл. п.д. суб. п.д.

‘Старшие знают наш язык’

Логическое ударение может падать и на косвенное дополнение переходных глаголов, что также вызывает его перестановку (как было отмечено выше, в предложениях с трехличными переходными глаголами косвенный объект обычно помещается между субъектом и прямым объектом). Ср., например, различные его позиции в предложениях:

Аеада ахуда абга и - иа - мѣ - на - кует
 | | | | | | |
 подл. п.д. к.д. п.о. к.о. суб.

‘Осёл свою шею волку подставляет’

Ари аймхэа таха и - и - на - том
 | | | | | | |
 к.д. подл. п.д. п.о. к.о. суб.

‘Этому кашель отдышаться (покоя) не дает’

Убри ѓ - лы - и - тейт хэынтқар ирѣа
 | | | | | | |
 к.д. п.о. к.о. суб. подл. п.д.

‘Ей (жен.) отдал царь свою дочь’

Баба сара и - иа - с - хэап
 | | | | | | |
 к.д. подл. п.о. к.о. суб.

‘Отцу я скажу’

Хара хайқушахатны Камачыч хаѣа ѓ - иа - х - тоит
 | | | | | | | | | | | | |
 подл. п.д. к.д. п.о. к.о. суб.

‘Мы, договорившись, Камачич мужу (замуж) отдаем’

ИпхІвѣс айѣй ‘и’ - ле - и - хІвейтІ адомбыжхѣа (Ломт. Ашх.д.)
 | | | | | | | | | | | | |
 к.д. п.д. п.о. к.о. суб. подл.

‘Женщине это сказал великан’

АчІкун-хуц айѣй ихІвад игІвзачвакѣа рыхѣаз (Ломт. Тап. д.)
 | | | | | | | | | | | | |
 подл. п.д. суб. к.д.

‘Маленький мальчик это сказал своим товарищам’

Такая же перестановка подлежащего и косвенного дополнения под действием логического ударения возможна и в предложениях с двухличными непереходными глаголами. П р и м е р ы:

Башоуп уи, апредседатель сара с - иа - цаажэеит, ижэйт
 | | | | | | | | | | | | |
 к.д. подл. суб. к.о.

Куаѣа

‘Это ничего, председателю я скажу (мол), — сказал Коцна’

Ҳаида Ғаагылан лыёныка лыналхейт. Уи Ғ - на-лы-шталт

к.д. суб. к.о.

Такуна

‘Хаида встала и отправилась домой. За ней следовала Такуна’

Счамадан Ғ-а-хуагышауан уи

к.д. суб. к.о. подл.

‘На мой чемодан глядел он (кат. чел.)’

Никуала уафы ды-з-и-қуғубуам

к.д. подл. суб. к.о.

‘Никуале человек не может довериться’

Отклонения встречаются также в случаях, когда логический субъект или объект выступает в качестве одного из компонентов: а) атрибутивных словосочетаний; например:

Агызхарамзт абга хучы алақуа и - р - фейт (Чарая. Посл.)

п.о. подл. п.о. суб.

‘Ни в чем не повинную лису маленькую собаки разорвали’

Абас и - и - жьейт анхацаа ақжуандар зьангыаш

п.о. суб. п.о. подл.

‘Так обманул крестьян хитрый епископ’

Қубрык амаха аалак и - р - зыфэм

п.д. подл. п.о. суб.

‘Плечо одного комарика восемь собак не могут съесть’

Рыжэхақуа еба абгақуа и - р - фейт

п.д. подл. п.о. суб.

‘Ихних двух дойных коров волки съели’

Қазырхан лыла траа ды - р - зы-тшуан лаазамта лжуарыл

подл. к.об. суб. к.д.

бзиажуқуа

‘Қазирхан, не отрывая глаз, смотрела на своих прекрасных (ею выращенных) кашлунов’

Алхас иаб ақытан ирейыыз ауаа рахытэ фыдыа

подл. п.д.

И - р - з - а - и - шьтрит Камачың лаби лани

п.о. к.о. суб. к.д.

‘Отец Алхаса двоих из (числа) лучших людей села послал к родителям Камачич’

Уажэ сара и - шэ - с - хэап абри ажэабжь фыцк

подл. п.о. к.о. суб.

‘Теперь я вам расскажу одну новость’

Сара с - а - қушэейт убри еиңи аус

подл. суб. к.о. к.д.

‘Со мной случилось такое дело’

Адырғаены Червяков и - шэ - и - йейт ивицмундир фыц

подл. п.о. суб. п.д.

‘На другой день Червяков надел новый мундир’

б) причастных конструкций; например:

Ала иахшаз със уафы и - и - бахьоума?

п.д. подл. п.о. суб.

‘Ягнэнка, рожденного собакой (которого родила собака), где видел человек?’

Агуңы инамзаша агара д - а - қуам

п.д. подл. п.о. суб.

‘Ребенка, который не должен расти (которому не суждено вырасти), люлька не держит’

Алиас дзықушэаз зегьы Таудьгуагуа Сасран и - иа - л - хэейт

п.д. подл. к.д. п.о. к.о. суб.

‘Все, что случилось с Алясом, Таджгуагуа Сасрану рассказала’

Лан уезгы и - гуа - л - тейт льыңа икалҕоз

подл. п.о. суб. п.д.

‘Мать все же заметила то, что делала ее дочь’

Уара абри исоуҕэаз сара цҕа и - с - зейлмыргейт

п.д. подл. п.о. суб.

‘Что ты (муж.) здесь мне сказал, я хорошо не понимаю’

Рафида днени Камачың и - лал - хэейт лнаны ианырҕаз

подл. п.о. к.о. суб.

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОТНОШЕНИИ
МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО СПОСОБОВ
ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ**

Суммируя все сказанное выше о личных и классных морфемах и о линейной структуре предложения, приходим к выводу, что в абхазском языке существует два основных грамматических способа передачи субъектно-объектных отношений: 1) морфологический (включение субъектно-объектных префиксов в состав глагола и их позиционная дистрибуция в зависимости от выполняемых ими синтаксических функций) и 2) синтаксический (порядок расположения членов предложения в зависимости от того, относятся ли предикаты к разряду переходных или непереходных глаголов).

Рассмотрение вариантов позиционных соотношений показало, что в предложении с переходным глаголом порядок расположения членов предложения — подлежащего (имени субъекта), дополнений (имен прямого и косвенного объектов) и сказуемого является обратным по отношению порядку расположения их показателем в структуре глагола. В предложении с непереходным глаголом, напротив, имеет место полное совпадение позиций подлежащего и косвенного дополнения и их морфологических показателей в форме самого непереходного глагола.

При исследовании своеобразной синтаксической структуры абхазского и абазинского языков, вполне тождественных в этом отношении, возникает вопрос о тех внутриязыковых тенденциях, которые могли обусловить наличие двух противоположных закономерностей в распределении мест членов предложения и их формальных показателей в глаголе и, в конечном счете, определили линию развития и формирования субъектно-объектных отношений. Ответ на этот вопрос можно получить при исследовании динамики развития эргативной конструкции, которая в своих морфологических разновидностях представлена из иберийско-кавказских языков только в абхазско-абазинской подгруппе. По нашему мнению, именно характер происхождения и процесс

формирования этой конструкции в условиях отсутствия системы склонения может пролить свет на узловые вопросы истории субъектно-объектных отношений и становления их синтаксической структуры.

Формирование эргативной конструкции как морфологической конструкции переходного глагола в абхазском языке, по всей вероятности, связано с появлением показателя субъектного лица в переходном глаголе, что в иберийско-кавказских языках считается вторичным явлением. «Существенной общекавказской чертой словоизменения и словообразования, особенно в историческом плане, является префиксальный строй. Он, в частности, лежит в основе другого структурного параллелизма этих языков, наличия в составе глагола субъектно-объектной префиксации, указывающей либо на лицо, либо на класс соучастников действия».¹

Системное и углубленное изучение морфологической структуры этих языков дало возможность выявить, что смешанной лично-классной системе спряжения в абхазском предшествовала более простая, однотипная система префиксального классного спряжения, для которой, как предполагается, было характерно изменение непереходных глаголов по классу субъекта (классное субъектное спряжение), тогда как переходные глаголы изменялись лишь по классу объекта (классное объектное спряжение).² Субъектно-объектные формы переходных (и по всей вероятности непереходных) глаголов — явление вторичное. Субъектные формы в переходных глаголах возникли позднее, в классно-личном спряжении.³ С появлением же личного спряжения существенно меняется структура глагола. Особенно это касается переходных глаголов. Лишь с возникновением категории лица субъект получает выражение в формах переходного глагола. Тем самым моноперсональный переходный глагол становится полиперсональным. В этом отношении категория лица, являя собой последующую ступень в истории морфологических категорий глагола, обуславливает и новую ступень в развитии грамматического строя.

---

¹ Бокарев Е. А., Климов Г. А. Иберийско-кавказские языки. — Вводная статья в кн.: ЯН, с. 10.

² Чикобава А. С. Основные типы спряжения глаголов и их взаимоотношение в иберийско-кавказских языках. — Тр. XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963, с. 525; Рогова Г. В. К вопросу о переходе классного спряжения в личное спряжение в иберийско-кавказских языках. — Сообщ. АН Грузинской ССР, 1953, т. XIV, № 7, с. 16; Андгуладзе Н. Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1968, с. 211 (на груз. яз.).

³ Об этом же, как отмечает А. С. Чикобава, «свидетельствует тот факт, что в грузинском и других картвельских языках все три лица объектов обозначаются префиксами и лишь первые два лица субъекта префиксами; 3-е же лицо представлено суффиксом; префиксальные образования иберийско-кавказских языков древнее суффиксальных» (Чикобава А. С. Категория грамматических классов и некоторые вопросы спряжения глаголов в грузинском языке. — ИКЯ, 1953, V, с. 63).

На материале ряда глагольных форм абхазского языка делается очевидным, что первоначально показатель лица субъекта не обозначается в переходном глаголе. Особо выделяются с этой точки зрения так называемые бессубъектные образования переходного глагола — деепричастия и формы положительного повелительного наклонения, которые до сих пор сохранили его древнейшую структуру. В результате всестороннего изучения этих образований, как уже было отмечено выше, выяснилось, что в деепричастиях, образованных от основ переходного глагола, обозначается лишь показатель прямого объекта (а также косвенного объекта, если он с глаголом связан синтаксически); показатель субъекта отсутствует.⁴ П р и м е р ы:

Ды-ганы даайт

↓
п.о.

‘Его (кат. чел.) взяв, он (кат. чел.) пришел’

Лшьаны и-кны д-а-хон

↓   ↓
п.д.   п.о.

‘Ее ногу держа, он (кат. чел.)-то-тянул’

Серым аҧара рацэаны и-макны дцейт убраҳь

↓   ↓
п.д.   п.о.

‘Серым, денег много забрав, ушел туда’

Цьмаҳьчак аҧомақуа и-ааньжны. . . (Гул. Намақ. Ифьит.)

↓   ↓
п.д.   п.о.

‘Пастух своих коз отпустив. . .’

В деепричастиях, образованных от основ непереходных глаголов, наоборот, показатель субъекта (а также косвенного объекта в случае двухличных непереходных глаголов) сохраняется. П р и м е р ы:

Ҡалеван д-гуан. . . ды-ауа д-и-шьтан (Баши-Ачуки)

↓   ↓   ↓
подл.   суб.   суб.

‘Борец, рассердившись. . . гнался за ним’

Еқуҭ ҧа д - и - з-гуаны ды-ҧан (Г. Гул. Сакън ааҧь.)

↓   ↓   ↓   ↓
подл.   к.д.   суб.   к.о.

‘Екуп на сына рассердившись был’

⁴ Ломтатидзе. 1) КП, с. 10; 2) БФ, с. 21.

Рашыт Даут д - и - зцауа далагеит... (Там же)

подл. к.д. суб. к.о.

‘Рашид, Давида спрашивая, начал...’

По аналогичному принципу от основ переходных и непереходных глаголов образуются формы положительного повелительного наклонения.⁵ П р и м е р ы:

Уара сара саанза ари акуац и-ыфала! (Апс. лак.)

п.д. п.о.

‘Ты до моего прихода это мясо ешь!’

Сиартяхъ д-иа-жэг-фа сара и - ра - с - фаеит (Абжас-цәа зшәу)

подл. п.о. к.о. суб.

‘В мою спальную его (кат. чел.) ведите, — сказал я им’

Ма хатца д - и - т, ма аньшә д - а - т (Гул. Посл.)

к.д. п.о. к.о. к.д. п.о. к.о.

‘Или замуж ее (кат. чел.) отдай, или земле ее (кат. чел.) предай’

Ср. формы повелительного (положительного) наклонения от основ переходных глаголов:

У-ца наĕ ‘Уходи ты (муж.)’

суб.

В - а - тьхьа! ‘Ты (жен.) то-читай!’

суб. к.о.

Бы - с - мацџан, Бы - с - зьмгуаан (Г. Гул. Сакъан аагь.)

суб. к.о. суб. к.о.

‘Ты (жен.) меня не брани, ты (жен.) на меня не сердись!’

Таким образом, в формах деепричастий и положительно-повелительного наклонения ярко проявляется тот принцип, который, по-видимому, был характерен для древней структуры переходного и непереходного глаголов абхазского языка: обозначение лишь класса объекта в переходных и класса субъекта в непереходных глаголах. Это позволяет допустить, что появление показателя субъекта в переходных глаголах абхазского языка — факт эпохи образования категории времени. Здесь, в частности, имеется в виду та особенность, что формы повелительного накло-

⁵ Показатель *жә* ← *шә* здесь обозначает лишь множественное число 2-го лица.

нения и деепричастий постепенно принимали в абхазском языке значение временных форм.⁶ Ср., например:

а) *и-а-џаџаны* 'его (кат. в.) ему (кат. в.) приделав (деепричастие)'

п.о. к.о.

и-а-џа-с-џан 'его (кат. в.) ему (кат. в.) я приделав (прош. не-

п.о. к.о. суб.

определенн.)'

б) *и-џа-уа ейџажэон* 'то-говоря, они разговаривали' (деепри-

пр.об.

частие)'

и-аны-р-џа-уа 'то-когда-они-говорят' (наст.)

пр.об. суб.

в) *и-а-џаџа* 'то-ему-приделай (повел.)'

и-ан-а-џа-с-џа то-когда-ему-я-приделав (аорист)⁷

пр.об. косв.об. суб.

Характерно в этом отношении, что от одной и той же глагольной основы с транзитивной семантикой могут быть одновременно образованы (даже в рамках одного и того же источника) деепричастные объектные и объектно-субъектные конструкции, например:

Ѡадџуагуа хылџазык дџагылан лыџџал и-аашты-р-хны дџейт

подл.

п.д.

п.о.

(Гул. Камаџ. Иџымт.)

'Тадџуагуа вечером встала и, взяв кувшин, ушла'

Зны хулџазык Ѡамаџыџ лчамадан и-аашты-л-хны дџейт (Там же)

подл.

п.д.

п.о.

суб.

'Однажды вечером Камаџич свой чемодан взял, ушла'

Начиная с периода формирования временных форм показатель субъекта получает свое местоположение в переходном глаголе. Вместе с тем следует отметить, что уже от той или иной временной основы переходного глагола вновь образованы деепричастные конструкции со включенными в их состав субъектно-объектными показателями. Это еще раз убеждает, что вопрос

⁶ Ломтатидзе. БФ, с. 11—13.

⁷ Там же, с. 11—15; Аристава Ш. К. Деепричастие в абхазском языке, с. 20; Чкадуа Л. П. Система времен в абхазском языке, с. 239, 254.

о предикативных функциях деепричастий и об их синтаксическом статусе в системе абхазского языка должен быть решен исключительно с учетом структурного их своеобразия. Следовательно, учитывая общую тенденцию становления синтаксической системы абхазского языка, видимо, можно говорить не о прекращении развития эргативной конструкции в абхазском языке,⁸ а о расширении сферы ее применения на морфологическом уровне.⁹

Таким образом, для синхронного состояния абхазского языка свойственно наличие (прямо)-объективных и (прямо)-объективно-субъективных конструкций деепричастных образований от основ транзитивных глаголов. Ср., например:

Иҭҭарны и-с-ф-о саналга (Аҭҭс. лак.)

п.о. суб.

‘Когда я, задушив его, стал его есть (досл. его поедая)’

Аҭшмама ааы д-а-га-ны дыҭан (Там же)

п.д. суб. п.о. суб.

‘Хозяин был пьян (досл. его вино унося-был)’

Ашә даадырҭәылыны д-а-шьт-уа эалагеит (Там же)

п.о. суб.

‘К двери его прижав, он (кат. в.) его (кат. чел.) убивать стал’

Иҭҭа ды-й-з-ымышә-ны дааҭишьтит (Ломт. Апх. д.)

п.д. п.о. суб.

‘Не смее убить своею дочь, он (муж.) ее (кат. чел.) отпустил’

Деепричастные образования со включенным в них с формантом имени субъекта, как уже установлено, явление более позднего хронологического уровня, которому предшествовали деепричастные образования, аналогичные структуре композитов типа «имя+глагол».¹⁰ П р и м е р ы:

Аҭҭәыс гура-мга дызмоу изы анҭса кыр даҭсоуп (Гул. Посл.) ‘Для имеющего ненадежную жену мачеха дорога’; *Ла-мба ла-чҭауп* (Там же) ‘Не виденное глазами глазу терпимо’; *Ейҭуа-да ейҭуа-кылҭәа д-и-хуччон* (Там же) ‘Кто был без брюк, смеялся над тем, кто был в дырявых’; *Ала ҭыҭуа-хҭәа ҭҭа и-зы-қусуам* (Там же)

⁸ Ц и к о л и а. ПС, с. 73.

⁹ Но в связи с этим нельзя не приглядеться внимательно к факту зарождения отдельных падежных форм, хотя и не основных синтаксических падежей. Такой, например, является превратительно-обстоятельственная форма с суффиксом -с, который присоединяется к чистой основе имени: *зымзвыс-и-лы-пҭызойт* ‘то (кат. в.) она (жен.) повором считает’; *зҭаара-қуас-с ирымоу* ‘то, что у них имеется в качестве вопросов’ (Ломтати дҭе К. В. Абхазский язык. — ЯН, с. 109).

¹⁰ Там же, с. 3.

‘Собака с обрубленным хвостом не может через перекладину переправиться’.¹¹

Следовательно, в глагольных образованиях этого типа довольно ощутима тенденция тяготения глагольной основы к объекту, что, по мнению А. С. Чикобава,¹² есть «результат слабой дифференцированности имен и глагола». Исторически переходность глагола связана с наличием ближайшего, прямого объекта, что хорошо видно на материале абхазского языка, особенно при рассмотрении конструкций глаголов лабильного строя, сохранивших в своей морфологической разновидности как объектный, так и безобъектный варианты: *д-захуеит* ‘шьет-он (кат. чел.) вообще’, *и-л-захуеит* ‘то-она (жен.) шьет’.

Данные абхазского языка дают возможность допустить, что до появления в переходном глаголе показателя субъекта субъектно-объектные отношения между именами, связанными с глаголами и не имеющими надежных флексий, выражались только синтаксическим способом, т. е. строгим соблюдением порядка имен субъекта и объекта в предложении. Об этом красноречиво свидетельствует сохранение такого порядка при сравнительно небольшом числе случаев отклонений от него в предложениях деепричастной конструкции (предшествующих основному действию). Ср., например:

Иџџыск аџџалџа и-кны... (Г. Гул. Сакъан ааџ.)

подл.   п.д.   п.о.

‘Женщина, кувшин держа...’

Таџаџџык ачанаџ и-кны ашџ даалагеџт (Там же)

подл.   п.д.   п.о.

‘Старуха, тарелку держа, в дверь вошла (появилась)’

Убри азыџџаноуп амџ аоџ ды-кны...

подл.   п.д.   п.о.

‘Поэтому то бывает, что колючка, человека поймав...’

Гудал акуџџан аџџардым и-анџаны... (Г. Гул. Сакъан ааџ.)

подл.   п.д.   п.о.

¹¹ Композиты такого типа, как указывает К. В. Ломтатидзе, выражают причастия других языков и являются в абхазском весьма распространенным (особенно в пословицах). Возможно наличие и таких сочетаний, где преобладает исключительно указанный тип: *Малл гџџу џыда шапраџа* ‘Беден, по горд: у него лошади нет, а он ногу поднимает в стремя’ (Указ. соч., с. 3).

¹² Ч и к о б а в а А. С. Проблема эргативной конструкции (основные вопросы ее истории и описательного анализа). — ЭКПЯР, с. 9: «Поэтому при наличии данного условия естественно допустить возможность эргативной конструкции в историческом прошлом различных по происхождению языков».

‘Гудал, плуг на арбу положив...’

Аушәмацә рирта и-каҕаны иньшталәқуейт (Гул. Камац.
| | |
подл. п.д. п.о.

Ишымт.)

‘Хозяева, постель приготовив (сделав), улеглись’

Эны аҕса ажәабжҕуа и-ҕәо... (Там же)

| | |
подл. п.д. п.о.

‘Однажды женщины, новости рассказывая (говоря)...’

Лара лыҕика ды-н-гараҕаны... (Там же)

| | |
подл. п.д. п.о.

‘Она, своего ребенка в люльку положив...’

Сельма Таҕыуагуа ахушә и-л-зы-каҕаны... (Там же)

| | | | |
подл. к.д. п.д. п.о. к.о.

‘Сельма Таджгуагуе лекарство сделал...’

Аписар Куаста Наҕарбей иху и-каҕаны... (Там же)

| | | |
подл. п.д. п.о.

‘Писарь Константин, подарок (долю) нахарбея приготовив (сделав)...’

Хаҕы Смей иҕа илақуа и-тыҕны (Аҕс. лак.)

| | |
подл. п.д. п.о.

‘Гаҕк Смей, у сына глаза вырвав...’

Лара урт акакала и-кны, ршыапқуа и-ҕаҕаны... (Гул. Камац.)

| | |
подл. п.д. п.о.

Ишымт.)

‘Она их, по одному поймав и ноги им (их) связав...’

Появление показателя субъектного лица в переходном глаголе, по-видимому, вызвало противопоставление порядка постановки членов предложения порядку позиционных мест их показателей в самой глагольной форме. Показатель субъекта оказался на втором месте после прямого объекта в двухличном переходном глаголе или на третьем — после косвенного объекта в трехличном переходном глаголе. Исходя из общей тенденции языка давать предпочтение в глаголе прямому, ближайшему объекту, такая

позиция субъектного префикса представляется вполне оправданной. Ср., например:

Сара аҭкыс и-э-захеит 'Я платье сшила' (досл. 'Я-платье-то-я-сшила')

Сара Кама аҭра и -лы-с-тҭсит 'Я Камае яблоко отдала'

Однако, как известно, в развитии языка «важное значение имеют так называемые импликации, когда одно явление предполагает другое». ¹³

С этой точки зрения представляется вполне логичным допустить, что процесс формирования морфологической конструкции переходного глагола, построенной в абхазском языке по принципу эргативной конструкции, не ограничивался лишь противопоставлением структуры переходного глагола и предложения. Следует предположить, что с появлением субъектного показателя в переходном глаголе было связано постепенное ослабление грамматической функции линейных оппозиций членов предложения. Иначе говоря, усложнилась морфология (указание на субъектное лицо имеется уже в самом переходном глаголе), разгрузился синтаксис. В этой связи нельзя не обратить внимание на данные древнегрузинского языка, где при отсутствии маркированных показателей субъектно-объектных падежей их синтаксические функции для собственных имен в 3-м лице определялись их строгой последовательностью в предложении, которая, однако, с формированием эргативной конструкции предложения начала заметно ослабевать. Этим, очевидно, и объясняется, что в одном и том же памятнике встречаются параллельно: *Абраам šva* *Isaaḳ* 'Авраам родил Исаака' (без падежных окончаний) и *Isaaḳ-man šva* *Iaḳob-i* 'Исаак родил Иакова' (уже при наличии флексий эрг. и им. падежей).

Однако нарушение и дестабилизация ¹⁴ в абхазском языке

¹³ Серебрянников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 5.

¹⁴ Постепенно уже принимающая характер стилистической нормы в абхазском языке даже в тех предложениях, где, при использовании в качестве подлежащего и дополнения имен одного и того же грамматического класса следовало бы ожидать максимальной устойчивости. Например: *Ауаҭы адау ды-й-шьит* 'Человек дэва убил'; *Адауы ауаҭы ды-й-шьит* 'Дэв убил человека' (об этом см.: Циклиа. ИС, с. 58—59); Ср. *Аҭагыара аҭагыара и-ҭа-на-дойт* 'Гордость гордость рождает'; *Аҭада ахьыштра а-дыруейт* 'Осел знает обратный путь'; по: *Аҭада ахуда аба* (нов. доп.) *и-и-мҭа-ни-куейт* 'Осел свою шею волку подставляет'; *Агызхарамыш абахучы ала и-р-фейт* 'Невиную лису собаки съели' и т. д.

порядка последовательности членов предложения не повлекли за собой изменений смысла предложения, что было обусловлено, по всей вероятности, усилением синтаксических функций субъектного показателя и становлением субъектно-объектного, эргативного, строя переходного глагола. Вполне возможно, что именно после появления субъектного показателя в переходном глаголе начинается процесс расшатывания, дошедший во многих случаях до полного отсутствия подлежащего (а также косвенного и, реже, прямого дополнений) в структуре предложения. П р и м е р ы: ¹⁵

'Сара¹ Асма^т а^тсаа на^к и-н-лы-с-т^ейт (Абжас-ц^а зп^ау)

подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

'Я Асма^те дичь отдал'

'Ш^эара¹ сара аш^эахты ирласны и-аа-сы-ш^эы-м^тар... (Гул.

подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

Кама^ч. И^фымт.)

'Если вы мне налог срочно не уплатите...'

'Лара¹ лнапы ачымазае л^ы и-на-к^у-л-к^ыит (Там же)

подл. п.д. п.о. суб.

'Она свою руку больной на голову положила'

'Дара¹ дзы шарда и-аа-р-гоит (Ломт. Ашх. д.)

подл. п.д. п.о. суб.

'Они много воды несут'

'Уара¹ ла^цан и-у-м^тэо, о^цан и-у-з^тэом (Гул. Посл.)

подл. п.о. суб. п.о. суб.

'Что ты (муж.) не сказал во время посева, того не скажешь во время жатвы'

Позиция же прямого дополнения, наоборот, оказалась более прочной: ¹⁶ случаи его отсутствия в предложении носят как бы факультативный характер, что, со своей стороны, дает возможность объяснить факт отсутствия показателя прямого, ближайшего ¹⁷

¹⁵ В скобках Г¹ указаны предполагаемые члены предложения, отсутствующие в данном контексте.

¹⁶ «При необязательном наличии стоящих в начале местоимений, — пишет по этому поводу И. И. Мещанинов, — остаются устойчивыми в предложении только прямое дополнение и глагол. Ими двумя передается вся предикативная группа, хотя подлежащее в ней может отсутствовать. Выражение субъекта действий и косвенного дополнения сохраняется в глагольной рефлексии: тебе-я-даю (Мещанинов, ОВ, с. 497).

¹⁷ По терминологии Фр. Мюллера.

объекта 3-го лица (кат. в.) при его непосредственном нахождении перед переходным глаголом.¹⁸ Ср., например:

Ақудмагы амадатэы Ø-а-дыруеит (Гул. Посл.)

подл. п.д. п.о. суб.

‘И волк доверенное знает’ (‘сбережет’)

Сара азва Ø-уа-с-хIва-уан (Ломт. Апх. д.)

подл. п.д. п.о. к.о. суб.

(кат.в.)

‘Я тебе (муж.) слово говорил’

Азэы фэызбацагула фэхуда Ø-н-и-кеит (Гул. Камаф. Ифымт.)

подл. п.д. п.о. суб.

(кат.в.)

‘Кто-то тупым ножом перерезал нам горло’

Зны аакыкыа пфыз фак Ø-з-беит (Гул. Камаф. Ифымт.)

п.д. п.о. суб.

(кат.в.)

‘Недавно я сладкий сон видел’

Лыкуты Ø-л-тиит, лкыз Ø-л-тиит (Гул. Камаф. Ифымт.)

п.д. п.о. суб. п.д. п.о. суб.

‘Своих кур и гусей она продала’

Пфэыс дыззаамаша, афэафуа зегы авба Ø-р-и-трит

подл. к.д. п.д. п.о. к.о. суб.

(Гул. Посл.)

‘Тот, кому не суждено жепиться, у всех женщины недостатки находит’

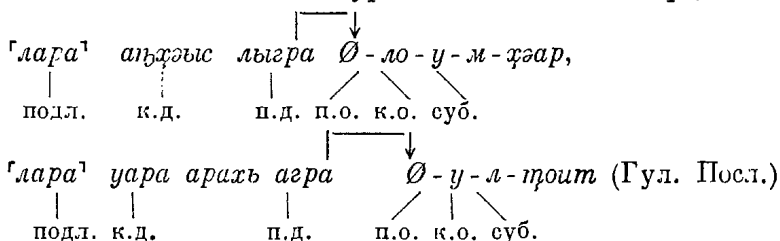
Ср. *Ухы этахыу уфха лассы хафа Ø-и-и-трит* (Там же)

подл. п.д. к.д. п.о. к.о. суб.

‘Тот, кто тебе добра желает, скоро выдает свою дочь замуж’

¹⁸ Аналогичные факты засвидетельствованы в древнегрузинском языке, где прямое дополнение 3-го лица не находило своего морфологического отражения в глаголе, но то, что первая гуглевая позиция принадлежала в структуре глагола именно данному члену предложения, подтверждается при сопоставлении с соответствующими парадигмами первых двух объектных лиц. См. об этом: Ч и к о б а в а А. С. 1) Проблема простого предложения в грузинском. Тбилиси, 1968, с. 164 (на груз. яз.); 2) Чем выражен в глаголах древнегрузинского литературного языка морфологический объект в именительном падеже. — Изв. ТГУ, 1928, IX, с. 30 (на груз. яз.).

Таким образом, отсутствие показателя 3-го лица ряда *Д* (ряда номинатива) прямого дополнения¹⁹ в структуре глагола при условии сохранения его позиционного места в предложении перед сказуемым, с одной стороны, и, наоборот, стабильная позиция показателя субъекта переходного глагола ряда *Л* (ряда эргатива) при редукции подлежащего, с другой, — это два взаимосвязанных структурных свойства, характеризующих основные исторические тенденции становления субъектно-объектных отношений в абхазско-абазинской подгруппе языков. Ущербность позиции подлежащего в составе предложения и ущербность позиции показателя ближайшего объекта в составе переходного глагола как бы взаимоуравновешиваются. Ср., например:

‘Если жене не укажешь на ее недостатки, она будет находить их в тебе’ (досл. ‘Ты жене ее недостаток если не скажешь, она этот недостаток сюда же тебе отдаст’).

Изучение специфики построения синтаксических конструкций переходного глагола дает основание допустить, что все основные вопросы субъектно-объектных отношений в абхазском и абазинском языках в их синхронном состоянии (в виду неразвитости системы склонения) сосредоточены в основном в области морфологии. Показательна здесь с этой точки зрения специфика выражения эргативной конструкции, формирование которой, как уже было отмечено выше, связано, вероятно, с коренным сдвигом в истории переходного глагола — с возникновением полиперсональной (субъектно-объектной) системы спряжения взамен моноперсональной («объектной»). Примечательно с этой точки зрения, что для ее построения были использованы морфемы ряда *Л* (ряда эргатива), которые, по мнению Г. В. Рогова,²⁰ следует считать аффиксами вторичной формации, связанными с образованием личного типа спряжения переходного глагола.

¹⁹ П. К. Услар впервые указал и на факт отсутствия префикса (также ряда номинатива), но являющегося лишь показателем субъекта переходного глагола. «В 3-м лице единственного числа отбрасывается характеристика *i*, но это потому, что подлежащее *y* (в предложении *y i bzioun*, — *И. Г.*) непосредственно находится перед глаголом. Если бы здесь *y i* только подразумевалось или отделено было от глагола другими словами, то было бы *ibzioun*» (У с л а р. АЯ, с. 18). Позже на это явление указал и Г. Дюмезил, см.: D u m e z i l G. *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Morphologie.* Paris, 1932, p. 157.

²⁰ Р о г о в а в а Г. В. К вопросу об истории полиперсонализма в пберийско-кавказских языках. — ИКЯ, 1962, XIII.

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ В СВЯЗИ С АБХАЗСКОЙ МОДЕЛЬЮ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исследование узловых вопросов синтаксической структуры абхазского языка с логической необходимостью ведет к вопросу о ее взаимоотношении с адыгской моделью субъектно-объектных отношений, характеризующейся здесь смешанной (морфологической и синтаксической) природой своего функционирования. Постановка подобного вопроса, как уже было отмечено выше, обусловлена весьма важной и общей для указанных языков проблемой сравнительно-типологического изучения их грамматического строя. Вместе с тем следует иметь в виду, что в данном случае вопрос о взаимоотношении двух систем соотносительных, или корреляционных, синтаксических признаков подготовлен, с одной стороны, более или менее адекватно выраженными и пересекающимися структурными чертами их основных субъектно-объектных конструкций, с другой — достаточно высоким уровнем их изученности. Последнее обстоятельство, как нам представляется, является весьма важным фактором, так как именно он создает необходимую научную основу для обобщающих выводов о структурных и функциональных параллелизмах на синтаксическом уровне между абхазским и адыгскими языками и, кроме того, что не менее важно, свидетельствует о существовании вполне реальной возможности дальнейшего расширения и укрупнения¹ синтакси-

---

¹ «Когда говорят, что в современной лингвистике синтаксис выдвигается на первое место, то при этом имеют в виду под термином „синтаксис“ не совсем то, что обозначается этим словом в традиционной лингвистике в таких, например, утверждениях, как „язык состоит из фонетики, лексики и грамматики, грамматика разделяется на морфологию и синтаксис“. На первое место выдвигается не тот „синтаксис“, который противопоставляется фонетике, лексике и морфологии, а синтаксис в его новом понимании. Понимание „синтаксиса“, таким образом, разделилось на два — прежнее и новое. Суть этого разделения до некоторой степени аналогична тому, что произошло с термином „предложение“» (С т е п а н о в Ю. С. Методы и принципы совре-

ческой проблематики абхазско-адыгских языков в целом. Все языки этой группы в синтаксическом плане объединяет общая типологическая черта — зависимость структуры предложения от сказуемого, которое в миниатюре воспроизводит все основные варианты субъектно-объектных отношений. Следовательно, своеобразие синтаксической системы абхазско-адыгских языков можно объяснить лишь с позиции структурной модели их полисинтетично-агглютинативного глагольного комплекса,² но далеко не однозначно, так как даже при наличии реально существующего структурного единства категории глагола в этой группе языков типологический анализ в синхронном плане вскрывает существенные расхождения между ними с точки зрения функционирования и синтаксической силы словоизменительных элементов. В этом отношении особенно характерны различия, наблюдаемые в способах передачи субъектно-объектных отношений, лежащих в основе построения фундаментальных синтаксических конструкций и в конечном счете формирующих синтаксический облик того или иного языка. «В основу синтаксической конструкции ложится выражение субъектных и объектных отношений, передаваемых соответствующими грамматическими формами».³ Грамматические формы, «в которые облачаются субъектно-объектные функции, зависят от строя языка и установившейся в нем для каждого случая нормы употребления его структурных единиц».⁴ Передача субъектно-объектных отношений по удельному весу своих формальных отображений, или проекций, на различные уровни языка составляет едва ли не наиболее существенный из содержательных факторов, определяющих его структурный облик, и представляется в настоящее время наиболее перспективной.⁵ Однако, как известно, выявление формальной и содержательной сущности грамматических категорий наталкивается на значительные трудности, которые всегда осознавались лингвистами, особенно если приходилось иметь дело с материалом типологически несходных языков. В последнем случае причины затруднений, по словам

мелкой лингвистики. М., 1974, с. 31). Укрупнение синтаксического аспекта в лингвистических исследованиях последних лет, по мнению Ю. С. Степанова, вызвано слиянием двух идей — «синтаксиса в семантике» и «синтаксиса акта высказывания» — в концепцию «глубинных структур» (Там же, с. 31—32).

² Синтаксическая структура, например, тюркских языков, объяснимая из особенностей морфологической структуры слова, сама поддерживает устойчивость агглютинативного строя. См. об этом: Гаджиева Н. З. Агглютинация как определяющий фактор развития синтаксической структуры тюркских языков. — В кн.: Проблемы языковых языков. X Международный конгресс лингвистов (доклады советской делегации). М., 1967, с. 180. См. также: Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. АДД. М., 1970.

³ Мещанинов И. И. Структура предложения. М.—Л., 1963, с. 60.

⁴ Кацнельсон. ТЯ, с. 47.

⁵ См. об этом: Климов Г. А. Вопросы контентивно-типологического описания языков. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 126.

В. Н. Ярцевой, пробовали искать в невозможности приложить критерии и понятия, выработанные на материале одних языков, к языкам иного строя.⁶ Но, с другой стороны, сравнительно-типологическое изучение той или иной категории или грамматического явления на материале языков, входящих в одну и ту же генетическую группировку, представляет не менее сложную задачу. Возможности изучения грамматических категорий на материале неродственных языков значительно шире, поскольку за основу сравнения может быть взят любой факт или совокупность фактов языка, тогда как при сведении к одному знаменателю различных вариантов функционирования грамматических категорий в родственных языках лингвист ограничен в выборе фактов, обнаруживающих их структурно-типологическую общность. В аналогичных случаях из-за чрезвычайного разнообразия «поверхностных» структур возникает необходимость обследовать «глубинные» структуры, чтобы выявить возможности их взаимной адекватности. С этой точки зрения кавказоведческий лингвистический материал, в котором на фоне общих структурно-типологических изоглосс наблюдаются различные варианты функционирования субъектно-объектных категорий, является наглядной иллюстрацией тесного взаимоотношения содержательной валентности глагола и различных способов передачи синтаксических структур, которые базируются именно на субъектно-объектных отношениях.

Так, например, присущая глагольной основе залоговая нейтральность является основным, общим источником функционирования эргативной конструкции и в абхазском и в адыгских языках,⁷ однако в абхазско-абазинской подгруппе, с одной стороны, и в убыхском и адыгских языках, с другой, обнаруживаются явные отклонения, которыми при типологической характеристике эргативной конструкции в языках различных типов И. И. Мещанинов уделял особое внимание.⁸ Так, в адыгских языках, как и в убыхском, эргативная конструкция при переходном глаголе выражена как морфологически, так и синтаксически. Например, каб. *Хъыджэбзы-м джанэ-р ед* 'Девушка рубашку шьет', где *-м* в слове *хъыджэбзы-м* — показатель подлежащего в эргативном падеже, а *-р* в слове *джанэ-р* — показатель прямого дополнения в именительном падеже.

Исходя из структуры простого предложения, содержащего в своем составе переходное сказуемое и оформленные надежными аффиксами именные компоненты, проблему эргативной конструк-

---

⁶ Ярцева В. Н. Отношение семантико-грамматических категорий, выражаемых в различных языках. — В кн.: Принципы описания языков мира. М., с. 97.

⁷ Чикобава А. 1) ЭКЯ; 2) ЭКИК.

⁸ Мещанинов М. И. 1) Структура предложения; 2) Эргативная конструкция предложения в языках различных типов 1., 1967; 3) Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта. — Филологические науки. М., 1961, № 1 и мн. др.

ции в адыгских и убыхском языках в отличие от абхазского и абазинского следует рассматривать в двух аспектах: морфологическом и синтаксическом. Если в абхазском языке, как это было показано в начале работы, в условиях отсутствия склонения личные и классные морфемы, выступая в роли и основных грамматических средств определения переходности/непереходности, вместе с тем передают все варианты субъектно-объектных отношений, то в адыгских и убыхском языках наряду с личными префиксами в построении синтаксических конструкций участвуют и падежные флексии. Таким образом, здесь образуются два синтаксических уровня: «синтаксическая» форма глагольного слова и структура фразы.⁹ Иначе говоря, емкость синтаксических моделей в абхазском и адыгских языках различна по своему составу.

Наличие двух вариантов построения одной и той же синтаксической конструкции в указанных языках на фоне их общей, типологически идентичной морфологической структуры переходного глагола при сравнительно-типологическом изучении структуры предложения, естественно, ставит вопрос об исходном состоянии, а также о причинах, вызвавших столь существенные различия.

Решение такого вопроса на материале младописьменных языков, каковыми являются абхазский, абазинский и адыгские (черкесские), не имеющие документированных письменных свидетельств их древнего состояния, чрезвычайно сложно, что и определяет предположительный характер принятого решения. Однако целесообразность постановки подобного вопроса может быть аргументирована тем, что в аналогичных случаях и ситуациях, как показывает опыт изучения многочисленных бесписьменных, а также младописьменных языков народов СССР, приемы сравнительно-исторического языкознания могут быть заменены методом сравнительно-типологического анализа материала родственных языков (а в определенных случаях и сочетанием этого метода с методом внутренней реконструкции).¹⁰

Применять метод вероятностных обоснований в практике исследований, отмечает Б. А. Серебренников, значит использовать все возможные точки опоры, позволяющие обосновать предположение о совершившихся в языке процессах, более или менее близкое к истине.¹¹

---

⁹ По терминологии К. Пари, «межглагольный» и «межфразовый» уровни. См.: Paris C. Indices personnels intraverbaux et syntaxe de la phrase minimale dans les langues du Caucase du Nord-Ouest. — Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1969, t. 64, p. 105.

¹⁰ Ч и к о б а в а А. С. Сравнительная типология и внутренняя реконструкция. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1969, т. XXVIII, вып. 1.

¹¹ С е р е б р е н н и к о в В. О, с. 335. Такими точками опоры могут быть самые различные фреквенталии в различных сферах языка, закономерные структурные корреляции, оставшиеся в языке следы, логические непоследовательности и всякого рода аномалии (Там же).

Типологическая грамматика может значительно обогатить и расширить горизонты сравнительной грамматики родственных языков.¹² Взаимодействие сравнительно-исторической и типологической методики исследований особенно ярко сказывается в историко-типологической грамматике определенной языковой группы.¹³ Сравнительно-типологическое изучение той или иной группы языков, как правило, диктуется теми соображениями, что именно при таком рассмотрении материала наиболее отчетливо и выпукло выступают отличительные особенности каждого языка данной группы в отдельности.¹⁴ Этот принцип исследования синтаксической структуры группы языков особенно четко сформулировано И. И. Мещаниновым, считавшим, что «подход к любому языку в его изолированном от других положений затрудняет правильное освещение всех деталей его грамматического строя. Более полное их определение дают сравнительные сопоставления. В связи с этим исследование обращается в первую очередь к сравнению с языками, родственными по своему грамматическому строю».¹⁵ В нашем конкретном случае для решения поставленного вопроса необходимо учесть те тенденции, которые являются определяющими для истории развития как именных компонентов предложения, так и глагольного сказуемого с точки зрения синхронно-диахронной их характеристики.

Как известно, в результате углубленного изучения категории падежа в иберийско-кавказских языках между отдельными группами и даже внутри некоторых групп языков выявились заметные расхождения. Так, например, если в картвельских и особенно в дагестанских и вейнахских языках имя характеризуется богатством падежных форм, то в убыхском и адыгских система склонения значительно беднее, что отражает переходную ступень от вышеуказанных языков к абхазско-абазинской подгруппе, где главные именные члены предложения не оформлены падежными флексиями и их синтаксическое назначение может быть определено занимаемой ими позицией по отношению к сказуемому в том или ином варианте предложения. Предполагается, что исходной формой именного словоизменения для всех этих языков является нулевая форма абхазского типа,¹⁶ и наоборот, образование и тем более многообразие падежей является поздним явлением, отра-

---

¹² Макаев Э. А. Современное состояние общего языкознания и соотношение сравнительной, сопоставительной и типологической грамматики. — В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964, с. 91.

¹³ Там же, с. 108.

¹⁴ Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Л., 1973, с. 6.

¹⁵ Мещанинов И. И. Примыкание в различных синтаксических системах. — ВЯ, 1967, № 3, с. 3.

¹⁶ Чикобава А. С. Категория грамматических классов и генезис падежных окончаний в грузинском языке (предварительное сообщение). —

жившим разрушение категории грамматических классов и связанную с этим процессом внутрисистемную перестройку языка.

Собственно, и данные убыхского и адыгских языков со слабо развитой системой склонения свидетельствуют о вторичности включения в их синтаксическую систему именительного и эргативного падежей, до сих пор сохранивших свою яркую указательную семантику.¹⁷

Во-первых, убыхский и адыгские языки не имеют эргатива единого происхождения. Во-вторых, эргатив здесь не является самостоятельной морфологической единицей: он совмещает синтаксические функции и косвенных падежей. В-третьих, флексии эргативного и именительного падежей в адыгских языках используются для выражения категории определенности, которая именно наличием суффиксов *-м* и *-р* противопоставляется категории неопределенности, представленной без каких-либо формальных показателей в виде чистой лексической основы имени. Еще более специфичная схема представлена в убыхском языке, где налицо простейшая оппозиция неоформленного именительного падежа и эргативного падежа с окончанием *-н*, которым, помимо подлежащего, выражается и косвенное дополнение, а также передается значение родительного, превратительного падежей и некоторые другие синтаксические значения, которые в специальной литературе освещены довольно широко и с различных точек зрения. При ознакомлении со специальной литературой складывается впечатление, что именно синтаксическая полифункциональность суффиксов *-м* и *-р* и размытость в них границ грамматической семантики лежит в основе весьма различной их квалификации.¹⁸ Ни одна проблема грамматики адыгских языков не имеет столь значительной по объему литературы, как проблема склонения.

Сообщ. АН Грузинской ССР, 1946, т. VII, № 1—2, с. 65—72 (на груз. яз.); Ломтатидзе К. В. Некоторые вопросы иберийско-кавказского языковедения. — ВЯ, 1954, № 4, с. 76.

¹⁷ Показательно в этом отношении мнение Р. Эркерта, считавшего *-р* аффиксом определенности имени, а *-м* — «местоименным показателем» (Ercherter R. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895, S. 263). «Указательные местоимения в самостоятельном употреблении могут быть только в определенной форме, — пишет по этому поводу Н. Ф. Яковлев, — а при присоединении к имени в виде префиксов определенная форма по общему правилу переходит на конец определительного (атрибутивного) сочетания слов. Например, *мы-р* 'этот', но: *мы унэ-р* 'этот дом' и т. д.» (Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948, с. 114). В этом отношении заслуживает внимания и замечание К. Д. Дондуа: «По происхождению формант *-м* (э) кабардинского эргатива, должно быть, указательное местоимение (основа *мы* или *мо*); абсолютн. форма *мы-р*, эргативн. *мо-бы* 'этот'; абсолютн. форма *мо-р*, эргативн. *мо-бы* и др. (Дондуа К. Д. Адыгейского типа эргатив в сванском. — В кн.: Дондуа К. Д. Статья по общему и кавказскому языковедению. Л., 1975, с. 149).

¹⁸ Подробно об этом см.: Шагиrow А. К. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. — В кн.: Вопросы изуче-

Категория падежа в адыгских языках рассматривается не только в описательных грамматиках, но и в специальных исследованиях.¹⁹ Вместе с тем считается, что система склонения в этих языках остается еще недостаточно исследованной, в частности многие вопросы как синхронного, так и диахронного анализа падежной системы не получили освещения, причиной чему служит не только разный подход к решению разбираемой проблемы, но и сложность самого объекта исследования. Кроме того, состояние развития грамматической категории падежа в адыгских языках характеризуется наличием целого ряда переходных явлений. Определение же места промежуточных явлений в системе всегда сопряжено с большими трудностями.²⁰

Категория падежа в уبخском и адыгских языках тесно переплетается с категорией определенности/неопределенности, что значительно усложняет возможности их выявления и функциональной характеристики. Черкесские языки, указывал С. Н. Джанашиа, в отличие от абхазского имеют систему склонения, но она является весьма оригинальной по своей природе: имя в черкесских языках может быть представлено в неопределенном и определенном виде. В первом случае оно лишено какой-либо специфической формы и представляет собой чистую основу. Определенное же имеет в своем составе суффиксы *-р* и *-м*, из которых первый выражает подлежащее при непереходных глаголах и прямое дополнение при переходном так же, как и именительный падеж в грузинском, а второй выражает подлежащее и косвенное дополнение при переходных глаголах и, весьма своеобразно, другие косвенные падежи, участвующие в словообразовательном процессе.²¹ Здесь же приводится четкая схема оппозиций определенных и неопределенных форм:

Неопределенн.	—	Определенн.	
<i>шы</i>	—	<i>шы-р</i>	‘лошадь’
<i>унэ</i>	—	<i>унэ-р</i>	‘дом’
<i>стол</i>	—	<i>стол-ыр</i>	‘стол’
<i>тхылъ</i>	—	<i>тхылъ-ыр</i>	‘книга’

ния иберийско-кавказских языков. М., 1961, с. 46—71; З е к о х У. С. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969; К у м а х о в. С А Я; Т а о в Х. Т. Склонение в адыгских языках. Нальчик, 1967; K u i p e r s A. The Circassian nominal Paradigm: A Contribution to Case-Theory. — *Lingua*, 1962, XI и мн. др.

¹⁹ К у м а х о в. С А Я, с. 59.

²⁰ Там же.

²¹ Джанашиа С. Н. Сванско-адыгейские языковые встречи. — Изв. ИЯИМФ, 1942, XII, с. 262 (на груз. яз.). «Мы, — отмечает здесь же автор, — сначала эти падежи условно обозначили как прямые (*rectus*) и косвенные (*obliquus*) — последние под вопросом, но поскольку *м* — это и показатель падежа подлежащего, то мы затруднились называть его косвенным даже под вопросом» (Там же, с. 262).

И все же только по синтаксическим значениям С. М. Джанашиа не считает суффиксы *-р* и *-м* падежными флексиями в общепринятом смысле, так как, по его мнению, эти форманты, в частности *-м*, свои функции в адыгских языках выполняет не самостоятельно, а с помощью других грамматических элементов.²² Ср., например, аффикс *-м* в значении эрг. падежа: *ЧIалэ-м тхыль-ыр этхы* 'Парень книгу пишет'; *Сикъуш-ым тхыль-ыр этхы* 'Мой брат книгу пишет'; *Сикъуш-ым мык ьэрысэ сийшыпху-м йирэт* 'Мой брат моей сестре яблоко отдает'; в значении дательного падежа: *Ар хIэ-м йэуэ* 'Он собаку бьет'; *Осмэн дйэсэ-м иэджэ* 'Осман урок учит'; *Баджэ-р мэз-ым хэс* 'Лиса в лесу живет'. В значении же родительного и творительного падежей аффикс *-м* выступает в следующем виде: *ТхIэшьгуэ-м й-ан* 'Мать бога' (букв. 'божья мать' — из реликтового религиозного выражения); *Ным-кIээ сэпагээ* 'Я матерью горжусь'. В первом случае определяемое слово связано с определением префиксом притяжательного местоимения *и-* (. . .-м *и-*. . .), а в другом — при помощи служебного слова *-кIээ*: *н-ым-кIээ* 'матерью'.²³ Наше внимание в концепции С. Н. Джанашиа привлекает его замечание²⁴ о местоименном происхождении суффикса *-м* в адыгских языках: *мы* (неопределенн. форма) 'это', *мы-р* 'это', *мы-хэ-р* 'эти' (определенн. форма). Для истории изучения системы склонения в адыгских языках характерно, что многие авторы не выделяют падежи как самостоятельную грамматическую категорию на основе функционирования в них аффиксов определенности *-м* и *-р*.²⁵ Часто соответствующие именные формы квалифицированы как падежеобразные.²⁶

Взгляды на систему падежей характеризуются очень большой пестротой у ранних исследователей адыгских языков: Л. Люлье, Ш. Б. Ногма, Л. Г. Лопатинского, Р. Эркерта, А. Дирра, У. Х. Берсея и других;²⁷ но в работах этих авторов имеется и единая точка соприкосновения — признание тесной взаимосвязи категории падежа с категорией определенности/неопределенности, ее структурное своеобразие и функциональное назначение на синтаксическом уровне в адыгских и убыхском языках. Рассмотрение специальной литературы по этому вопросу убеждает в том, что эта традиция в основном была продолжена и в последующих исследованиях по адыгским языкам. Так, например, Н. Ф. Яковлев указывал, что имя в кабардино-черкесском языке, характеризующееся по сравнению с глаголом слабым развитием форм,

²² Там же, с. 263.

²³ Там же, с. 262—263.

²⁴ Там же.

²⁵ Турчанинов, Цагов. КЯ, с. 51—61.

²⁶ «Адыгейское склонение представляет собою пока минимальное развитие форм — всего лишь два падежа и, сверх того, две близких к падежным формам. . .» (Яковлев, Ашхамаф. ГЯЯ, с. 381).

²⁷ См. подробно: Зехох У. С. Система склонения в адыгейском языке, с. 8—15.

имеет лишь «три степени оформления: неоформленное, неопределенное и определенное склонение».²⁸ Первое из них рассмотрено в качестве пережиточного явления, а два последних — как основные падежи (с суффиксом *-р* — «именительный», с суффиксом *-м* — «косвенный», или «косвенно-именительный»), образующие соответственно определенное²⁹ и неопределенное склонение. Суффикс *-м* хотя и связывается у Н. Ф. Яковлева с понятием «активного» падежа, но его синтаксическая функция (выразить и все косвенные падежи — дательный, родительный, творительный и местный) не дает основания называть его эргативным падежом. В этом отношении более последовательное толкование «*м*-падежа» как «эргатива» находим в «Грамматике кабардинского языка» Г. Ф. Турчанинова и М. Цагова, где довольно четко очерчены синтаксические поля аффикса *-м*: *Бригадырым тхылъ йытхаш* 'Бригадир (эрг. п. подлежащего) письмо написал'; *Мэлыхъур мэлым еплъаш* 'Пастух (подл. в им. п.) овец (дат. п. косвенн. дополнения); смотрел' *Шыр хъуып Гэм къуаш* 'Лошадь (на) пастбище пошла' и т. д.³⁰

Специальную статью адыгейскому склонению посвятил Г. В. Рогава, который выделил здесь лишь три падежа: именительный, дательный и направительный (превратительный),³¹ основные значения которых вместе со значением определенности заключены в суффиксах *-р* и *-м*. По мнению Г. В. Рогава, первичными следует считать определенительную семантику этих суффиксов, однако все реже употребляясь с именами, они постепенно теряют свое первоначальное назначение, что приводит к усилению заключенной в них другой семантики — падежной.³² Обращает на себя внимание, что в этой работе Г. В. Рогава характеристику семантического поля аффикса *-м* начинает с его основной функции как выразителя дательного падежа, а эргативная функция подчинена этой основной функции. При этом считается, что функцию падежа подлежащего аффикс *-м* может выполнить лишь при инверсии (по типу функционального перемещения падежей в 3-й серии времен в картвельских языках). Основное же синтаксическое назначение дательного падежа — выражение косвенного дополнения. Например, при двухличном непереходном глаголе:

²⁸ Яковлев, Ашхамаф. ГАЯ, с. 111—112.

²⁹ «Определенное склонение соответствует склонению имен существительных с определенным артиклем в западноевропейских языках. Следует заметить, что суффиксы *-р* и *-м* в этом склонении имеют, таким образом, значение одновременно и падежных и определительных окончаний» (Яковлев, Ашхамаф. ГАЯ, с. 113). Эта же точка зрения высказана и в работе П. Ф. Яковлева «Грамматика адыгейского литературного языка» (М.—Л., 1941, с. 46—47).

³⁰ М.—Л., 1940, с. 51—61.

³¹ Рогава Г. В. К вопросу о склонении ижнеадыгейского языка. — Изв. ИЯИМК, 1938, IV (па груз. яз.).

³² Там же, с. 114.

Хъар баджэ-м йэцахь 'Собака лису кусает';³³ при трехличном переходном глаголе: ЧГалэ-р лъызы-м фйэцахъа мыйэ-м 'Парень старику откусывает яблоко'; при двухличном переходном глаголе: Шакуэ-м сыхъы-р чГала-м фйэчуГы 'Охотник оленя для парня (парню) убивает'. Ср. в каузативной конструкции: ЧГала-м сыхъы-р шакуэ-м рйэгъаучГы 'Парень оленя охотника убить заставляет'.³⁴ Мнение об очевидности совмещения в суффиксах -р и -м значений падежа и определенности лежит в основе характеристики падежной системы и в новейших грамматиках по адыгейскому³⁵ и кабардинскому языкам.³⁶ Однако, по мнению М. А. Кумахова,³⁷ распространенный взгляд, что морфемы -р, -м в существительных выражают одновременно и функцию определенности и падежа, нуждается в уточнении. Следует разграничить разные функции именных формантов -р, -м. В предложении ШГалэр тхылъым йоджэ (каб.) 'Юноша (известный) книгу (известную) читает' формантам -р (ШГалэ-р), -м (тхылъы-м) обычно приписываются функции падежа и функции определенности. Между тем, противопоставление этого предложения предложению ШГалэ тхылъ йоджэ 'Юноша (неизвестный) книгу (неизвестную) читает' показывает, что форманты -р, -м в данном случае являются только показателями определенности. То, что эти форманты свободно чередуются с нулем (шГалэ-р — шГалэ, тхылъы-м — тхылъ), по мнению автора, свидетельствуют о том, что они не выражают синтаксических отношений в предложении. Иными словами, форманты -р, -м выступают как вставочные, определительные члены. Чередуясь с нулем — показателем неопределенной формы, они участвуют в грамматической опозиции определенности/неопределенности.³⁸ Вопрос о функциональном наполнении этой категории осложнен и другими, не менее важными обстоятельствами, в частности ограниченностью сферы ее лексического и грамматического употребления.³⁹

Но, несмотря на ряд веских доводов, трудно согласиться с теми авторами, которые считают, что категорию определенности/неопределенности на синхронном уровне ее функционирования можно рассматривать вне тесной ее связи с категорией падежа, т. е. тем самым исключить факт наличия в данном случае так называемого блока взаимосвязанных явлений. Опять-таки на синхронном уровне тогда пришлось бы исследовать, например, проб-

³³ Там же, с. 104.

³⁴ Там же, с. 104—105.

³⁵ Р о г а в а, К е р а ш е в а. ГАЯ.

³⁶ Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957 (коллектив авторов).

³⁷ К у м а х о в. СЯЯ, с. 37.

³⁸ Там же. См. также: К у м а х о в М. А. К проблеме эргатива в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. — ЭКПЯРТ, с. 172.

³⁹ К у м а х о в СЯЯ, с. 39.

дему эргативной конструкции в адыгских языках не с точки зрения и падежной системы, и переходного глагола, а лишь с точки зрения исключительно линейных отношений неоформленных членов предложения и на уровне дистрибуций личных префиксов в составе переходного глагола так же, как и в абхазском языке. В связи с этим следует отметить, что конструкции с неоформленными (нарицательными) именами субъекта и объекта, как отмечено в литературе,⁴⁰ используются в основном в пословицах и поговорках. Для обычной речи подобные конструкции не характерны.⁴¹

Приведенный нами здесь далеко не полный перечень существующих в адыговедении различных точек зрения на сущность и номенклатуру падежных флексий свидетельствует не только о сложной природе самого исследовательского объекта, но и о назревшей необходимости обобщения и квалификации накопленного материала в этой области с точки зрения диахронной характеристики системы склонения в адыгских языках в связи с данными и абхазского языка. В специальной литературе не раз было высказано мнение, что вопрос о системе склонения в абхазско-адыгских языках должен изучаться в неразрывной связи с особенностями глагольного сказуемого, от характера которого, т. е. от его морфологических свойств, от признака переходности/непереходности, от статичности/динамичности, что от наличия в его структуре таких фундаментальных категорий, как класс и лицо, зависит синтаксическая структура предложения. Это положение хорошо подтверждается на материале абхазского и абазинского языков, в которых, как уже было отмечено выше, отсутствие системы склонения не является препятствием для функционирования даже одного из наиболее выдержанных вариантов эргативной конструкции, выраженной исключительно средствами глагольных морфологических элементов; четкая дистрибуция последних в структуре самого глагола создает тот стабильный синтаксический барьер, при котором отпадает необходимость оформления членов предложения падежными флексиями. Поэтому представляется вполне возможным и логически оправданным допустить, что существующие на синхронном уровне синтаксические расхождения между абхазским и адыгскими языками имеют реальную опору на морфологию в виде глагольного сказуемого,⁴² ис-

---

⁴⁰ Об этом см. также: Шаги́ров А. К. Об эргативной конструкции предложения в адыгских языках. — ЭКПЯРТ, с. 175.

⁴¹ «Вместе с тем, — пишет А. К. Шаги́ров, — положение о возможности употребления аффиксов *-м*, *-р* в чисто артиклевом значении нельзя полностью отвергать. В частности, это положение не вызывает возражений, если речь идет о случаях, когда *-м* и *-р* оформляют имена объектов в единственном числе. Здесь эти аффиксы, особенно *-р*, выполняют, как правило, только определительную функцию» (Указ. соч., с. 176).

⁴² «В области глагола протекают напряженные процессы конструктивного объединения элементов речи. Система глагола более синтаксична, чем

следование которого (особенно его полиперсональной системы) дает повод предположить, что исходной формой именной парадигмы для этих языков была нулевая форма абхазского типа и зарождение системы склонения в адыгских и убыхском языках связано с зарождением в истории их развития тенденции упрощения структуры глагола, вызвавшей соответствующие изменения и на синтаксическом уровне.⁴³ В данном случае на материале абхазского и адыгских языков мнение А. Мейе о том, что «изменение морфологического типа сопровождается параллельными изменениями предложения»,⁴⁴ находит свое яркое воплощение.

В области исторической морфологии глагола адыгских языков значительной является попытка Г. В. Рогава реконструировать для диахронного состояния морфологическую категорию грамматических классов.⁴⁵ Она сводится к интерпретации личных глагольных префиксов и некоторых именных компонентов, ныне слитых с основой, как исторических классовых показателей.

Как известно, в иберийско-кавказских языках засвидетельствованы три типа спряжения: классное, классно-личное и личное. В абхазско-адыгских языках представлены две последние ступени: классно-личное спряжение в абхазском и абазинском языках и личное — в адыгских и убыхском. В структуре глагола этих языков на синхронном уровне их состояния не отражается различие по грамматическим классам человека и не-человека, что является основной морфологической особенностью абхазско-абазинской подгруппы. Однако результаты, полученные на основе анализа глагольных и именных основ в этих языках, свидетельствуют о существовании подобного разграничения на определенном этапе их развития.⁴⁶ Судя по имеющимся данным, убыхско-адыгские языки прошли смешанную, классно-личную ступень спряжения абхазского типа, и это позволяет допустить, что синтаксическая конструкция, например эргативная конструкция, в своей морфологической разновидности образовалась и в абхазском, убыхском и адыгских языках одновременно и, возможно, именно на той ступени их развития, когда в связи с возникновением категории лица показатель последнего вклю-

---

система всех других знаменательных частей речи. Инфинитив не центр глагольной системы, а ее окраина. Глагол органически связан с категориями модальности, времени и вида, с категориями субъекта (лица деятеля) и объекта» (В и н о г р а д о в В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е, М., 1972, с. 511).

⁴³ Р о г а в а Г. В. К вопросу о системе склонения в нижнеадыгейском языке, с. 101—102.

⁴⁴ М е й е А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русск. перевод. М.—Л., 1938, с. 435.

⁴⁵ Р о г а в а в. СИО. См. об этом: К л и м о в Г. А. Кавказские языки. М., 1965, с. 37.

⁴⁶ Р о г а в а в. СИО.

чался в форму переходного глагола, уже имеющего, по всей вероятности, в своем составе показатель грамматического класса. В результате одновременно с «субъективизацией» происходило максимальное осложнение структуры глагольного сказуемого: на базе моноперсонального глагола формировался полиперсональный глагол,⁴⁷ в данном случае классно-личный, или объектно-субъектный, тип переходного глагола. О структурном единстве абхазско-адыгского глагольного сказуемого свидетельствует как сохранившееся и поныне материальное совпадение классно-личных показателей в этих языках (ср. абх. *с-* // *э-, у-, б-, и-, л-, а-* // *на-, д-, р-, шэ-, х-*; адыг. *с-* // *сэ-, сы-* // *у-, о-, с-, т-* // *д-, шьу-*; убых. *сы-* // *э-, ѓ-, а-, ды-* и т. д.), так и общая закономерность иерархии субъектно-объектных показателей в структуре глагола в зависимости от выполняемых ими синтаксических функций. Абхазская форма глагольного сказуемого содержит в своем составе классный и личный показатели прямого («ближайшего») объекта, косвенного объекта и субъекта, адыгская (как и убыхская) — личные показатели тех же компонентов глагольной парадигмы. Наличие этих особенностей, безусловно, имеет доказательную силу для утверждения структурного единства их глагольного сказуемого. Так, это хорошо видно при сопоставлении формы абхазского переходного глагола *с-и-гейт* 'меня-он(муж.)-повел' с адыг. *сы-йы-шагъэ* 'меня-он-увел'; абх. *и-с-фойт* 'то(кат. в.)-я-ем' и убых. *йэ-с-фын* 'то-я-ем'. Как явствует из этих примеров, во всех случаях как в лично-классном варианте абхазского типа, так и в личном варианте убыхского и адыгейского языков преимущество отдается префиксу прямого («ближайшего») объекта.

Особое значение для диахронной характеристики системы спряжения и восстановления в конечном счете общего архетипа их синтаксической структуры имеет выявленная Г. В. Рогава⁴⁸ древняя система выражения личных аффиксов адыгских языков (личные аффиксы 1-го и 2-го лиц без огласовки для выражения имени в эрг. падеже, а с огласовкой *ы* — в им. падеже), отражающая древнейший общий вид и синтаксическое назначение личных аффиксов 1-го и 2-го лиц в абхазско-адыгских языках в целом. Такое предположение Г. В. Рогава основывается на том факте синхронного порядка, что в нижнеадыгском языке аффиксы 1-го и 2-го лиц (субъекта и объектов) в отношении огласовки представлены в трех видах:⁴⁹

⁴⁷ См. об этом: Ч и к о б а в а А. С. Основные типы спряжения глаголов и их исторические взаимоотношения в иберийско-кавказских языках. — XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Андгуладзе. ИКЛС.

⁴⁸ Рогава Г. В. О некоторых вопросах истории личных аффиксов в адыгских языках. — Сообщ. АН Грузинской ССР, 1959, т. XXIII, № 4.

⁴⁹ Там же, с. 501.

1) без огласовки:	ед. ч. 1-о л. с-(→ з-),	2-е л. у-(→ б-, п-, пI-
	мл. » » » т-(→ д-, тI-),	» » шъо- (жъо-)
2) с огласовкой ы:	ед. » » » сы-,	» » у-(уы-)
	мл. » » » ты-,	» » шъу-(шъуы-)
3) » » э:	ед. » » » сэ-,	» » уэ-
	мл. » » » тэ-,	» » шъуэ-

Вместе с тем эти варианты личных аффиксов выполняют строго определенные синтаксические функции — личные префиксы без огласовки выражают: 1) субъект при переходных глаголах в прошедше-будущих временах: *с-тхыгъэ* 'я написал то', *п-тхыгъэ* 'ты написал то' и т. д.; 2) косвенный объект перед словообразовательными префиксами: *с-фитхыгъэ* 'тот написал то для меня', *п-фитхыгъэ* 'тот написал то для тебя'; личные же аффиксы с огласовкой *ы* выражают: 1) субъект в производных непереходных глаголах (или во всех непереходных глаголах в прошедше-будущих временах): *сы-кIоцт* 'я пойду', *уы-кIоцт* 'ты пойдешь'; 2) прямой объект при переходных глаголах: *сы-уы-цэ* 'меня ты ведешь', *уы-сы-цэ* 'тебя я веду'. Таким образом, на основе анализа личных аффиксов адыгских языков выяснилось,⁵⁰ что в этих языках исторических были наличны два вида личных аффиксов 1-го и 2-го лиц (третий вид с огласовкой *э* — более позднего образования), которые вместе с различием в своей структуре имели различные, но строго мотивированные синтаксические функции: личные аффиксы с огласовкой *ы* являются показателями имени в форме именительного падежа (в 3-м лице), выражающего субъект при непереходных глаголах (*сы-кIуагъ* 'я пошел') и прямой объект при переходных (*сы-къ-и-шагъ* 'тот привел меня сюда'). Личные аффиксы 1-го и 2-го лиц без огласовки выступают в качестве показателей имени в эргативном падеже (в 3-м лице), выражающего субъект при переходных глаголах (адыг. *с-шагъэ* 'я повел его') и косвенный объект во всех глаголах (каб. *абы ар абы хъу-и-шац* 'тот его для него повел' и т. д.).⁵¹

Данная здесь характеристика структурных и функциональных особенностей личных аффиксов в дальнейшем была положена в основу их квалификации в «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка»⁵² и «Грамматике адыгейского языка».⁵³ В последней работе выделены соответственно выполняемым синтаксическим функциям три ряда личных аффиксов: а) личные префиксы I ряда (ряда номинатива) выступают в качестве показателей в переходном глаголе имени прямого («ближайшего»)

⁵⁰ Там же, с. 505. См. также: Р о г а в а Г. В. К вопросу об истории полиперсонализма в пберийско-кавказских языках. — ИКЯ, 1962, XIII, с. 51—54.

⁵¹ Р о г а в а Г. В. О некоторых вопросах истории личных аффиксов. . . , с. 506.

⁵² См. с. 107.

⁵³ Р о г а в а, К е р а ш е в а. ГАЯ, с. 136—151.

дополнения и подлежащего в непереходном глаголе, также управляющего именем субъекта в именительном падеже, например: адыг. *сэ сы-кГошт* 'я пойду'; каб. *сэ сы-щыщ* 'я сижу'; адыг. *сэ о у-с-цагъ* ← (*уы-с-цагъ*); каб. *сы-ф-лъэгъуащ* 'вы меня видели'; б) личные префиксы II ряда (ряда эргатива как косвенного объекта) обозначают имена в эргативном падеже с функцией косвенного дополнения, например: *ащ сэ ар ф-кы-с-ф-и-цагъ* 'он привел его ко мне'; в) личные аффиксы III ряда (ряда эргатива в роли реального субъекта) обозначают имена, которые стоят в эргативном падеже в функции подлежащего, например: адыг. *сэ ащ ар фкы-фэ-с-шагъ* 'я привел его к нему'; каб. *сэ о у-с-лъэгъуащ* 'я тебя видел'.⁵⁴

Структурное и функциональное совпадение личных префиксов адыгских языков с абхазскими лично-классными префиксами дает возможность именовать и эти последние аффиксами ряда номинатива (ряда *Д*) и эргатива (ряда *Л*). Особое значение в этом смысле имеет то обстоятельство, что хотя абхазско-абазинская подгруппа характеризуется более сложной системой спряжения, но вместе с тем основные принципы построения глагольной парадигматики остаются общими у нее и у адыгской подгруппы. «Последние объединяются не только высокой степенью синтетичности словоизменения глагола, но и поразительным сходством иерархий словоизменительных категорий. Сходство между адыгской и абхазской подгруппами отмечается в распределении аффиксов словоизменения и основообразования глагола».⁵⁵ В полиперсональной форме глагола позиционные распределения префиксов лица (субъекта и объектов) в адыгских языках и лично-классных префиксов в абхазском и абазинском обусловлено переходностью или непереходностью глагольной основы, что и предопределяет соответствующее сближение с точки зрения глагольной парадигмы. Строгая закономерность позиционных отношений в структуре глагола адыгских языков⁵⁶ выполняет те же самые синтаксические функ-

⁵⁴ Примеры взяты из указанных грамматик. Более сложной структурой эти три ряда показателей характеризуются в адыгейском языке, хотя в целом в адыгских языках нет принципиальных расхождений: адыг. *сы-*, *т-* (1-е л.); *у-* (*уы-*), *шъу-* (*шъ-уы-*) (2-е л.); 3-е лицо ед. числа представлено нулевой формой и в кабардинском языке: *Ф-сы-уцэгуащ* 'то-я-утаил'. Это — характерная особенность префиксов ряда номинатива. А что касается префиксов ряда эргатива (субъекта и косвенного объекта), они представлены без огласовки *ы* (подверглись ассимиляции с согласным основы глагола: *с* → // *з*, *т* → *д*//*тI* 1-е л.; *у* → *б*// *п*// *пI*, *шъу* → *жъу*// *шIу* 2-е л. В 3-м лице аффиксом III ряда (для субъекта в эргативе) в ед. числе выступает *и* (*йы*// *ы*, а во мн. ч. *а*: адыг. *Ащ ахэм ар къ-аф-и-цагъ* 'Он привел его к ним'; *Ахэм ащ ар кы-ф-а-цагъ* 'Они привели его к нему').

⁵⁵ Курмахов. САЯ, с. 327.

⁵⁶ «Личные префиксы, выражающие субъект, объект и различные дополнения, в адыгейском языке часто совпадают друг с другом, часто звучат совершенно одинаково. В этом случае средством различения всех этих пре-

ции, что и в абхазском языке. Особое внимание заслуживают в данном случае следующие явления: 1) в адыгских языках префиксы I ряда (ряда номинатива) во всех глаголах занимают первое место среди других префиксов: адыг. *сэ сы-кIуагъ* 'я пошел' (одноличн. неперех. глагол); каб. *сы-кIуац* 'я пошел'; адыг. *сэ о сы-къы-о-жэ* 'я тебя жду'; каб. *у-къы-э-оплъ* 'ты на меня смотришь'. В абхазском и абазинском языках такую же позицию в одноличном и двухличном глаголах занимают показатели ряда D, например: *дара д-цейт* 'он (кат. чел.) пошел'; *д-а-рхейт* 'он(кат. чел.)-то(кат. в.)-прочитал' и т. д.; 2) личные аффиксы 2-го ряда (ряда эргатива в функции косвенн. объекта) занимают второе место среди других аффиксов:⁵⁷ адыг. *сэ о сы-къы-о-жэ* 'я тебя жду'. каб. *у-къы-э-оплъ* 'ты на меня смотришь'. Ср. абх. *д-лы-хуа ршойт* 'он (кат. чел.) на нее (жен.) смотрит'; в трехличных переходных глаголах: *и-сы-л-тойт* 'то(кат. в.) мне она (жен.) отдает', каб. *у-е-с-тац* 'тебя ему (ей) я отдал', адыг. *у-къы-с-ф-и-цагъ* 'тебя ко мне (для меня) он привел'; 3) личные префиксы 3-го ряда (ряда эргатива в роли субъекта) при двухличных глаголах занимают второе место (адыг. *о сэ сы-п-цагъ* 'ты повел меня'; каб. *д-и-тхац* 'он нас написал'; абх. *с-у-гейт* 'ты (муж.) меня повел'), а в трехличных переходных глаголах — третье место, ср. здесь же: *у-е-с-тац* 'тебя ему я отдал' и абх. *у-лы-с-трейт* 'тебя (муж.) ей (жен.) я отдал' и т. д. Следовательно, аффиксы ряда эргатива (субъекта переходных глаголов и косвенного объекта переходных и непереходных глаголов) адыгских языков, с одной стороны, и аффиксы ряда D (ряда эргатива) в абхазском языке по принципу позиционных и функциональных распределений в структуре их глагольного сказуемого полностью совпадают.

Но вместе с тем даже из этого контрольного сравнения глагольных парадигм вытекает, что в абхазском языке в отличие от адыгских языков система спряжения характеризуется максимально детализованной системой лично-классных показателей, на которые в условиях отсутствия системы склонения возлагается выражение всех вариантов субъектно-объектных отношений и на синтаксическом уровне. Особенно очевидным это обстоятельство становится при более глубоком сопоставлении глагольных парадигм абхазского и адыгских языков. Так, например, в абхазском языке все возможные сочетания субъектно-объектных лиц при двухличном переходном глаголе *агара* 'вести, нести' образуют следующие парадигматические ряды:

фиксов служит более или менее постоянный порядок их расположения перед глагольной основой. Этот порядок различен в глагольных формах разных адыгейских глаголов» (Яковлев, Ашхамаф. ГАЯ, с. 352).

⁵⁷ О порядке префиксов в адыгских языках см.: Рогова, Керашева. ГАЯ; Шагиров А. К. Кабардинский язык. — ЯН; Курмахов М. А. Адыгейский язык. — Там же.

сара	у-з-гейт	'я	тобя (муж.)	-я-повел'	тебя (муж.)-я-повел'
сара	бы-з-гейт	'я	тебя (жен.)		тебя (жен.)-я-повел'
сара	шы-з-гейт	'я	вас		вас-я-повел'
сара	ды-з-гейт	'я	его, ее (кат. чел.)		его, ее (кат. чел.)-я-повел'
сара	и-з-гейт	'я	его, ее (кат. в.)		его, ее (кат. в.)-я-повел'
сара	и-з-гейт	'я	их		их-я-повел'
уара	с-у-гейт	'ты	(муж.)	меня	меня-ты (муж.)-повел'
уара	ф-у-гейт	'ты	(муж.)	нас	нас-ты (муж.)-повел'
уара	ды-у-гейт	'ты	(муж.)	его, ее (кат. чел.)	его, ее (кат. чел.)-ты (муж.)-повел'
уара	и-у-гейт	'ты	его, ее (кат. в.)		его, ее (кат. в.)-ты (муж.)-повел'
уара	и-у-гейт	'ты	(муж.)	их	их-ты (муж.)-повел'
бара	сы-б-гейт	'ты	(жен.)	меня	меня-ты (жен.)-увела'
бара	ты-б-гейт	'ты	(жен.)	нас	нас-ты (жен.)-увела'
бара	ды-б-гейт	'ты	(жен.)	его, ее (кат. чел.)	его, ее (кат. чел.)-ты (жен.)-увела'
бара	и-б-гейт	'ты	(жен.)	его, ее (кат. в.)	его, ее (кат. в.)-ты (жен.)-увела'
бара	и-б-гейт	'ты	(жен.)	их	их-ты (жен.)-увела'

йара сара	с-и-гейт	'он (муж.)	меня-он (муж.)-повел'
йара хара	х-и-гейт	'он (муж.)	нас-он (муж.)-повел'
йара уара	у-и-гейт	'он (муж.)	тебя (муж.)-он (муж.)-повел'
йари бара	б-и-гейт	'он (муж.)	тебя (жен.)-он (муж.)-повел'
йара шара	шэ-и-гейт	'он (муж.)	нас-он (муж.)-повел'
йара йара	д-и-гейт	'он (муж.)	его, ее (чел.)-он (муж.)-повел'
йара лара	и-и-гейт	'он (муж.)	его, ее (кат. в.)
йара йара	и-и-гейт	'он (муж.)	их-он (муж.)-повел'
лара сара	сы-л-гейт	'она (жен.)	меня-она (жен.)-повела'
лара хара	хы-л-гейт	'она (жен.)	нас-она (жен.)-повела'
лара уара	у-л-гейт	'она (жен.)	тебя (муж.)-она (жен.)-повела'
лари бара	бы-л-гейт	'она (жен.)	тебя (жен.)-она (жен.)-повела'
лара шара	шэ-л-гейт	'она (жен.)	нас-она (жен.)-повела'
лара йара	ды-л-гейт	'она (жен.)	его, ее (чел.)-она (жен.)-повела'
лара лара	и-л-гейт	'она (жен.)	его, ее (кат. в.)
лара йара	и-л-гейт	'она (жен.)	их-она (жен.)-повела'
лара дара	с-а-гейт	'он* (кат. в.)	меня-он (кат. в.)-повел'
йара сара	х-а-гейт	'он (кат. в.)	нас-он (кат. в.)-повел'
йара уара	у-а-гейт	'он (кат. в.)	тебя (муж.)-он (кат. в.) повел'
йара бара	б-а-гейт	'он (кат. в.)	тебя (жен.)-он (кат. в.)-повел'
йара шара	шэ-а-гейт	'он (кат. в.)	нас-он (кат. в.)-повел'
йара йара	д-а-гейт	'он (кат. в.)	его, ее (кат. чел.)-он (кат. в.)-повел'
йара лара	и-а-гейт	'он (кат. в.)	его, ее (кат. в.)-он (кат. в.)-повел'
йара дара	и-а-гейт	'он (кат. в.)	их-он (кат. в.)-повел'

* 'он, она, оно (кат. в.).'

Все возможные структурно-функциональные варианты** двухличного переходного глагола *агара* 'вести, нести' при сравнении субъектно-объектными конструкциями двухличного переходного глагольного сказуемого с идентичной лексемой, например в адыгейском языке при глаголе *шын* 'вести', сопоставимы со следующей сеткой соответствующих субъектно-объектных конструкций:

** В абхазском пх 46, а в адыгейском — 28.

сэ о у-с-цагъ 'я повел тебя'
сэ ш'о ш'у-с-цагъ 'я повел вас'
сэ ар Ø-с-цагъ 'я повел его'
сэ ахэр Ø-с-цагъэ-х 'я повел их'

о ар Ø-п-цагъэ 'ты повел его'
о ахэр Ø-п-цагъэ-х 'ты повел их'
о сэ сы-п-цагъ 'ты повел меня'
о тэ ты-п-цагъ 'ты повел нас'

ац ар Ø-ы-цагъ 'он повел его'
ац ахэр Ø-ы-цагъэ-х 'он повел их'
ац о у-и-цагъ 'он повел тебя'
ац ш'о ш'у-и-цагъ 'он повел вас'
ац сэ с-и-цагъ 'он повел меня'
ац тэ т-и-цагъ 'он повел нас'

тэ ар Ø-т-цагъ 'мы повели его'
тэ ахэр Ø-т-цагъэ-х 'мы повели их'
тэ о у-т-цагъ 'мы повели тебя'
тэ ш'о ш'у-т-цагъ 'мы повели их'

ш'о ар Ø-ш'у-цагъэ 'вы повели его'
ш'о ахэр Ø-ш'у-цагъэ-х 'вы повели их'
ш'о сэ сы-ш'у-цагъ 'вы повели меня'
ш'о тэ ты-ш'у-цагъ 'вы повели нас'
ахэм ар Ø-а-цагъ 'они повели его'
ахэм ахэр Ø-цагъэ-х 'они повели их'

ахэм о у-а-цагъ 'они повели тебя'
ахэм ш'о ш'у-а-цагъ 'они повели вас'
ахэм сэ с-а-цагъ 'они повели меня'
ахэм тэ т-а-цагъ 'они повели нас'⁵⁸

Двухличный непереходный глагол *йэ-жэ-н* 'ждать' с префиксом косвенного отношения *е-* (*йэ-*) образует следующие субъектно-объектные конструкции:

сэ ац с-е-жагъ 'я ждал его'
сэ ахэм с-я-жагъ 'я ждал их'
сэ о сы-к'ы-о-жагъ 'я ждал тебя'
сэ ш'о сы-к'ы-ш'о-жагъ 'я ждал вас'

о ац у-е-жагъ 'ты ждал его'
о ахэм у-я-жагъ 'ты ждал их'
о сэ у-к'ы-сэ-жагъ 'ты ждал меня'
о тэ у-к'ы-тэ-жагъ 'ты ждал нас'

⁵⁸ См. об этом: Р о г а в а, К е р а ш е в а. Г А Я, с. 141—171. Из этой работы взяты схемы парадигм двухличных переходных и непереходных глаголов (без подробной характеристики их фонетических вариантов). Символом Ø обозначаем отсутствующие префиксальные морфемы.

ар ац Ø-е-жагъ 'он ждал его'
ар ахэм Ø-я-жагъ 'он ждал их'
ар сэ Ø-кѳы-сэ-жагъ 'он ждал меня'
ар тэ Ø-кѳы-тэ-жагъ 'он ждал нас'
ар о Ø-кѳы-о-жагъ 'он ждал тебя'
ар шѳо Ø-кѳы-шѳо-жагъ 'он ждал вас'

тэ ац Ø-т-е-жагъ 'мы ждали его'
тэ ахэм т-я-жагъ 'мы ждали их'
тэ о тѳы-кѳо-о-жагъ 'мы ждали тебя'
тэ шѳо тѳы-кѳо-шѳо-жагъ 'мы ждали вас'

шѳо ац шѳу-е-жагъ 'вы ждали его'
шѳо ахэм шѳу-я-жагъ 'вы ждали их'
шѳо сэ шѳу-кѳы-сэ-жагъ 'вы ждали меня'
шѳо тэ шѳу-кѳы-тэ-жагъ 'вы ждали нас'

ахэр ац Ø-е-жагъэ-х 'они ждали его'
ахэр ахэм Ø-я-жагъэ-х 'они ждали их'
ахэр сэ Ø-кѳы-сэ-жагъэ-х 'они ждали меня'
ахэр тэ Ø-кѳы-тэ-жагъэ-х 'они ждали нас'
ахэр о Ø-кѳы-о-жагъэ-х 'они ждали тебя'
ахэр шѳо Ø-кѳы-шѳо-жагъэ-х 'они ждали вас'

В абхазском языке глагол в значении 'ожидать' так же выступает с префиксом (ряда *Л*) косвенного (версионного) отношения: *а-зы-нѳи́ра* 'ожидать кого, что-либо':

Ед. число

сара уара с-у-зы-нѳи́ын 'Я тебя (муж.) ожидал'
сара бара сы-б-зы-нѳи́ын 'я тебя (жен.) ожидал'
сара йара с-и-зы-нѳи́ын 'я его (муж.) ожидал'
сара лара сы-лы-зы-нѳи́ын 'я ее (жен.) ожидал'
сара йара с-а-зы-нѳи́ын 'я его, ее (кат. в.) ожидал'

уара сара у-сы-зы-нѳи́ын 'ты (муж.) меня ожидал'
уара йара у-и-зы-нѳи́ын 'ты (муж.) его (муж.) ожидал'
уара лара у-л-зы-нѳи́ын 'ты (муж.) ее (жен.) ожидал'
уара йара у-а-зы-нѳи́ын 'ты (муж.) его, ее (кат. в.) ожидал'

бара сара бы-с-зы-нѳи́ын 'ты (жен.) меня ожидала'
бара йара б-и-зы-нѳи́ын 'ты (жен.) его (муж.) ожидала'
бара лара бы-л-зы-нѳи́ын 'ты (жен.) ее (жен.) ожидала'
бара йара б-а-зы-нѳи́ын 'ты (жен.) его, ее (кат. в.) ожидала'

йара сара д-сы-зы-нѳи́ын 'он (кат. чел.) меня ожидал'
йара уара д-у-зы-нѳи́ын 'он (кат. чел.) тебя (муж.) ожидал'
йара бара д-бы-зы-нѳи́ын 'он (кат. чел.) тебя (жен.) ожидал'

йара йара д-и-зы-ңшыын 'он (кат. чел.) его (муж.) ожидал'
йара лара д-лы-зы-ңшыын 'он (кат. чел.) ее (жен.) ожидал'
йара йара д-а-зы-ңшыын 'он (кат. чел.) его, ее (кат. в.) ожидал'

лара сара д-сы-зы-ңшыын 'она (кат. чел.) меня ожидал'
лара уара д-у-зы-ңшыын 'она (кат. чел.) тебя (муж.) ожидал'
лара бара ды-б-зы-ңшун 'она (кат. чел.) тебя (жен.) ожидал'
лара йара д-и-зы-ңшыын 'она (кат. чел.) его (муж.) ожидал'
лара лара д-лы-зы-ңшыын 'она (кат. чел.) ее (жен.) ожидал'
лара йара д-а-зы-ңшыын 'она (кат. чел.) его, ее (кат. в.) ожидал'

йара сара и-с-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) меня ожидал'
йара уара и-у-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) тебя (муж.) ожидал'
йара бара и-б-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) тебя (жен.) ожидал'
йара йара и-и-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) его (муж.) ожидал'
йара лара и-л-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) ее (жен.) ожидал'
йара йара и-а-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) его, ее (кат. в.) ожидал'

Мн. число

сара шэара с-шэы-зы-ңшыын 'я вас ожидал'
сара дара с-ры-зы-ңшыын 'я их ожидал'

уара җара уа-җ-зы-ңшыын 'ты (муж.) нас ожидал'
уара дара у-р-зы-ңшыын 'ты (муж.) их ожидал'
бара җара ба-җ-зы-ңшыын 'ты (м.) нас ожидал'
бара дара бы-ры-зы-ңшыын 'ты (ж.) их ожидал'

йара җара д-аҗ-зы-ңшыын 'он (кат. чел.) нас ожидал'
йара шэара ды-шэ-зы-ңшыын 'он (кат. чел.) вас ожидал'
йара дара ды-р-зы-ңшыын 'он (кат. чел.) их ожидал'
лара җара д-аҗ-зы-ңшыын 'она (кат. чел.) нас ожидал'
лара шэара ды-шэ-зы-ңшыын 'она (кат. чел.) вас ожидал'
лара дара ды-ры-зы-ңшыын 'она (кат. чел.) их ожидал'
йара җара и-аҗ-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) нас ожидал'
йара шэара и-шэ-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) вас ожидал'
йара дара и-р-зы-ңшыын 'он, она, оно (кат. в.) его, ее (кат. в.) ожидал' и т. д.

Несравненно более сложные схемы морфологических и синтаксических распределений заключены в структуре характерных этим языкам трех- и четырехличных глаголов (с производной основой), но нам кажется, что приведенные здесь сопоставления двухличных переходных и непереходных глаголов с достаточной очевидностью свидетельствуют о наличии более сложной, детали-

зованной системы выражения субъектно-объектных отношений по сравнению, например, с тем же адыгейским языком.⁵⁹ Таким образом, на синхронном уровне между абхазско-абазинской и адыгской подгруппами установлены типологически соотносительные структурные признаки их синтаксической структуры: отсутствие системы склонения и сложная, предельно детализованная классно-личная система глагольного сказуемого в абхазско-абазинской подгруппе, и наоборот, заметно упрощенная личная система глагольного сказуемого в адыгских языках с явной тенденцией к расширению сферы действия суффиксов определенности, к усилению и стабилизации их падежных функций. Расширение синтаксических функций аффиксов *-м* и *-р*, как указано в адыгско-ведческой литературе,⁶⁰ сопровождается постепенным сокращением зоны их лексического и морфологического употребления и, естественно, затуханием их артиклевой семантики.

Данные, накопленные исследователями абхазского и адыгских языков в процессе изучения их грамматической структуры, дают возможность для диахронного состояния указанных языков предположить наличие не только именного, но и глагольного словоизменения абхазского типа. Однако в процессе дальнейшего изменения структуры глагола, вызвавшего в убыхском и адыгских языках разрушение системы грамматических классов и образование чисто личного спряжения, происходило, вероятно, постепенное ослабление синтаксической силы субъектно-объектных префиксов. Беским доказательством этих изменений является отсутствие той четкой структурно-функциональной дифференциации аффиксов в убыхском и адыгских языках, которое, как уже было отмечено выше, существует в абхазском классно-личном глаголе *л* является основным источником образования фундаментальных синтаксических конструкций простого предложения. Так, например, субъектно-объектные конструкции абхазского переходного глагола типа: *йара д-и-гейт* 'его(кат. чел.)-он(муж.)-увел', *лара д-лы-гейт* 'его(кат. чел.)-она(жен.)-увела', *йара д-а-гейт* 'его(кат. чел.)-он(кат. в.)-увел' и т. д. в адыгейском языке заменены одной конструкцией: *ац ар Ø-ы-цагъ* 'он(она)(чел. или нечел.)-его(чел. или нечел.)-увел'; абх. *у-лы-с-тойт* 'тебя(муж.)-ей(жен.)-я-отдаю', *и-сы-л-тойт* 'то(кат. в.)-мне-она(жен.)-отдает'. Ср. каб. *у-е-с-тыркъым* 'тебя(жен. или муж.)-ему (или ей)-я-не-отдаю' и т. д. Прямым следствием ослабления цепочки субъектно-объектных морфем и нейтрализации противопоставления различ-

⁵⁹ Который к тому же характеризуется большей дифференциацией личных аффиксов, чем кабардинский, где наблюдается тенденция их консервации. См. об этом: К у м а х о в. САН, с. 252, 266.

⁶⁰ См. об этом: Шагиров А. К. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках. — В кн.: Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961, с. 65. Р о г а в а, К е р а ш е в а. ГАН, с. 59—68; К у м а х о в М. А. Категория определенности—неопределенности в адыгских языках. — Тр. ТГУ, 1972, т. 142, вып. 3, с. 119—131.

ных структурных вариантов лично-классных аффиксов можно считать довольно распространенную в адыгских языках структурную и функциональную омонимию глагольных парадигм. В адыгских языках, как указывает М. А. Кумахов,⁶¹ глагол многоличен, однако не каждое лицо и не каждая форма числа формально маркированы. Даже в одноличных глаголах непоследовательно реализуется противопоставление форм лица субъекта. Омонимичность, недифференцированность получила широкое распространение у двухличных и многоличных глаголов, особенно в кабардинском языке, где даже в одноличных дипамических и статических глаголах нарушается противопоставление форм лица (*жаишъ* 'он бежал', 'они бежали'). Функция омонимичных форм определяется только с помощью окружающего их контекста; например, каб. двухличный непереходный глагол: *Ø-йэ-жъаишъ* 'он ждал его, их'; 'они ждали его, их'; *Ø-къыздйэжъаишъ* 'он со мной ждал их'; 'они со мной ждали его, их'.⁶²

Здесь омонимия форм представлена даже в трехличном непереходном глаголе. Обращает на себя внимание, что и в адыгейском языке с более дифференцированной системой в несколько другом варианте (при участии префиксов косвенного отношения *иэ-, йа-* и суффикса числа *-х*), кабардинским внеопозитивным формам соответствуют опозитивные формы, но все же 3-е лицо субъекта в единственном и множественном числе представлено нулевым аффиксом, например:

Ø-йэ-жагъ 'он ждал его' — *Ø-йа-жагъ* 'он ждал их'

Ø-йэ-жагъэх 'они ждали его' — *Ø-йа-жагъэх* 'они ждали их'

Ø-къыз-э-д-йэ-жагъ 'он со мной ждал его' — *Ø-къыз-э-д-йа-жагъ* 'он со мной ждал их' и т. д., но даже вне сферы действия грамматической омонимии замечена довольно четко выраженная тенденция отсутствия дифференциации⁶³ по лицам и в полиперсональных глаголах: *Ø-с-фы-дэ-кIу-агъэх* 'он ради меня ходил с ним', 'они ради меня ходили с ними'. В кабардинском языке к тому же не всегда выражен и второй косвенный объект 1-го и 2-го лица.⁶⁴

Но наше внимание здесь привлекает то обстоятельство, что аномалия с точки зрения морфологического выражения субъектно-объектных лиц приобретает статус языковой нормы в адыгских языках в 3-м лице, которое, как известно, является основным источником образования различных вариантов субъектно-объектных конструкций в абхазско-адыгских языках в целом.

⁶¹ Кумахов. САЯ, с. 250—251.

⁶² Там же, с. 250.

⁶³ «Соперничество» лиц ввиду наличия развитой системы полиперсонализма в абхазском языке в принципе исключено. См. об этом: А п д г у л а д з е. ИКЛС, с. 143—144.

⁶⁴ Кумахов. САЯ, с. 252—253.

В абхазском языке, как уже было отмечено выше, наличие строго определенных закономерностей в расположении и использовании морфем (личных и классовых показателей) и их структурное и функциональное разграничение являются основными грамматическими способами выражения эргативной, номинативной, дативной (инверсивной) конструкций. С точки зрения сравнительно-типологических сопоставлений, в частности, в области синтаксической типологии интересно отметить, что четкое разграничение морфем, могущих передать, например, в том же абхазском языке, эргативную конструкцию на уровне особой структуры переходного глагола, имеет место именно в 3-м лице и находит полную аналогию с данными картвельских, дагестанских языков (лакского, табасаранского и т. д.). Так, например, в лакском языке в первых двух лицах эргатив и номинатив выступают как омонимы: *На ина бугълай ура* 'Я тебя (девушку) ловлю'; *Ина на угълай бура* 'Я тебя (муж.) ловлю'. Иное положение в 3-м лице: *Танал* (эрг. п.) *на* (им. п.) *ацІан ура* 'Он меня (муж.) остановил'; *Танал ина дутан ура* 'Он тебя (жен.) остановил'.⁶⁵ В грузинском языке личные местоимения *me* 'я', *şen* 'ты', *şven* 'мы', *tkven* 'вы' в исходной форме выступают в роли именительного, эргативного и дательного падежей. Ср. в 3-м лице: *is*, *igi* 'он' (им. п.), *ma-p* 'он' (эрг. п.); *ma-s* 'ему' (дат. п.). Если бы не 3-е лицо переходного глагола, отмечает по этому поводу А. С. Чикобава, в грузинском проблема эргативной конструкции в плоскости синтаксической и не ставилась бы. «Конечно, этим не был бы снят вопрос об особенностях переходного глагола в грузинском языке, особенностях, порождающих проблему эргативной конструкции; но анализ этих особенностей переместил бы проблему из области синтаксической в сферу морфологии (спряжения переходного глагола). Ныне проблема эргативной конструкции начинается в синтаксисе и кончается в морфологии, соответственно выступая в двух аспектах — в синтаксическом и морфологическом, а тогда мы имели бы лишь один аспект — морфологический, как то наблюдаем в абхазском языке».⁶⁶

Эта особенность принципа построения эргативной конструкции предложения теснейшим образом связана с семантикой личного местоимения именно 3-го лица,⁶⁷ которое, как известно,

⁶⁵ См. об этом: Х а й д а к о в С. М. Своеобразие эргативной конструкции в лакском языке. — ИКЯ, 1964, т. XIV, с. 334; Г а й д а р о в а Ф. А. Эргативная конструкция в лакском языке. — ИКЯ, 1973, т. XVIII, с. 382; А б д у л л а е в З. Г. Эргативная конструкция в горских языках Дагестана. — ЭКПЯРТ, с. 191—201. М а г о м е т о в А. А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1964.

⁶⁶ Ч и к о б а в а А. С. ЭЖИК, с. 134.

⁶⁷ «Как предложение, так и слово являются носителями выраженной в них семантики и благодаря ей получают свое внешнее оформление. Следует признать исключительное значение местоимений самих по себе и их особую роль в формировании членов предложения» (М е щ а н и н о в. ЧПЧР, с. 113). Квалификацию категории лица как фундамента сказуемости см.:

по сравнению с 1-м и 2-м лицами является менее конкретным и, естественно, нуждается в детерминации,⁶⁸ в данном случае в оформлении флексией эргативного падежа. Об этом красноречиво говорят факты абхазского языка, в котором эргативный падеж отсутствует, но в 3-м лице имеет место четкое разграничение морфем, могущих передать эргативную (или эргативообразную) морфологическую конструкцию. Ср. *ды-л-бейт* 'его(каб. чел.)-она(жен.)-увидела', где в форме полиперсонального предиката при соблюдении определенных и строгих правил дистрибуции лично-классных морфем отражены основные черты субъектно-объектных отношений и семантики эргативной конструкции предложения в целом. В адыгских и убыхском языках эргативная конструкция, так же как и все остальные конструкции простого предложения, на синтаксическом уровне проявляется только в 3-м лице: каб. *Фызы-м сабийхэ-р йыгъышхац* 'Женщина накормила детей'; адыг. *Лыжы-м чыгыр ыгъэтIсыгъ* 'Старик посадил дерево'.

При изучении синтаксических конструкций в адыгских языках обращает на себя внимание, что здесь отсутствует личное местоимение 3-го лица, которое стоит в этих языках особняком.⁶⁹ Поэтому считается общепринятым, что в адыгских и убыхском языках в отличие от абхазского имеются личные местоимения только 1-го и 2-го лиц. У этих местоимений нет именительного и эргативного падежей и только по аналогии с указательными местоимениями (*ац*, *мы-ц*) появляется в определенных случаях суффикс эргативного падежа (*-ц*: *сэ-ц*, *о-ц*) в функции косвенного падежа.⁷⁰ В составе предложения личные местоимения 1-го и 2-го лиц в исходной форме, в зависимости от порядка следования перед глагольным сказуемым выступают то в роли подлежащего, то — прямого или косвенного дополнений. Ср. адыг. *Сэ уэ у-сэ-хьы*; каб. *Сэ уэ у-зо-хь* 'Я тебя несу'; адыг. *Тэ шьуэ шьутэ-хьы*; каб. *Дэ фэ фыдохэ* 'Мы вас несем'; адыг. *Уэ сэ сы-бо-хь* 'Ты меня несешь' и т. д.⁷¹ С другой стороны, в 3-м лице представлены имена с системой склонения, но самого личного местоимения в адыгских язы-

---

Виноградов В. В. Русский язык, с. 379. Особенно много ценных наблюдений о семантической дифференциации личных местоимений находим в книге К. Е. Майтинской «Местоимения в языках разных систем» (М., 1969).

⁶⁸ «В 3-м лице, — указывает И. И. Мещанинов, — сказуемое становится несколько более отвлеченным, так как в 3-м лице выражаются действие и состояние всех вообще имен существительных» (Мещанинов И. И. ЧПЧР, с. 48).

⁶⁹ См. об этом: Балкаров Б. Х. Некоторые особенности выражения синтаксических отношений в кабардинском языке. — Уч. зап. Кабардинского НИИ, 1954, т. IX.

⁷⁰ Подробнее см.: Шенгелиа В. Г. Личные, указательные и вопросительные местоимения в абхазско-адыгских языках. АКД, Тбилиси, 1968; Кумахов М. А. Местоимение в адыгских языках в сравнительном освещении. — Уч. зап. Кабардинского НИИ, 1957, т. XI; Рогова, Керашева. З. И. ГАЯ, с. 84.

⁷¹ О склонении личных местоимений см.: Турчанинов, Цагов. ГКЯ, с. 73.

ках, как и в убыхском, нет. Для выражения отсутствующего 3-го лица единственного и множественного чисел употребляются указательные местоимения.⁷² Отсутствие личного местоимения 3-го лица в убыхском и адыгских языках связано, вероятно, с той внутренней перестройкой языка, которая происходила в процессе перехода от классно-личной ступени спряжения к личному. Сложный, детализованный участок 3-го лица оказался самым уязвимым местом, так как именно здесь должно было происходить интенсивное стирание функциональных границ лично-классных показателей, их приспособление, адаптация к изменившимся условиям, что в языке всегда протекает довольно сложно. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что, исходя из синхронного состояния этих языков, восстановление картины таких переходов сопряжено с большими трудностями. Так, например, для выражения грамматического класса человека в адыгских языках предполагается применение аффикса *y-, ŷ-*. Однако, как указывает Г. В. Рогава, «выделить его из основ имен, которые семантически обозначают класс человека, представляется пока невозможным, ибо в силу фонетических изменений аффикс *y-, ŷ-* мог дать рефлексы, совпадающие с экспонентами класса вещей (имеется в виду в первую очередь аффикс класса вещей *b-*). Аффикс *y-, ŷ-* мог перейти также в сонорный *m*».⁷³ Но, с другой стороны, именно использование классных морфем с новой функцией, или реинтерпретация их функций, являлось тем стимулирующим фактором, который, по всей вероятности, способствовал их сохранению в системе убыхского и адыгских языков. Утрата морфологических категорий очень часто сопровождается сохранением⁷⁴ соответствующих форм, адаптирующихся к новой системе.⁷⁵ Г. В. Рогава высказано предположение, что показатель грамматического класса вещей *шъ-//щ-* использован для выражения эргативного падежа при указательных местоимениях *a-щ, мы-щ, мо-щ*. Местоимение с этим аффиксом в адыгейском языке (подобно кабардинскому аффиксу *-бы*) в предложении выражает как субъект, так и объект. В спряжении глагола экспонент грамматической категории вещей *й-* использован в адыгских языках для выражения 3-го лица как субъекта, так и косвенного объекта: адыг. *e-ужIы*, каб. *e-ужI*

⁷² Такая замена в адыгских языках не представляется неожиданной, ибо по своему характеру здесь, как и в других языках, указательные и личные местоимения тесно переплетаются. Подробно об этом см.: М а р т и р о с о в А. Г. Местоимение в картвельских языках. Тбилиси, 1964, с. 104 (на груз. яз.); М а й т и н с к а я К. Е. Указ. соч., с. 61—88.

⁷³ Р о г а в а. СИО, с. 50.

⁷⁴ Именно использование в другом функциональном варианте способствовало сохранению аффикса *ла-* — предполагаемого классного экспонента в сванском языке; см.: А в д г у л а д з е. ИКЛС, с. 200.

⁷⁵ Т р о н с к и й И. М. Общее индоевропейское языковое состояние. Л., 1967, с. 50—51. Именно такое наблюдение, по мнению И. М. Троянского, явилось веским доводом в пользу предположения об утрате ряда флективных категорий в отдельных ветвях индоевропейской семьи языков.

‘тот убивает того’; адг. *е-сэты*, каб. *и-зот* ‘я даю ему то’ — *е-//и-* здесь выражает косвенный объект. В функции показателя косвенного объекта аффикс *й(э)-* заменяется аффиксом *р-*, когда в форме глагола субъект стоит в 3-м лице: адг. *къы-с-е-ты* ‘мне тот дает то’; *е-сэ-ты* ‘ему я даю то’, но: *р-е-ты* ‘ему тот дает то’.⁷⁶ Префикс *и-//ы-*, выполняющий в адыгских языках функцию личного аффикса, с учетом данных абхазского языка может быть возведен к соответствующему местоимению: *йара* → *и//й*. Сохранению указанных префиксов в системе спряжения адыгских и убыхского языков безусловно способствовал тот весьма важный факт, что, несмотря на коренные структурные изменения, основная синтаксическая функция классных морфем была сохранена в личных показателях: личные префиксы ряда номинатива продолжают выступать в качестве показателей прямого (ближайшего) объекта в переходных глаголах и субъекта в непереходных глаголах. (Ср. синтаксические функции лично-классных префиксов ряда *Д* в абхазском языке). Личные же префиксы ряда эргатива также выполняют синтаксические функции, полностью совпадающие с функциями лично-классных аффиксов ряда *Л* абхазского языка.

Приведенные здесь некоторые факты позволяют сделать предположительный вывод, что резкое сокращение функционирования максимально детализованной системы классно-личного спряжения абхазского типа в адыгских языках в связи с переходом последних на личный тип спряжения вызвало изменение статуса самого личного местоимения 3-го лица как регулирующей единицы языка на наиболее сложном его участке. Постепенное ослабление и снятие подобного участка напряжения⁷⁷ должно было сопровождаться редукцией личного местоимения 3-го лица в адыгских и убыхском языках. Доказательством для такого вывода может служить существующая и на синхронном уровне развития адыгских языков тенденция угасания ряда морфологических категорий в результате сдвига их грамматической семантики и сокращения сферы их употребления. На такой стадии своего функционирования в этих языках представлена категория определенности, показатели которой, как уже было отмечено выше, *-м* и *-р*, совмещают функции определенного артикля и флексий именительного (абсолютного) и эргативного падежей. В адыгейском языке, как указывает Г. В. Рогова,⁷⁸ наблюдается тенденция усиления функций падежа и ослабления функции определенного артикля.

В связи с исследованием флексий именительного и эргативного падежей высказано предположение о существовании в прошлом в адыгских языках и личного местоимения 3-го лица, что под-

⁷⁶ Рогова. СИО, с. 46—47.

⁷⁷ О характере аналогичных явлений см.: Серебренников. ВО, с. 101.

⁷⁸ Рогова, Керашева. ГАЯ, с. 136; Кумахов М. А. Категория определенности—неопределенности в адыгских языках, с. 119—128.

крепляется теми соображениями, что аффикс эргатива -м в генетическом плане связывается с указательным местоимением *мы* 'это', т. е.: *цлыфы-мы* → *цлыфым* 'человек тот' (эрг. п.). Такое предположение не лишено основания, хотя препятствием служит нынешнее препозитивное положение указанного местоимения в атрибутивных синтагмах: *мы унэ-р* 'этот дом'. Но вместе с тем допускается возможность наличия и постпозитивного варианта сочетания указанного местоимения с именем существительным.⁷⁹ Такое же мнение высказано и относительно суффикса именительного падежа -р, связь которого с местоимением *лара* 'она' (жен.) (абх.) и *лы-гъэ* 'это' (убых.) представляется вполне возможным: **унэ ла(ра)* → **унэ-л* → **унэ-р*.⁸⁰ Такое предположение позволяет допустить для диахронного состояния адыгских языков не только существование личного местоимения 3-го лица, но и наличие в его пределах детализованной системы (по типу «ряд Д», «ряд Л») и, следовательно, существование в адыгских языках на диахронном уровне функционирования морфологизованных вариантов субъектно-объектной конструкции абхазского типа. Однако процесс дальнейшего упрощения структуры переходного глагола в адыгских языках (классный → лично-классный → личный) сопровождался надо думать, не только сменой принципа синтаксической дифференциации личных префиксов, но и полной редукцией личных местоимений 3-го лица: **иара* 'он (муж.) он, она, оно (кат. в.)' и **лара* 'она (жен.)'.⁸¹

Изменения, происшедшие в структуре глагола с его переходом на личную ступень спряжения, сопровождалась соответствующими синтаксическими «последствиями»⁸² и послужили, видимо, своеобразным катализатором для формирования основных субъектно-объектных падежей в адыгских и убыхском языках на базе категории определенности, основной содержательной функцией которой является именно актуализация нарицательных имен.⁸³

⁷⁹ Джанашиа С. Н. Сванско-адыгейские (черкесские) встречи, с. 263.

⁸⁰ Рогова Г. В. К вопросу об эргативе в абхазско-адыгских языках. с. 239.

⁸¹ В связи с этим следует отметить мнение А. Дирра о том, что «в кавказских языках „эргативный“ падеж для обозначения действующего лица употребляется преимущественно тогда, когда имя этого лица стоит в 3-м лице. Местоимения 1-го и 2-го лиц этот падеж не различают, возможно, потому, что сами по себе 1-е и 2-е лица в меньшей степени нуждаются в указании о том, что они являются деятелями» (Дирр А. Арчинский язык. Тифлис, 1908, с. 5).

⁸² «В языке одновременно действует большое количество различных причин перекрещивающихся тенденций, которые могут быть совершенно противоположными по направленности. Одна тенденция может нейтрализовать действие другой, и наоборот. Не менее важное значение имеют так называемые импликации, когда одно явление предполагает другое. Нельзя не учитывать также следов некогда совершившихся в языке изменений или явлений, в настоящее время уже исчезнувших» (Сербренников В. В. О, с. 3—5).

⁸³ Кацинелсон. ТЯ, с. 35—36.

По своему категориальному назначению артикль, или категория определенности/неопределенности, содействует в языке выявлению ряда синтаксических функций существительного и в целом ряде случаев он может быть введен в его группу не только для выражения какого-либо оттенка его значения, а «специально для осуществления каких-либо структурных требований, например, для выражения падежа. Артикль может в этих случаях легко в той или иной степени десемантизироваться».⁸⁴ Иначе говоря, в процессе своей структурной перестройки язык обычно прибегает к мобилизации внутренних средств, а не к созданию новых форм, хотя и эта возможность не исключается.

Данные убыхского и адыгских языков с этой точки зрения говорят о том, что использование суффиксов определенности *-р* и *-м* в качестве флексий именительного (абсолютного) и эргативного (общекосвенного) падежей можно отнести к той ступени их развития, когда в процессе перестройки лично-классного типа спряжения в личный тип спряжения происходило ослабление синтаксической силы отдельных словоизменятельных элементов,⁸⁵ что со своей стороны породило необходимость использования контекста, где, видимо, уже существовало противопоставление определенных форм имен с суффиксами *-р* и *-м* именам с нулевой формой их маркировки. Без такого предположения исключалась бы возможность их квалификации в качестве исходных элементов для формирования эргативного и именительного падежей с точки зрения относительной хронологии их включения в сферу синтаксической структуры этих языков.

Таким образом, можно прийти к выводу, что именно разрушение грамматических классов в глаголе явилось тем импульсом, который способствовал использованию категории определенности в качестве подходящего плацдарма для зарождения системы склонения в адыгских языках. Но в результате приобретенного суффиксами *-р* и *-м* нового назначения (выступать в качестве показателей эргативного и именительного падежей) произошло раздвоение их основной функции. О такой возможности свидетельствуют данные и других языков. Так, например, в грузинском языке падежные флексии именительного и эргативного падежей местоименного происхождения:⁸⁶ *кас игі* → *кас-і* 'человек' (им. п.); *кас ма-ц* → *кас-мап* → *кас-ма* 'человек' (эрг. п.). Подобное явление отмечено на материале даргинского языка А. А. Магоме-

---

⁸⁴ Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973, с. 219—220; Ропп В. Я. Проблема артикля в современном немецком языке. — В кн.: Памяти акад. Л. В. Щербы. Л., 1951.

⁸⁵ Б. Х. Балкаров указывает, что со своей стороны образование системы склонения способствовало разрушению системы грамматических классов в адыгских языках. См.: Балкаров Б. Х. Некоторые особенности выражения синтаксических отношений в кабардинском языке, с. 109.

⁸⁶ Чикобава А. А. К генезису повествовательного падежа в картельских языках. — Тр. ТГУ, 1939, X.

товым,⁸⁷ на материале нахских языков — Т. И. Чапановым, по мнению которого эргативный падеж в большинстве случаев здесь образован путем слияния неоформленной основы именительного падежа с указательным местоимением, некогда выполнявшим роль артикля.⁸⁸ Но, как отмечает Т. И. Дешериева, слияние основы именительного падежа с указательным местоимением — не единственный возможный путь образования формы эргативного падежа. Данные хиналугского и бацбийского языков подтверждают наличие других путей образования этой формы. Стимулом к оформлению эргативного падежа как самостоятельной морфологической единицы было, по-видимому, не только стремление говорящих фиксировать внимание на субъекте предложения с переходным глаголом, но и стремление отличить человека от не-человека.⁸⁹ В общем сравнительно-типологическом плане обращает на себя внимание наличие тенденции превращения артикля в флексию дательного падежа в новоармянском языке, где в результате употребления определенного постпозитивного артикля в качестве флексии дательного падежа произошло раздвоение его функции, поскольку старое значение сохранилось при одновременном употреблении этой формы в новом значении. Превращаясь в флексию дательного падежа, он сохранил и семантику определенности; это свидетельствует, что превращение определенного артикля в новоармянском языке в флексию дательного падежа в целях его отличия от родительного находится в стадии оформления.⁹⁰

Для обоснования предположительного вывода о возможности образования системы склонения в адыгских языках начиная с периода разрушения детализованной системы спряжения глагола особое внимание следует обратить на то, что, с одной стороны, суффиксы определенности *-р* и *-м* использованы в качестве падежных флексий для имен субъекта и объекта в 3-м лице⁹¹ (собственные имена и личные местоимения первых двух лиц и неопределенные имена, как правило, не оформляются ими) и, с другой стороны,

---

⁸⁷ Магомедов А. А. Оформление эргативного падежа личных местоимений в диалектах даргинского языка. — Тр. ТГУ, 1972, т. 142, вып. 3, с. 139.

⁸⁸ Чапанов Т. И. Эргативная конструкция предложения в нахских языках. М., 1962, с. 35.

⁸⁹ Дешериева Т. И. Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М., 1974, с. 35—36.

⁹⁰ Туманин Э. Г. Превращение артикля в флексию дательного падежа в новоармянском языке. — ВЯ, 1955, № 5, с. 9.

⁹¹ Это лишний раз подтверждает, что исключительное семантическое своеобразие местоимения 3-го лица предопределяет появление исключительных морфологических и синтаксических особенностей. В связи с этим следует указать, что хотя в адыгских языках на диахронном уровне, по всей вероятности, была представлена детализация абхазского типа и во 2-м лице (*уара* 'ты — класс мужчин', *бара* 'ты — класс женщин'), которая впоследствии дала начало образовавшемуся обобщенному местоимению 2-го лица *уэ* 'ты' (муж., жен.), но здесь не возникло необходимости образования склонения.

что особенно важно, эти суффиксы выполняют те же самые синтаксические функции, что и личные префиксы адыгских языков, берущие начало из лично-классных префиксов абхазского типа. Употребление суффиксов категории определенности *-р* и *-л* в убыхском и адыгских языках и лично-классных показателей абхазского и абазинского языков ограничено одними и теми же правилами их дистрибуций на синтаксическом уровне. «Различение двух рядов личных показателей в абхазском глаголе находит полную аналогию в наличии двух основных падежей в адыгских языках. Отсюда вовсе не следует, — пишет К. В. Ломтатидзе, — что в абхазском языке также имеются падежи, как и в адыгских языках; в абхазском языке имена не склоняются; аналогия с адыгскими языками структурного порядка — один и тот же морфологический принцип проявляется и в различении двух падежей адыгских языков и в различении двух рядов личных показателей в абхазском языке». ⁹² Сравнение их функциональных распределений на синтаксическом уровне образует следующие закономерные корреляции.

1) В адыгских языках при непереходном глаголе подлежащее, выраженное определенным нарицательным существительным, стоит в именительном падеже и обычно оформляется суффиксом *-р*: адыг. *КIалэ-р кIэкуагъ* 'Юноша пришел'; каб. *Учитель-р классым щIохъэ* 'Учитель входит в класс'; *Уздыгъэ маблэ* 'Лампа горит'; *ЩIалэ-р тхылъым йоплэ* 'Парень смотрит на книгу' и т. д. Как видно из этих примеров, подлежащее в именительном падеже участвует в построении номинативной конструкции предложения при двухличных и одноличных непереходных глаголах. Но тот же именительный падеж при переходном глагольном сказуемом выражает ближайший (прямой) объект: адыг. *Шыгъ дэжъ къыгъы уанэ-р ыгъэтIгъыгъэ* 'Он принес к коню седло и положил'; каб. *Художникым сурты-р щIлац* 'Художник картину сделал'. Как и в адыгских языках, в убыхском именительный падеж (представленный без падежной флексии, с нулевым окончанием) является падежом подлежащего при непереходном глаголе и прямого дополнения — при переходном: *АтIыт кIан* 'Человек идет'; *Санатайан атыз дыгъкъа* 'Сатаней ребенка родила'. В этом отношении адыгские языки вместе с убыхским находят полную функциональную аналогию с абхазским и абазинскими языками, где, как уже было отмечено выше, префиксы ряда *Д*, занимая в глаголе первое позиционное место, используются для выражения субъекта непереходных и прямого объекта переходных глаголов: *д-цойт* 'он, она(кат. чел.)-идет', *й-цойт* 'он(кат. в.)-идет'; *ды-л-бейт* 'его(кат. чел.)-она(жен.)-увидела', *й-л-бейт* 'его(кат. в.)-она(жен.)-видела' и т. д. Таким образом, синтаксические функции лично-классных префиксов абхазского языка и суффикса определенности *-р* сводятся к выражению имени-

⁹² Ломтатидзе. ОМ, с. 392.

тельного (абсолютного) падежа. В обоих случаях совмещение данной функции с другими синтаксическими функциями исключено.

2) Еще более показательное функциональное совпадение эргативного падежа адыгских языков и аффиксов ряда *Л* (ряда эргатива) в абхазском. При этом нельзя не обратить внимания на то, что показатели ряда *Л* в абхазском и эргативный падеж (-м падеж) адыгских языков выполняют не только одни и те же синтаксические функции, но и являются полифункциональными. Эргативный падеж в адыгских языках «концентрирует в себе несколько значений, соответствующих нескольким падежам других языков». ⁹³ Эргативный падеж выражает: ⁹⁴ а) подлежащее при переходных глаголах — каб. *ЩГалэ-м письмо итхац* 'Парень написал письмо'; *Фызы-м лыр егъажэ* 'Женщина жарит мясо'; *Учителы-м газетыр колхозэтэм ярет* 'Учитель отдает газету колхозникам'; адыг. *ЛГыжьы-м чыгыр ыгъэтГысыгъ* 'Старик посадил дерево'; *ХьакГэ-м кГалэр ылъэгъугъ* 'Гость увидел юношу'; *Шъузы-м лыр егъажэ* 'Женщина жарит мясо' и т. д.

Еще более показательны факты убыхского языка, где имеется не только функциональное, но и материальное совпадение флексии эргативного падежа -н и префикса субъекта 3-го лица н- (ряда эргатива) в структуре переходного глагольного сказуемого, что с учетом промежуточного состояния убыхского языка между абхазским и адыгскими, естественно, порождает необходимость специального изучения его синтаксической системы. По справедливому замечанию Г. В. Рогава, суффикс эргатива -н убыхского языка следует рассматривать в тесной взаимосвязи с аналогичными формантами абхазского и абазинского языков. ⁹⁵ Это тем более важно, что имеющиеся в этих языках именные образования типа: *акыта-н* 'в деревне', *Аңс-ны* 'Абхазия', *азы-н* 'зима' в специальной литературе квалифицированы как падежи, которые выражают место, время и т. д. ⁹⁶ Обращает на себя внимание и наличие этого элемента в указательных местоимениях абхазского языка: *аб-н-и//а-н-и* 'этот' *а-ба-н-т//а-на-т* 'эти'. В убыхском языке по сравнению с другими абхазско-адыгскими наиболее существенные особенности эргативной конструкции в морфологическом плане обнаруживаются в спряжении трехличных переходных глаголов. В распределении личных аффиксов в трехличных переходных глаголах убыхский язык сохраняет общеабхазско-адыгскую модель: убых. *уы-фе-туын*, каб. *уы-з-от* 'я тебя ему даю'. ⁹⁷ В синтаксическом плане подлежащее в эргативном падеже

⁹³ ГКЧЛЯ, с. 48.

⁹⁴ Адыгейский язык, по словам Н. Ф. Яковлева, не имеет одной постоянной формы для выражения подлежащего (Яковлев, Ашхамов, ГАЯ, с. 28).

⁹⁵ Рогава Г. В. К вопросу об эргативе. . . , с. 242.

⁹⁶ Генко. АбЯ, с. 121.

⁹⁷ Руманова З. Ю. Эргативная конструкция в убыхском языке. — ЭКПЯРТ, с. 181.

оформлено суффиксом *-н* (ед. ч.) и *-ан* (мн. ч.): *Сатанаи-н атыз дыкъя* 'Сатаней родила ребенка'; *атыт-на сабыйкъя* 'Люди меня видели';⁹⁸ *уа-сы-н-т^{ын}* 'тебя-мне-он-отдает', *шы-сы-н-т^{ан}* 'вас-мне-он-отдает'. Ср. абх. *и-ка-на-цэйт* 'то(кат. в.)-он(кат. в.)-сделал', *и-сы-на-тейт* 'то(кат. в.)-мне-он(кат. в.)-отдал'. Данные убыхского языка с весьма прозрачным функциональным и материальным совпадением (в 3-м лице!) показателя эргативного падежа и его префикса (показателя ряда эргатива) 3-го лица в переходном глаголе позволяют предположить наличие реальных условий перенесения синтаксических функций из области морфологической структуры переходного глагола в область синтаксиса, вызванного разрушением его детализованной лично-классной системы. Об этом свидетельствует наличие и других точек соприкосновения синтаксических значений аффиксов ряда *Л* (ряда эргатива) абхазского языка и эргативного падежа адыгских языков: эргатив в адыгских языках выражает не только подлежащее переходных глаголов, но и косвенное дополнение при многочисленных непереходных и переходных глаголах:⁹⁹ адыг. *ХъакIэр кIалэ-м еджэ* 'Гость зовет юношу'; *КIалэр тхылъы-м шэха* 'Парень книгу трогает'; *Хъар баджэ-м йэцахэ* 'Собака лису кусает'; *ХъакIэ-м кIалэ-м шыр ритыгъ* 'Гость отдал юноше лошадь'; каб. *аджакIуэр радио-м йодаIуэ* 'Ученик слушает радио'; *Хъыджэбым тхълъыр цIыкIхэ-м ярет* 'Девушка книгу детям отдает'; убых. *Гъычы-н ийекъя* 'Он своего коня ударил' и т. д.¹⁰⁰ В абхазском языке префиксы ряда *Л* также используются и для обозначения косвенного объекта двухличных непереходных и трехличных переходных глаголов: *д-лы-хуап,шуйет* 'он(кат. чел.)-ее(жен.)-рассматривает', *д-и-зйейт* 'он(кат. чел.)-его(муж.)-спрашивает', *и-ра-л-хэйт* 'то(кат. в.)-им-она(жен.)-сказала'.

Кроме того, в адыгских языках имя существительное в форме эргативного падежа употребляется с обстоятельственными значениями 1) места: каб. *Шыр хъуыпIэ-м кIуац* 'Лошадь (на) пастбище пошла'; *Жэмыр Iуэ-м йыхъац* 'Корова в баз пошла';¹⁰¹ *ЩакIуэр мзы-м къокIыж* 'Охотник возвращается из лесу'; адыг.

⁹⁸ Там же, с. 182. Вместе с тем автор обратил внимание на тот весьма важный факт, что в убыхском языке в отличие от адыгских языков эргативный падеж подлежащего при переходном глаголе противопоставлен лишь неоформленному падежу подлежащего при непереходном глаголе. В адыгских языках эргативный падеж, как известно, противопоставляется падежу (при непереходном глаголе), который морфологически может быть оформлен факультативно. Факт этот (при учете и других явлений) показывает, что в формировании эргативной конструкции в синтаксическом плане (как и в развитии категории вообще) убыхский язык сохраняет более архаичные явления по сравнению с адыгскими языками.

⁹⁹ Примеры из работ: Ш а г и р о в А. К. Сравнительная характеристика системы склонения в адыгских языках; Р о г а в а, К е р а ш е в а. ГАЯ.

¹⁰⁰ D u m e z i l G. Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Paris, 1932, p. 42.

¹⁰¹ Т у р ч а н и н о в, Ц а г о в. ГКЯ, с. 51.

КІалэр мэзы-м кІуагъэ 'Парень в лес пошел'; убых. *Анайншу за-къаша-гуара-н дьыуыи*¹⁰² 'Юноша в какое-то село въехал'; 2) времени: адыг. *мафэ-м* 'в один день', *чэцы-м* 'ночью', *паса-м* 'раньше';¹⁰³ каб. *Хэмид махуэ-м мэлэжъэри жэцы-м мэжэй* 'Хамид работает днем, а ночью отдыхает'. Ср. абх. *ашьыжъьылта-н* 'утром', *уахын-ла* 'ночью', абаз. *ацІыхъва-н* 'в конце', *ашта-н* 'во дворе'. Выступая в качестве определения, имя существительное в эргативном падеже в адыгских языках может соответствовать родительному падежу: адыг. *колхозы-м и цухъэр* 'быки колхоза' (букв. 'колхоз, его быки'); каб. *фызым-м и босцей* 'платье женщины', *цІыхугъэ-м и цапхъэ* 'пример человечности'. Ср. абх. *лара л-напы* 'ее (жен.) рука' (букв. 'она (жен.) ее (жен.)-рука'). В адыгских языках эргативным падежом выражается и косвенное дополнение орудия (в другой терминологии — орудное дополнение): адыг. *дыды-м рэдэ* 'шилом шьет';¹⁰⁴ каб. *ГъукІэр уадэ-м ирольацэ* 'Кузнец орудует молотом'. При этом в специальной литературе особо подчеркивается та особенность образования этого дополнения, что его определенность в имени выражена суффиксом -м, которому в глагольном сказуемом соответствует префикс р-,¹⁰⁵ например. адыг. *ЕджакІом лозунгъэр тышы-м р-е-тхы-х* 'Ученик лозунги тушью пишет'; *Шьузыр шьбзэ-м р-е-утхындзэ* 'женщина ситом сеет'.¹⁰⁶ Как указывает Б. Х. Балкаров,¹⁰⁷ между сказуемым и орудным дополнением складываются разные синтаксические отношения в зависимости от формы орудного дополнения. Существуют два варианта предложения: *Студентыр къэрэндацы-м и-р-о-тхэ* и *Стыдентыр къэрэндац-кІэ ма-тхэ* 'Студент пишет карандашом'. В первом предложении орудное дополнение выражено эргативным падежом, но по своему назначению он приравнивается к творительному падежу (*къэрэндацы-м* 'карандашом'), который с помощью префикса р- тесно связан со сказуемым. Последнее при наличии личного показателя и- осуществляет с ним согласование в числе: *Студентыр къэрэндац-хе-м я-р-отхэ* 'Студент пишет карандашами'. В отличие от других падежей, в том числе от второго своего варианта — типа *къэрэндац-кІэ*, творительный орудного дополнения в данном случае имеет свой морфологический индекс в глаголе в виде префикса¹⁰⁸ р-: адыг. *ГъукІутІури а зы отэшхо-м ры-гъукІэцтыгъэ* 'Оба кузнеца одной кувалдой ковали'; Ср. *Къазгъыры-м-кІэ*

¹⁰² Кумахов М. А. Убыхский язык. — ЯН, с. 695.

¹⁰³ Рогава, Керашева. ГЛЯ, с. 66.

¹⁰⁴ Рогава Г. В. К вопросу о склонении... , с. 103.

¹⁰⁵ Кумахов. САЯ, с. 131.

¹⁰⁶ Яковлев, Ашхамаф. ГАЯ, с. 66.

¹⁰⁷ Балкаров Б. Х. Две формы орудного дополнения в адыгских языках. — В кн.: Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1971, с. 43—48.

¹⁰⁸ Рогава Г. В. Указ. соч., с. 108. См. также: Гишев Н. Т. О взаимоотношении эргатива и «инструменталиса» в адыгских языках. — Уч. зап. Адыгейского НИИ, Майкоп, 1974, т. XIX, с. 126—127.

сытIэ 'лопатою копаю'; каб. *ЛIыжьым пхъэ джадэ-м и-р-е-кътэ* 'Старик дрова топором рубит'; *Пхъэр джыдэмкIэ//джыдэкIэ сокътэ* 'Дрова топором колю'. Но в синтаксическом аспекте заслуживает внимания и то важное обстоятельство, что в адыгских языках эргатив может совмещать функцию инструменталиса только тогда, когда имя входит в разряд класса вещей. Поэтому глагол с префиксом инструменталиса *рэ-* не может изменяться по лицам объекта-инструменталиса (*ащ ар дыдым р-йы-дыгъ* 'Тот шил то шилом' не может стоять в форме 1-го и 2-го лиц объекта-инструменталиса), например: *ащ ар сэ-с-р-иы-дыгъ* в значении 'тот шил то через меня (при моей помощи)'.¹⁰⁹ Ср. адыг. *Сэ дыды-м сы-ры-дагъ*; каб. *Сэ дыды-м си-ри-дашь* 'я шилом шил'. В адыгских языках, как указывает Г. В. Рогава,¹¹⁰ творительный падеж выражается и другим способом — в определенной форме имени с помощью суффикса эргатива *-м* и суффикса творительного падежа *-кIэ*, а в неопределенной форме — с помощью суффикса *-кIэ*. В таком случае в глаголе отпадает показатель инструменталиса *ры-*: адыг. *Сэ дыды-м-кIэ дыды-кIэ сыдагъ*; каб. *Сэ дыды-м-кIэ сыдашь* 'Я шилом шил'. Способ выражения формы инструменталиса суффиксом *-кIэ* в адыгских языках — вторичное явление.¹¹¹ В связи с подобной сложной картиной выражения орудного дополнения в адыгских языках нельзя не обратить внимания на аналогичный во многих отношениях принцип выражения творительного (орудного, инструментального) значения на морфологическом уровне в абхазском языке, характеризующегося отсутствием системы склонения. Здесь морфологическая категория, выражающая инструментальность, связана и с именем и глаголом, но теснее примыкает к последнему. С именем она встречается значительно реже и воспринимается как отдельное слово,¹¹² например: *аѳкуа ры-ла* 'лошадьми' (букв. 'лошади, ими'); *аѳ-куа ры-ла д-сейт* 'Он (кат. чел.) поехал на лошадях' (букв. 'Лошади, ими он (кат. чел.) поехал'), в то время как в глаголе она дается как единая форма: *аѳ-куа д-ры-ла-сейт* 'Он (кат. чел.) поехал на лошадях' (букв. 'Лошади, он (кат. чел.)-ими-поехал'). Параллельно употребляются предложения: *хъызба-ла и-с-шьит* 'ножом то(кат. в.)-я-убил' и *ахъызба ажэ и-а-ла-с-шьит* 'ножом корову убил'. В первом предложении значение инструментальности передано в имени *хъызба-ла* 'ножом', а в другом — в финитном глагольном сказуемом: *и-а-ла-с-шьит* 'то(кат. в.)-им-я-убил'. Ср. также: *с-шап-куа ры-ла с-цейт* 'Я пешком пришел' и *с-шап-куа с-ры-ла-цейт*

¹⁰⁹ Р о г а в а Г. В. К вопросу о функции эргатива в адыгских языках. — В кн.: Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1971, с. 24.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Балкаров Б. Х. Указ. соч., с. 47.

¹¹² Ломтатидзе К. В. Проблема склонения в абхазском языке. — Изв. ИЯИМК, 1942, XII, с. 186—197. Соответствующие примеры приводятся по этой работе.

‘я пешком пришел’ (букв. ‘мои ноги, ими я пришел’).¹¹³ Как и в адыгских языках, в абхазском инструментальность объектного отношения встречается в именах категории класса вещей и только в единственном числе. При неопределенной форме имени орудный суффикс присоединяется к ним непосредственно: *еы-ла* ‘верхом’, абаз. *напты-ла* ‘рукой’, а при определенной форме имени они оформляются притяжательными префиксами: *а-еы-ла* ‘лошадью’ (букв. ‘лошадь его’), абаз. *а-кIвагъаква-ла* ‘топорами’ и т. д. Но во множественном числе имен категории вещей и в обоих числах имен категории человека формант *ла* вместе с притяжательным префиксом образует отдельное слово: *ахакуа рыла илбааасышьтейт ацза* ‘камнями сбросил с дерева яблоко’. Но если инструментальность передается в самом глаголе, то имя не имеет этого суффикса, зато оно представлено своим показателем в глаголе: *акамбашъкуа и-и-ры-ла-цазуойт* ‘буйволами падут’ (букв. ‘буйволы те-ими-они-падут’).

Таким образом, в тех случаях, где в адыгских языках употребляется эргативный падеж, в абхазском функционирует одна из морфем ряда *Л* (ряда эргатива). В этом отношении как суффикс *-м* эргативного падежа адыгских языков, так и префиксы ряда *Л* в абхазском характеризуются синтаксической полифункциональностью и существенно отличаются от аффиксов ряда *Д* (ряда номинатива) и суффикса *-р* именительного падежа, где совмещение синтаксических одинаково функций исключено.¹¹⁴

Анализ субъектно-объектных и обстоятельственных функций падежей в адыгских языках свидетельствует о том, что существующий на синхронном уровне развития указанных языков сдвиг в употреблении падежных значений связан именно с перестройкой и упрощением морфологической структуры глагольного сказуемого, повлекшего за собой перемещение синтаксических функций лично-классных префиксов в структуру предложения. Предположительно можно констатировать, что возникшая в указанных языках тенденция к образованию системы склонения нашла свою реализацию на почве максимального использования уже имеющихся грамматических средств языка, в данном случае определенного артикля. Однако, как уже было отмечено выше, артикль как грамматическая категория не обладает особой устойчивостью, и совмещение в нем новой функции — падежной — соответственно вызвало сложный процесс его приспособления к новому назначению, выработки новых форм проявления и на синтаксическом уровне. В этом отношении заслуживает внимания следующий пример: *Си анэ-м жещы-м игъэжъа гъуэмьлэр тцэдджыжы-м къэльтмакъ ээ-педзэкIы-м прилъхъэри къульшыкъу-м деж, хэ-*

¹¹³ Подробно см.: Ломтатидзе К. В. Указ. соч., с. 186—197. Ломтатидзе К. В. 1) Абхазский язык. — ЯН, с. 110; 2) Абазинский язык. — Там же, с. 131.

¹¹⁴ Гецадзе И. О. К истории формирования эргативной конструкции в абхазском языке. — ЭКПЯРТ, с. 168.

Гухтауэ гъуэмьлэр мэкъу-м схьыну сежащ 'Испеченные ночью моей матерью гомиде (хлебные изделия) она утром положила в сумку, и я поздно после восхода солнца отправился на сенокос'.¹¹⁵ В аналогичных случаях в литературе по адыгским языкам отмечено действие тенденции к устранению параллелизма функций, выразившейся в том, что по возможности избегается употребление подряд нескольких членов предложения с одинаковым окончанием *-м*.¹¹⁶ Наличие¹¹⁷ структурно-функциональных закономерных корреляций между падежными флексиями адыгских языков и лично-классными префиксами абхазского языка позволяет предположить, что отмеченные в ряде работ общелингвистического характера случаи употребления аффикса *-м* эргативного падежа адыгских языков для временных и пространственных значений (*мэзы-м* 'в лес', *чэщы-м* 'ночью' и т. д.) как факт проявления аномалии¹¹⁸ является, на наш взгляд, закономерным результатом их внутрисистемной перестройки. Органическим следствием этой перестройки в процессе формирования личного типа спряжения глагольного сказуемого адыгских языков явилось, надо думать, полное перемещение в сферу действия категории определенности/неопределенности функциональной дистрибуции лично-классных префиксов, занимающих стабильную позицию выражения субъектно-объектных отношений в абхазском языке и на синхронном уровне его развития. Здесь нельзя не учитывать общее свойство грамматической семантики падежа, охватывающего во многих языках «все дистрибутивное пространство существительных в двух отношениях: падежи в них не только образуются едва ли не от всякого существительного, но и выполняют все синтаксические функции существительных. Выразительные возможности падежей в любом падежном языке увеличиваются благодаря присоединяющимся к ним предлогам или послелогам. Осложнение падежной системы предложными (или послеложными)

¹¹⁵ ГКЧЛЯ, с. 194.

¹¹⁶ Яковлев, Ашхамов, ГАЯ, с. 91, 96—97. См. также: Кухахов М. А. К проблеме эргатива в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. — ЭКПЯРТ, с. 168—172.

¹¹⁷ Ломтаидзе. ОМ, с. 389—393.

¹¹⁸ Так, например, Б. А. Серебrenников пишет по этому поводу: «Довольно загадочна история эргативного падежа в кабардино-черкесском и адыгейском языках. Этот падеж может употребляться в тех случаях, когда в составе глагольной формы содержатся префиксы, обозначающие пространственные отношения, ср. каб.-черкесск. *Сэ пэшим сы-шлэ-сш* 'Я в комнате лежу'; *Татлустан къуажэм ды-хьащ* 'Татлустан в аул выехал'; адыг. *Унэ с-и-с* 'Я сижу в комнате (дома)'; *Умар къуаджлэм дэ-хьагь* 'Умар в аул выехал'. Эргативный падеж также обнаруживается и в послеложных конструкциях, например: *Сэ учитель-м деж сыщылащ* 'Я был у учителя'. Иногда в форме эргативного падежа выступает послелог, ср. каб. *Книгар журнал щлагьым щлэлыщ* 'Книга лежит под журналом'. Выражение различных пространственных отношений при помощи префиксов и послелогов и одним и тем же падежом явно нелогично» (Серебrenников, ВО, с. 325—326).

формами позволяет с помощью небольшого числа падежей выразить многообразные синтаксические отношения, в которые попадают имена в предложении». ¹¹⁹

Своеобразное перекрещивание нескольких синтаксических функций в категории определенности, естественно, вызывают необходимость вычленения в нем основных субъектно-объектных «позиционных» ¹²⁰ функций, четкого их отграничения от обстоятельственных, «непозиционных» функций, что позволяет установить условия их совместимости в одном падеже, так как в богатом разнообразии функций, присущих падежам, основное место занимают именно субъектно-объектные функции. ¹²¹ Противопоставление этих двух функций, наблюдавшееся и в беспадежных языках, определяет, по мнению С. Д. Кацнельсона, многие структурные особенности падежной системы. Главное отличие функций первого ряда от вторых заключается в их различном отношении к значению глагольного предиката. ¹²² Обстоятельственные функции, выражаемые не только именными формами, но также наречиями определенного рода, характеризуют глагол как бы извне, указывая на локальные, темпоральные, каузальные и другие условия протекания глагольного действия. Они образуют как бы фон для основного содержания предложения. Обстоятельства, выражаемые этими функциями, непосредственно не связаны с глагольным действием, поэтому могут уточнять собой действие любого глагола и часто сохраняют силу не только для данного предложения, но и для ряда других предложений того же речевого сообщения. А что касается субъектно-объектных функций падежей, то они характеризуют глагол «изнутри», выделяя предметы, непосредственно «замешанные» в обозначаемом им действии. «Будучи обусловлены значением глагола, они обнаруживают значительные вариации в зависимости от семантико-синтаксического типа глагола». ¹²³

Сравнительно слабо развитая система склонения убыхского и адыгских языков, несмотря на поздний характер ее происхождения и элементарный тип оппозиции падежей, не составляет в этом плане исключения. Включение в эргативный (общекосвенный) падеж большого количества перечисленных выше значений создает, по мнению исследователей адыгских языков, необходимость разграничения синтаксических и несинтаксических функций эргативного падежа, что не лишено основания. Особенно много внимания этому вопросу уделяется в работах М. А. Кумахова, по мнению которого в адыгских языках далеко не все формы с суффиксом эргатива -м с грамматической точки зрения подводятся под категорию падежа. Но вместе с тем М. А. Кумахов

¹¹⁹ Кацнельсон. ТЯ, с. 43—51.

¹²⁰ По терминологии С. Д. Кацнельсона (ТЯ, с. 43).

¹²¹ Там же, с. 43—51.

¹²² Там же, с. 43.

¹²³ Там же, с. 44.

выявил и значительную неустойчивость функционирования и именительного падежа с суффиксом *-p*,¹²⁴ а это свидетельствует о том, что развитие системы склонения в этих языках не получило еще полного размаха, но в целом общее направление парадигматики от анализа к синтетизму сопровождается тенденцией к расширению падежного состава. «Чередование формативов именительного и эргативного падежей с нулем, широко распространенное в современных адыгских языках, является не чем иным, как началом претворения общей тенденции к противопоставлению этих падежей, ведущей к выравниванию парадигматического моделирования различных лексических групп».¹²⁵

Таким образом, неустойчивая природа системы склонения, элементарный тип падежных оппозиций, синтаксическая полифункциональность падежных флексий и вместе с тем наличие все усиливающейся тенденции устранения параллелизма их употребления отражает сложность и внутреннюю упорядоченность процесса формирования смешанного типа субъектно-объектных отношений в адыгских языках после упрощения их первоначального лично-классного детализованного варианта спряжения глагола абхазского типа. Совпадение синтаксических функций морфологических категорий глагольного сказуемого абхазского языка с функциональным полем их применимости в адыгских языках свидетельствует, на наш взгляд, о действии на уровне глубинной синтаксической структуры этих языков тех скрытых категориальных признаков, которые угадываются в каждом языке с помощью контекста.¹²⁶ По мнению С. Д. Кацнельсона, «под явными синтаксическими связями, выражаемыми синтаксической морфологией, скрываются, таким образом, глубинные, запрятанные в лексических значениях синтаксические связи. В содержательном плане глагольный предикат — это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения. . . Скрытые категории глагола определяют его валентность. Скрытые категории имен определяют их способность замещать „места“ при глаголе».¹²⁷ Последовательное и довольно строго регламентированное функциональное совпадение двух падежей адыгских языков и двух рядов лично-классных показателей абхазского языка пронизывают всю синтаксическую их систему.¹²⁸

¹²⁴ См.: К у м а х о в. 1) САЯ, с. 121—159; 2) К проблеме эргатива в адыгейском, кабардинском и убыхском языках, с. 168—173. — ЭКПЯРТ.

¹²⁵ К у м а х о в. САЯ, с. 168—169.

¹²⁶ Подробно об этом см.: К а ц н е л ь с о н. ТЯ, с. 78—93.

¹²⁷ Там же, с. 88.

¹²⁸ «Вообще общность дистрибуций, не только генетически тождественных, но и генетически нетождественных морфологических единиц является одной из существенных особенностей полисинтетического глагола в абхазско-адыгских языках. Это явление связано также с претворением древних общеабхазо-адыгских тенденций в эпоху индивидуального развития и сложения рассматриваемых языков. Структурное тождество различных по про-

Особенно показательны в этом отношении причастные конструкции. Как известно, в абхазском языке нет относительных местоимений. Их функцию выполняют относительные префиксы в инфинитных образованиях глагола.¹²⁹ Глагол со включенными в его форму местоименными префиксами *и-* (соответствует ряду *Д*) и *з-* (соответствует ряду *Л*) выступают в роли причастий. Однако, как уже было отмечено выше, префиксы *и-* и *з-* выражают только синтаксическую функцию лично-классных префиксов не в детализованном, а как бы в абстрактном варианте их функционирования: *и-цо* 'идуший' — субъектное причастие, *и-рбо* 'видимый' — прямообъектное причастие; *и-з-фо* 'тот, который ест' — транзитивное субъектное причастие; *д-з-ыгуа* 'тот, которого бьет' — косвенно-объектное причастие; *з-гу* 'тот, чье сердце' и т. д. Относительный префикс *з-*, который используется в инфинитно-причастных образованиях для передачи субъекта при переходных глаголах, косвенного объекта и притяжательности, своеобразно выполняет приблизительно те же функции, что и аффиксы падежей эргативного, дательного и родительного. В адыгских языках, пишет по этому поводу К. В. Ломтатидзе, мы имеем такие же «причастия», т. е. в роли причастий выступают глагольные формы, включающие в себя относительные местоимения. К тому же в адыгских языках констатируется префикс *з-* в тех же случаях, в которых он встречается и в абхазском языке: *з-* соответствует падежу на *-м*. Что касается падежа на *-р*, то он в глагольной форме соответствующего префикса не имеет.¹³⁰ В «Грамматике адыгейского языка» в разделе, посвященном причастным конструкциям, дано четкое и подробное описание их синтаксических особенностей. Обращает на себя внимание, что при субъектных причастиях относительное имя выражает подлежащее так же, как и в исходных для этих причастий глаголах: *пшъашъэукӀорэр* 'девушка, которая идет' — *пшъашъэр макӀо* 'девушка идет' — прямой (ближайший) объект: *ЛӀыжъэу пшъашъэм ы-цэрэр* 'Старик, которого ведет девушка'.¹³¹ Причастие в роли ближайшего дополнения всегда стоит в именительном падеже.¹³² Относительная частица *з-* используется в причастных конструкциях, когда относительное имя при исходном для данной конструкции глаголе представлено

исхождению и времени возникновения значимых единиц свидетельствует о том, что процессы индивидуального развития отдельных языков во многом продолжают общую тенденцию, заложенную в языке-основе» (К у м а х о в. СЛЯ, с. 375).

¹²⁹ Ломтатидзе К. В. 1) Относительные субъектно-объектные префиксы. — В кн.: Грамматика абхазского языка, Сухуми, 1968, с. 66—71; 2) ОМ, с. 389—393.

¹³⁰ Ломтатидзе. ОМ, с. 392.

¹³¹ Рогавва, Керашева. ГЛЯ, с. 314—316; Керашева З. И. Классификация причастий в адыгских языках. — В кн.: Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков, с. 34—41. Примеры взяты из этих работ.

¹³² Керашева З. И. Основные синтаксические функции причастий. Адыгейская филология. Ростов-на-Дону, 1970, вып. IV, с. 3—23.

в эргативном падеже: *Пшьашъу лъжъыр зы-щэрэр* 'Девушка, которая ведет старика' (ср. *Пшьашъэ-м лъжъы-р ецэ* 'Девушка ведет старика'). В причастной конструкции *Лъжъэу пшьашъэ-р зы-фа-к'ло-рэ-р* 'Старик, к которому (для которого) девушка идет' соотносительное имя *лъжъэу* (реальный косвенный объект) выражено относительной частицей *зы-*, так как в исходном непереходном глаголе *пшьашъэ-р лъжъы-м фэ-к'ло* 'девушка идет к старику' *лъжы-м* (косвенное дополнение) стоит в эргативном падеже.¹³³ Обращают также внимание данные, полученные в результате сравнительно-типологического обследования каузативных, побудительных конструкций субъектно-объектных отношений. Категория каузатива оказывает существенное влияние на синтаксические возможности глагола. Вступая в сложное взаимодействие с категорией глагольной переходности, она является основным источником трансформации ряда синтаксических конструкций предложения, например, номинативной конструкции глагола в эргативную. Изменение переходности глагола с помощью каузатирующих средств вызывает перестройку всего предложения. Это общее свойство глагола как абхазского языка, так и убыхского и адыгских языков. Н а п р и м е р, адыг. *ар мажъо* 'то варится' — одноличный непереходный глагол, *ац ар с-гъа-жъэ* 'он жарит то', абх. *Азы шуеит* 'Вода кипит'; *Лара азы и-лы-р-шуеит* 'Она (жен.) воду кипятит' и т. д. В абхазском языке категория каузатива выражается префиксом *р-*,¹³⁴ включение которого в глагольную форму вызывает повышение его валентности, появление показателя побуждающего лица: *а-и-ра* 'кипеть', *а-р-и-ра* 'кипятить', *а-чча-ра* 'смеяться', *а-р-чча-ра* 'утомлять', *а-с-ра* 'бить', *а-р-с-ра* 'заставлять бить'; *а-иш-ра* 'смотреть' *а-р-иш-ра* 'заставлять смотреть'; *и-цха-ра* 'кусать', *а-р-цха-ра* 'заставлять кусать'; *а-цхыраа-ра* 'помочь', *а-р-цхыраа-ра* 'заставлять помочь'; *а-зах-ра* 'шить', *а-р-зах-ра* 'заставлять шить', *а-куабара* 'купать', *а-р-куабара* 'заставлять купать' и т. д. При образовании каузативной конструкции количество лично-классных префиксов увеличивается, т. е. деривация с помощью каузативного префикса сопровождается изменением числа согласователей в глаголе. Ср.: *азы и-и-уеит* 'вода кипит', *сара узы и-сы-р-и-уеит* 'то я кипячу'; *д-лы-цхраа-уеит* 'он (кат. чел.)-ей помогает', *д-лы-и-сы-р-цхраа-уеит* 'его (ее)-ей-я-заставляю помочь'; *и-л-захейт* 'то(кат. в.)-она (жен.)-шьет', *и-л-сы-р-зах-ойт* 'то-ее-я-заставляю-шить'. При этом по общим правилам синтаксической системы абхазских языков соответствующие члены предложения — имена субъектов и объектов остаются неоформленными и фактически выступают

¹³³ Р о г а в а. К е р а ш е в а, Г А Я, с. 316.

¹³⁴ См. подробно: Услар. АЯ, с. 61—62. Ломтатпдзе К. В. Категория каузатива в абхазском языке. — Сообщ. АН Грузинской ССР, 1945, т. IV, № 1; Гецадзе И. С., Недялков В. П. Морфологический каузатив в абхазском языке. — В кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969, с. 61—77.

как приложения к соответствующим местоименным элементам, содержащимся в глагольной форме: *Сара сан акьаф и-л-сы-р-захойт* 'Я прошу (заставляю) свою мать шить мне рубашку'.¹³⁵

В отличие от абхазского языка, где каузативные конструкции так же, как и все остальные синтаксические конструкции, выражены лишь на уровне морфологической структуры глагола, в адыгских языках функционирование префикса *гъэ-*, *гъа-*¹³⁶ вызывает соответствующие изменения как в морфологической структуре глагола, так и в структуре предложения.¹³⁷ В форме побудительности здесь тоже повышается валентность глагола: *ар машхэ* 'он ест', *ащ ар е-гъа-шхэ* 'он заставляет его есть' ('он кормит его'); *КГалэ-р маг'ло* 'Юноша идет'; *ЛГыжьы-м кГалэ-р е-гъа-к'ло* 'Старик посылает юношу'; *лы-р мажъо* 'мясо варится' *Нью-м лыр е-гъа-жъо* 'старуха варит мясо'. Если исходный глагол является двухличным непереходным, то в образованной от него каузативной форме появляется субъектный показатель ряда эргатива, которому в предложении соответствует подлежащее в эргативном падеже, например: *Пшьашъэр машинэ-м е-жэ* 'Девушка ждет машину'; *ЛГыжьы-м пшьашъэр машинэ-м р-е-гъа-жэ* 'Старик заставляет девушку ждать машину'. При этом косвенное дополнение *машинэ-м* и в исходной и в каузативной конструкции остается без изменения. Но в каузативной конструкции, образованной от двухличного переходного глагола, например, каб. *Дохутыры-м хъуц-хъуэр сымаджы-м ирырагъэ фащ* 'Доктор насильно заставил (принудил) больного выпить лекарство', имя побуждающего лица ставится в эргативном падеже, побуждающее лицо остается в эргативном падеже, но по своему синтаксическому статусу оно выступает в качестве косвенного дополнения: адыг. *КГалэ-м чэмы-р гьыцэ* 'Парень ведет корову' — *ЛГыжьы-м кГалэ-м чэмы-р е-гъа-цэ* 'Старик заставляет парня вести корову'. Прямое дополнение остается и в исходной и в каузативной конструкции в именительном падеже без изменения: *Хъак'лэ-р кызыдагъэм, мяо-м ыжъо мэл ри-гъэ-ук'лагъ* 'Когда гость приехал, старуха дала сыну (побудила сына) зарезать барашка'. Показательна в этом отношении каузативная четырехличная конструкция, образованная от трехличного переходного глагола: *Пшьашъэ-м кГалэ-м тхылъы-р р-е-ты* 'Девушка дает юноше книгу' — *Гъу-нэгъу-м пшьашъэ-м кГалэ-м тхылъы-р ры-ре-е-гъэ-ты* 'Сосед заставляет девушку отдать книгу юноше'. В данной конструкции без изменения остается и косвенное дополнение *кГалэ-м* 'юноше'.

¹³⁵ Каузативный глагол включает в себе довольно широкий круг семантических оттенков: 'заставляет', 'допускает', 'дает', 'позволяет' и т. д. См. об этом: Яковлев, Ашхамат. ГАЯ, с. 327.

¹³⁶ О генетической связи префикса *гъэ- гъа-* с абхазским *р-* см.: Ломта и дзе К. В. К звукосоотношению *гъэ* в абхазско-адыгских языках. — Свод. АН Грузинской ССР, 1958, т. XXI, № 5, с. 623—626.

¹³⁷ Подробно об этом см.: Рогова, Керашева. ГАЯ, с. 257—260; ГКЧЛЯ, с. 125—127. Примеры приводим из этих работ.

Как можно видеть из приведенных здесь для сравнения каузативных конструкций абхазского и адыгских языков, на морфологическом уровне они обнаруживают довольно очевидное структурное единство, а на синтаксическом уровне и здесь достаточно последовательно проведено функциональное совпадение между эргативным и именительным (абсолютным) падежами адыгских языков и лично-классными префиксами ряда *Д* и ряда *Л*: абх. *акуац и-зит* 'Мясо жарится'; *атакуаже акуац и-л-з-ит* 'Старуха жарит мясо'; *Сара атакуажэ акуац и-л-сы-р-зит* 'Я заставил старуху жарить мясо'; адыг. *лы-р ма-жэ* 'Мясо жарится'; *Нью-м ы-р е-гъа-жэ* 'Он жарит то' → *Лыжы-м нью-м лы-р р-е-гъа-жэ* 'Старик старуху заставляет мясо жарить'.

Очевидность соизмеримости аналогичных структурно-функциональных совпадений проявляется, по всей вероятности, и на синтаксическом уровне действия здесь таких грамматических категорий, как категория версии, потенциалиса,¹³⁸ финитных и инфинитных образований и т. д. Наиболее характерными представляются закономерное проведение указанного явления в субъектно-объектных конструкциях, где в качестве предикатов выступают так называемые инверсивные (*verba sentiendi*) и лабильные глаголы.

¹³⁸ Ш а р д а н о в А. Х. Категория потенциалиса и версии (в системе спряжения адыгских языков). АҚД. Тбилиси, 1955.

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Единая типологическая линия в развитии синтаксической структуры абхазско-адыгских языков наглядно проступает при рассмотрении ряда наиболее древних и своеобразных субъектно-объектных конструкций, которые занимают промежуточное положение между конструкциями номинативной и эргативной. Сюда относится в первую очередь дативная конструкция, известная также под названиями «инверсивная», «аффективная».¹ В ней основным ядром предложения в качестве сказуемого выступает определенный класс глаголов, именуемых преимущественно глаголами «чувственного восприятия» (*verba sentiendi*).² Указанный класс глаголов отличается от других лексических разрядов глаголов весьма существенными структурно-семантическими особенностями.

С семантической точки зрения основной отличительной чертой этих глаголов является то, что ими обозначается не действие, совершаемое при активном участии субъекта, а чувственное восприятие, констатируемое субъектом. Инверсивные глаголы в силу указанного своеобразия своей семантики не образуют форм, в которых дано указание на действие, исходящее от самого субъекта произвольно или сознательно.³

¹ «Аффективная конструкция (логический субъект стоит в дательном или в аффективном падеже: *мне любо есть — я люблю*)» (Д и р р А. М. Глагол в кавказских языках. — ЭКП, с. 32).

² Термин *verba sentiendi*, как известно, впервые был применен в индоевропейском языкознании по отношению к глаголам чувственного восприятия и внутреннего переживания. Позднее объем содержания этого термина в большей или меньшей степени менялся в зависимости от того, к какому языку он применялся. См. об этом: Быховская С. Л. Объективный строй *verba sentiendi*. — Язык и мышление, 1936, VI—VII, с. 19—42; Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 294.

³ Юлдашев А. А. Указ. соч., с. 295.

Инверсия⁴ как лингвистическое явление, выражающееся в нарушении обычного порядка слов в предложении и словосочетании или словоизменятельных элементов структуры слова, характерна для множества разносистемных языков. В иберийско-кавказских языках инверсивность обращает на себя внимание как с точки зрения синтаксиса падежей, так и с точки зрения морфологической структуры глагола. Именно данные этих языков свидетельствуют о том, что «строй глагола прямой, инверсивный, может иметься лишь в субъективно-объективном спряжении, показания одноличных глаголов, напротив, менее показательны».⁵ Так, например, в грузинском языке субъектно-объектное спряжение может быть как прямого, так и инверсивного строя. Формы глаголов 'я воспитываю', *v-akeb* 'я хвалю', *m-zgdi-s* 'меня он воспитывает', *m-akeb-s* 'меня он хвалит' и т. д. — прямого строя, поскольку реальный субъект обозначен субъектными формантами (ряда *v*), реальный объект — объектными формантами (ряда *m*).

Переходные глаголы в настоящем и в прошедшем основном временах в грузинском языке — прямого строя, в прошедшем же результативном становятся инверсивными; например: *m-izgdi-a* 'мною воспитывался', *v-u-zgdi-var* 'меня, оказывается, воспитывал', *m-i-ki-a* 'мною хвалим был', *v-u-ki-var* 'меня, оказывается, хвалил' инверсивны по строю, так как объектными префиксами (ряда *m*) передается реальный субъект, а субъектными префиксами (ряда *v*), напротив, реальный объект. У непереходных глаголов динамического характера сохраняется лишь прямой строй, однако у двулличных непереходных статических глаголов типа *me m-ini-a* 'хочется мне чего-то', *me m-ʒul-s* 'ненавижу' (букв. 'ненавистен мне кто-то', 'ненавистно что-то'), *me m-ʃi-a* 'я голоден', *me m-siv-a* 'мне холодно' и т. д. на современном этапе развития языка наличествует лишь инверсивный строй; здесь объектным префиксом передается реальный субъект, а субъектными аффиксами *-s*, *-a* — реальный объект, который, как отмечено в специальной литературе, следует считать результатом семантического переосмысления, причем «морфология глагола сохранила старое понимание, согласно которому формальная оценка словоизменятельных элементов совпадала с их логическим осмыслением».⁶

Основной грамматической чертой, присущей глаголам *verba sentiendi*, является постановка субъекта в дательном падеже — в отличие от глаголов переходных (с субъектом в им. п эрг. падежах) и непереходных (с субъектом в им. падеже). Ср. груз. *Bavʃv-s deda h-u-ʃvar-s* 'Ребенок любит свою мать' (букв. 'Ребенку

⁴ От латинск. *inversio* 'переворачивание', 'перестановка'.

⁵ Ц и к о б а в а А. С. Грузинский язык. — ЯИ, с. 45.

⁶ О квалификации субъектно-объектных показателей в глаголах этого типа в грузинском см.: Ш а н и д з е А. Грамматика грузинского языка. Тбилиси, 1953, с. 110—120; Р у д е ц к о Б. Т. Грамматика грузинского языка. М.—Л., 1940, с. 185—197; М а р р Н. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925, с. 133—134.

любится мать'), *Bavšv-s s-civ-a* 'Ребенку холодно', аварск. *Insu-e žindirgo l'imer bokula* 'Отец любит своего ребенка' и т. д. Аналогичное построение предложения при инверсивных глаголах наблюдается почти во всех иберийско-кавказских языках с развитой системой склонения.⁷

В абхазском языке в группу *verba sentiendi* объединяются некоторые двухличные непереходные, в основном статические глаголы: *и-с-тахун* 'то-я-хочу' (букв. 'то-мне-хочется'); *д-и-моун* 'его-ее(кат. чел.)-он(муж.)-имеет' (букв. 'он-она-ему-имеется'), *и-с-цэымьбун* 'то-я-ненавижу' (букв. 'то-мне-ненавидится') и т. д.⁸ Эти глаголы в абхазско-адыгских языках являются именными по своему происхождению, однако для современной языковой действительности их именной характер (за незначительными исключениями) уже не воспринимается.⁹ Иными словами, глаголы этого типа для абхазского языка (как и для близкородственных ему адыгских языков) — уже явление прошлого, грамматически непродуктивное: такие глаголы вновь не создаются. При этом инверсивные глаголы представляют значительный интерес с точки зрения как семантических, так и грамматических особенностей. Во-первых, вопрос о дательном падеже и, следовательно, о дательной конструкции при глаголах *verba sentiendi* в силу отсутствия системы склонения в абхазском языке может быть рассмотрен лишь в морфологическом плане (а не в синтаксическом и морфологическом одновременно, как в адыгских языках); здесь логический субъект ставится не в дательном падеже,¹⁰ а вы-

⁷ Бокарев А. А. с. 34; Чикобава Ари., Церцвадзе И. Аварский язык. Тбилиси, 1962, с. 147; Пенчвидзе В. Н. Глаголы с субъектами в дательном падеже в удипском языке. — Изв. ИНИМК, 1942, XII, с. 67; Дешериев. БЯ, с. 233; ГЧЛЯ, с. 22; Рогова, Керашева, ГАЯ, с. 98, 317. Эту общую тенденцию инверсивных глаголов четко охарактеризовал А. Шифнер, указав, что «одна группа глаголов, которые обозначают не какое-либо действие, а скорее восприятие, чувство, желание, нужду, возможность, любовь, — и образованные от них составные глаголы связываются с дательным падежом» (A. Schifner. Versuch über die Thusch-Sprache. StPb., 1865, § 247, S. 70).

⁸ С помощью суффикса превращения *-ха* от основы этих глаголов могут быть образованы и динамические формы: *аттах-ха-ра* 'захотеть' (ср. *аттахра* 'хотеть', 'хотение'), *ацэымь-ха-ра* 'возненавидеть' (*ацэымьра* 'ненавидеть', 'ненависть') и т. д.

⁹ См. об этом: Ломтатидзе К. В. Статические и динамические глаголы в абхазском языке. — ИГЯ, 1956 г. VII, с. 258.

¹⁰ Исходя из факта отсутствия дательного падежа в абхазском языке некоторые авторы ставят под сомнение существование в нем *verba sentiendi*. Так, по мнению известного французского исследователя абхазско-адыгских языков Г. Дюмезиля (см.: Dumézil G. Études comparatives sur les langues caucasiennes Nord-Ouest, Paris, 1932), в северо-западных кавказских языках нет «объективной» конструкции — в этих языках ее невозможно проследить, так как в абхазском совсем нет падежей в том смысле, в каком мы привыкли их рассматривать, а в языках убыхском, черкесском и кабардинском всего-навсего два падежа, прямой и косвенный, или, иначе, активный и пассивный, и при *verba sentiendi* лицо стоит всегда в косвенном или активном падеже. Поскольку этот падеж выполняет функции активного

ражается лично-касательным префиксом, выполняющим все синтаксико-морфологические функции этого падежа. Во-вторых, глаголы этого типа не укладываются даже в обычные для абхазского языка рамки выражения субъектно-объектных отношений. С этой точки зрения своеобразие инверсивных глаголов заключается в том, что хотя по своему содержанию они являются непереходными, однако расположение в них субъектно-объектных показателей внешне такое же, как в двухличных переходных глаголах: *и-сы-моуп* 'то-я-имею', *и-сы-лишйт* 'то-я-могу'. Ср. переходный глагол *и-с-фойт* 'то-я-ем' (*и-* — показатель прямого объекта; *с-* — субъекта). Этим и объясняется, что в специальной литературе они в некоторых случаях переводятся как переходные. Так, П. К. Услар, который для установления переходности и непереходности опирался главным образом на закономерную последовательность личных и классных показателей (названных им «характеристиками»), глагол *и-с-гуаъхойт* переводит 'то-я-люблю'¹¹ вместо 'то-мне-нравится', 'то-мне-любится'.¹²

Однако, несмотря на отмеченный выше (аналогичный с переходными глаголами) порядок постановки субъектно-объектных показателей, инверсивные глаголы по этому принципу все же нельзя считать переходными, так как формант, занимающий в глаголе первое место, — это грамматический показатель субъекта (так же как и в двухличном непереходном динамическом глаголе), а формант, стоящий на втором месте, — показатель косвенного объекта. В связи с этим следует отметить, что вопрос о функциональной квалификации объекта при инверсивных глаголах в литературе по абхазско-адыгским языкам является спорным.

К примеру, в «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка»¹³ в разделе, посвященном анализу конструкций простого предложения, отмечается, что в предложении инверсивной (дативной) конструкции «формально наличествует прямой объект (разрядка наша, — *И. Г.*), но на него действие субъекта не распространяется.¹⁴ Неясно, о каком прямом объекте идет здесь речь. Ведь инверсивные глаголы по своей семантике являются непереходными и квалифицировать имеющийся при этих глаголах объект как прямой только на том основании, что он стоит в именительном падеже, представляется необоснованным. К тому же, прослеживая содержание инверсивных глаголов по данным других иберийско-кавказских языков, необходимо учесть, что реальный объект в именительном падеже — это грам-

---

(падеж субъекта при переходном глаголе) и дательного, то невозможно, отмечает автор, решить вопрос, имеем ли мы дело с объективной конструкцией или с так называемой «пассивной», при которой *verba sentiendi* трактуются как переходные глаголы.

¹¹ Услар. АЯ, с. 56.

¹² См. об этом: Ломтатидзе. КП, с. 9.

¹³ М., 1957.

¹⁴ Указ. соч., с. 198.

матически субъект, и, напротив, реальный субъект в эргативном падеже (вместо дательного) — грамматически косвенный объект. Ср. *Студентым тхылъыр илэц* 'Студент имеет книгу'¹⁵ ('Студенту книга имеется'). Эта сторона инверсивных глаголов при наличии падежных флексий в адыгских языках более ощутима, чем в абхазском языке.

В специальной литературе по абхазскому языку высказано предположение,¹⁶ что на определенном этапе развития абхазского языка инверсивные глаголы по структуре и содержанию должны были восприниматься как обычные двухличные непереходные глаголы, однако в результате изменений, происшедших в их понимании, объектное лицо и его морфологический показатель были восприняты как субъектные и наоборот. Иначе говоря: произошла инверсия, т. е. разрыв между грамматическими и реальными (логическими) субъектно-объектными лицами. Ср. груз. *me is m-i-ḡvaq-s* 'я его (ее) люблю' ('мне он (она) любитя'), *me is m-zul-s* 'я ненавижу' ('мне ненавидится'), *me is m-i-nd-a* 'я хочу' ('мне хочется'), где *m-* — грамматически показатель 1-го объектного лица, но выполняющий функцию реального субъекта, а суффикс 3-го субъектного лица *-s*, *-a* выступает в качестве показателя реального объекта. Такое семантическое и структурное перемещение в субъектно-объектных показателях абхазского языка можно выразить схемой:

<i>ды - с-цэымбун</i> (неперех.)		<i>ды - с - цэымбун</i> (инверсивн.)	
	/		/
суб.	к.о.	к.о.	суб.

'его, ее(кат. чел.)- я-ненавижу' ('он, она — кат. чел. — мне ненавистен').

С точки зрения размещения личных и классных показателей в глагольной форме инверсивные глаголы внешне как бы сблизились с переходными глаголами в том отношении, что в обоих на первом месте оказался показатель объекта, на втором — субъекта. Ср., например, *и-л-гойт* 'то(кат. в.)-она(жен.)-несет' (переходн.), — с одной стороны, и *и-лы-моун* 'то-она(жен.)-имеет' (инверсивн.), — с другой. В двухличном непереходном глаголе, как известно, на первом месте стоит показатель субъекта, на втором — косвенного объекта: *сы-б-зы-цшует* 'я—тебя(жен.)-ожидаю'. Теяденция сближения с переходными глаголами, очевидно, не исчерпывается лишь внешними признаками, она захватывает инверсивные глаголы значительно глубже. С этой точки зрения особого внимания заслуживает факт активизации показа-

¹⁵ Там же. с. 92.

¹⁶ См.: Ломтатидзе. КП, где специфика выражения субъектно-объектных отношений в глаголах типа *verba sentiendi* в абхазском языке подвергается детальному анализу. См. также: Ломтатидзе К. В. Инверсивные глаголы. — ГАЯ, с. 100—103.

теля реального субъекта (грамматического косвенного объекта). Как уже было отмечено, в силу своей семантики инверсивные глаголы не допускают форм, в которых заключено указание на действие, исходящее от самого субъекта. Одной из таких форм и является форма повелительного наклонения, которая в абхазском языке образовалась у инверсивных глаголов для того лица, которое до инверсии воспринималось как объектное (косвенное) и, естественно, не должно было иметь подобную форму (оно могло образовать лишь конъюнктив). Тем самым инверсивные глаголы заметно отошли от двухличных непереходных глаголов, но еще не полностью уподобились двухличным переходным глаголам. Один из первых признаков такого промежуточного состояния — сохранение субъектного показателя в форме положительного повелительного наклонения¹⁷ (что, как известно, не характерно для переходных глаголов); ср. *и-бацауейт* 'то-тебе(жен.)-слышится', но: *и-б-аха* 'слушай-ты(жен.)', точнее: 'пусть будет слышно тебе (жен.)'. Ср. также: перех. *и-б-фойт* 'то (кат. в.)-ты(жен.)-ешь' и *и-ф* 'то-ешь' (без субъектн. показателя).

Кроме того, в деепричастиях от инверсивных глаголов показатель как субъекта, так и объекта сохраняется, что свойственно, напротив, именно двухличным непереходным глаголам. И здесь, с одной стороны: *д-и-моуп* 'его, ее(кат. чел.)-он(муж.)-имеет', букв. 'он, она (кат. чел.) ему (муж.) имеется', с другой — *д-и-маны* 'его, ее(кат. чел.)-он(муж.)-имея'.

Ср. *Ари ацхрызба д - и - мань...* (Г. Гул. Сакъан аап)

суб. о. о. суб.

'Он, девушку имея (вместе с девушкой)'. . .

Таким образом, образование формы повелительного наклонения и деепричастия при *verba sentiendi* в абхазском свидетельствует о стремлении языка найти грамматическое оформление семантическим отклонениям инверсивных глаголов в сторону переходных. Однако, как отмечает по этому поводу К. В. Ломтатидзе, на современном этапе развития языка еще трудно говорить о системе, так как в инверсивных глаголах абхазского языка грамматическая функция лица, выступающего в роли реального субъекта, обозначена весьма неопределенно.¹⁸

¹⁷ Ломтатидзе. КП, с. 17.

¹⁸ Там же, с. 18. Здесь с привлечением соответствующего материала автор характеризует все те формальные признаки, по которым *verba sentiendi* в абхазском языке в основном следуют за непереходными глаголами: 1) в глаголах со сложной основой личный показатель не помещен внутри основы, как в переходных глаголах; 2) не происходит озвончения личных показателей перед основой, начинающейся звонким согласным; 3) при образовании каузативных форм также проявляется ряд особенностей инверсивных глаголов. Подробно об этом см.: Там же с. 18—19.

Изменения, происшедшие в понимании инверсивных глаголов в абхазском языке, привели к тому, что они по своей структуре оказались ближе к двухличным переходным глаголам.¹⁹ Ср., например: *Аҭҭәыс бзиа д-у-мазар, ачарахь уацози?* 'Если у тебя хорошая жена, зачем тебе идти на свадьбу'.

Обращают на себя внимание также причастные образования от основ инверсивных глаголов, где, как нам кажется, наиболее четко выражен процесс постепенной реинтерпретации функций субъектно-объектных показателей. Ср., например: *Ари з-аҭаз зегьы ргу иалсит* (Г. Гул. Сакьян ааҭ) 'Кто это слышал (досл.: кому это было слышно), все пожалели', *Указаара з-таҭым* (Гул. Посл.) 'Твоей гибели кто не хочет (кому не хочется)'; *Жә-заҭыж з-маз* (Там же) 'Единственную корову кто имел' (букв.: 'кому имелась'); *Ухы з-таҭыу уҭҭа лассы хаҭа дшитройт* (Там же) 'Кто тебе добра желает, тот скоро выдаст твою дочь замуж'; *Хаҭа дь-з-моу пҭҭыс* (Дж. Абх.-груз. словарь) 'Замужняя женщина' (точнее: 'Муж кому имеется'); *Д-зы-хшаз иоуп лан* (Там же) 'Его (кат. чел.) родившая мать'; *Изакузей мшэан и-с-аҭауа* (Чкад. Аписес.) 'Что это я слышу?' (точнее: 'То, что мне слышно, что?'); *Икалома нас урт и-с-таҭыу рзыкашарц?* (Лерм. Хаамт. аф.) 'А что, если я сделаю с ними, что хочу?' (досл. 'то, что мне хочется?').

Префикс *з-* в указанных формах для нынешнего понимания — показатель реального субъекта, а *и-* — реального объекта. До инверсии, надо полагать, на *з-* возлагалась функция передачи косвенного объекта (выраженного дательным или эргативным — общекосвенным падежом в других иберийско-кавказских языках), *и-* выступал в качестве показателя субъекта непереходного глагола, т. е. как эквивалент именительного падежа.

Процесс переосмысления субъектно-объектных лиц охватывает, как показал анализ соответствующих материалов, и область синтаксиса инверсивных глаголов. Как уже было отмечено, инверсивный глагол *агуаҭҭара* 'нравиться' П. К. Услар, исходя из установленной закономерности расположения личных и классных показателей, переводит как переходный. Основанием для подобной трактовки, как нам кажется, послужило также соблюдение того принципа постановки перед глагольной формой полных форм личных местоимений и имен существительных (без падеж-

¹⁹ Весьма показательны, что при изучении ранговой структуры морфем переходного глагола абхазского языка методом формализованного описания (в процессе которого были подтверждены некоторые фундаментальные положения традиционного иберийско-кавказского языкознания, например, числовое преимущество порождения префиксальных комбинаций на уровне глубинной структуры слова по сравнению с суффиксальными) И. И. Шадури выявила тяготение инверсивных (а также лабильных, или так называемых диффузных) глаголов то к транзитивным, то к интранзитивным. Это свидетельствует, что указанные разряды глаголов являются труднодоступными для непосредственного наблюдения. См.: Шадури И. И. Ранговая структура морфем абхазского литературного языка (система переходных глаголов). АҚД. Тбилиси, 1976, с. 14—20.

ного оформления), который П. К. Услар считал характерной особенностью конструкции переходного глагола. П р и м е р ы:

Сара уара у-с-гуаҭхуейт
 » *бара б-с-гуаҭхуейт*
 » *уй ды-с-гуаҭхуейт*²⁰ и т. д.

Инверсивные глаголы и в отношении распределения позиционных мест имен субъекта и объекта также следуют за переходными глаголами. Ср.:

Сара аша д - сы - мазам (Аҭс. лак.)
 | | | \
 суб. о. о. суб.
 'У меня брата нет' (точнее: 'Мне брат не имеется')

Сан са сыда уаҭа ҭа д - лы - мазам
 | | | \
 суб.   о. о. суб.
 'У моей матери, кроме меня, сына не имеется'

Зны, атаҭмада ды-ҭазымжуа, атакуажэ ҭа д - л - оуит
 | | | | \
 суб.   о. о. суб. суб.
 'Однажды в отсутствие старика у старухи сын родился'

Сара Пата ды - с - цэымзы... (Ҷкад. Апиес.)
 | | | |
 суб. о. о. суб.
 'Я, Пата ненавижу...'

Зеггы ахантэафра -ры-лшом (Г. Гул. Сакбан ааҭ.)
 | | | \
 суб.   о. о. суб.
 'Все председательствовать не могут'

Бара аҭшқацэа и - бы - моуп (Баши-Ачуки)
 | | | \
 суб.   о. о. суб.
 'Ты (жен.) детей (малышей) имеешь'

Аналогия с переходными глаголами в отношении построения предложения заслуживает внимания. Как уже было отмечено, в условиях отсутствия системы склонения порядок постановки имен субъекта и объекта выступает в качестве одного из ведущих грамматических способов передачи субъектно-объектных отношений в структуре предложения абхазского и абазинского языков.

²⁰ У с л а р. АЯ, с. 56.

Интересно также отметить, что при непосредственном наличии реального объекта 3-го лица (кат. в.) перед инверсивным глаголом показатель его (объекта) нередко отсутствует. П р и м е р ы:

Ажгагъы ашгага -а-моуп (Гул. Посл.)

↓   ↓   ↓
суб.   доп.   суб.

‘И слово меру имеет’.

Бара аҭшқацаа -бы-моуп (Баши-Ачукп)

↓   ↓   ↓
подл.   доп.   суб.

‘Ты (жен.) малолетних детей имеешь’

Бзоу ағы -и-ма-замэт (Бгаж. Бз. диал.)

↓   ↓   ↓
подл.   доп.   суб.

‘Бзоу вина совсем не имел’

Сара гҭыпачаа -с-оушет (Ломт. Ашх. д.)

↓   ↓   ↓
подл.   об.   суб.

‘У меня два сына родятся’

Такое явление, как известно, характерно для переходных глаголов, и его наличие в инверсивных глаголах свидетельствует о тенденции этих глаголов и внешне «приблизиться» к переходным глаголам, например:

Цэгъа Ø-зы-м-бац бзиара Ø-и-здыришам (Гул. Посл.)

↓   ↓   ↓   ↓   ↓
п.д.   п.о.   суб.   п.д.   п.о.   суб.

‘Кто не видел плохого, тот хорошее не узнает’

Ср. с инверсивными глаголами:

Аеы Ø - з - мамыз аркудтэы и-қу-м-қон (Там же)

↓   ↓
о.   суб.

‘Не имевший лошади стригунка обещал’

Аҭыхуа Ø - з - мамыз ажэ ҭыхуа Ø-з-маз амҭ и-а-қу-на-қон

↓   ↓   ↓   ↓
о.   суб.   о.   суб.

‘Бессхвостая корова отгоняла мух от коровы с хвостом’.

Следует отметить, что «прямой» порядок следования членов предложения с инверсивными глаголами также может быть нарушен под влиянием отмеченных выше факторов.²¹ П р и м е р ы:

²¹ Подробнее см.: Гецадзе И. О. Инверсивные глаголы (verba sentiendi) в абхазском языке. — В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970, с. 329 и сл.

Ари еиџи ажэа Камачыц и-ан-л-аха... (Гул. Камач. Ифымт.)

‘Такие слова Камачич когда услышала...’; *Абри еиџи ажэа ачымазае и-л-махароуп* (Там же) ‘Подобные слова больная не должна слышать’

Абри иара Татластангыы и - и - ахаан (Там же)

доп.   подл.   о.   суб.

‘Это сам Татластан слышал’ (досл. ‘Татластану было слышно’)

Ари гуфараны и - лы-ман Камачыц (Там же)

доп.   о.   суб.   подл.

‘Это подозревала Камачич’ (точнее: ‘Это подозрением имелось у Камачич’)

Сара и - сы - моуп цэгук (Там же)

подл.   о.   суб.   доп.

‘Я имею кошку одну’

Рыкынтқар и - и - гуамъгейт абарт арах аара (Цик. Абж. д.)

подл.   о.   суб.   доп.

‘Их царю не понравился приход их сюда’

Ачасавойква и - й - мет йара... ефенд (Помт. Ашх. д.)

доп.   о.   суб.   подл.

‘Часовые имелись у того... эфенди’

Уи сара и - сы - лшойт (Агъс. лак.)

доп. подл.   о.   суб.

‘То я не могу’

Подобный процесс перестройки и нейтрализации дативной конструкции достаточно ощутимо проявляется, например, в бацбийском языке, где, как указывает Ю. Д. Дешериев, допускается параллельное употребление подлежащего как в дательном, так и в эргативном падежах при глаголах чувственного восприятия: *МитІуин* (дат. п.) *хьо гу и МитІос* (эрг. п.) *хьо гу* ‘Мито тебя видит’, *Сандруин* (дат. п.) *йеџІино МоскІова и Сандрос* (эрг. п.) *йеџІино МоскІова* ‘Сандро любил Москву’.²²

Суммируя все сказанное относительно инверсивных глаголов в абхазском (также в абазинском) языке, можно считать, что наблюдаемое в настоящее время противопоставление (аналогичное с переходными глаголами) в распоряжении субъекта и объекта

²² Дешериев. БЯ, с. 233.

в предложении инверсивной конструкции и их показателей в самом глаголе является вторичным и связано, по всей вероятности, с переосмыслением субъектно-объектных лиц.

То обстоятельство, что на морфологическом уровне инверсивные глаголы в абхазском и абазинском языках как бы соблюдают тот же самый синтаксический и морфологический принцип, с которым мы сталкиваемся при построении эргативной конструкции переходного глагола, с точки зрения сравнительно-типологического исследования синтаксической структуры абхазско-адыгских языков имеет доказательную силу. Дело в том, что в адыгских языках, где переходные глаголы, как правило, имеют номинативную конструкцию (ср., например, каб. *Пицаще-р машинэ-м йожэ* 'Девушка ждет машину'), встречаются также и непереходные глаголы с «эргативной» конструкцией: адыг. *КIалэ-м тхьлътэ-р иIэ* 'Юноша имеет книги';²³ *Студенты-м тхьлътэ-р иIэ* 'Студент имеет книгу'; каб. *Сьмаджэм мыIэрысэр хуош* 'Больная может съесть яблоко'. Буквально эти предложения означают: 'Студенту (у студента) имеется книга'; 'Больному можно есть яблоко'. Аналогия синтаксической конструкции инверсивных глаголов с эргативной становится очевидной при ее сопоставлении с конструкцией переходного глагола: *Ащ* (подл. в эрг. п.) *ар* (п. доп. в им. п.) *ещэ* (перех.) 'Тот ведет его' — эргативная конструкция; *Ар ащ еже* 'Тот ждет его' — номинативная конструкция; *Ащ ар иI* 'Тот имеет то' — дативная инверсивная конструкция, занимающая промежуточное положение между первыми двумя. Как отмечено в адыговедческой литературе, она сближается с номинативной конструкцией своей непереходною семантикой, а с эргативной — своей трехчленной синтагмой.²⁴ Г. Ф. Турчанинов глаголы этого типа (*йыIэн* 'иметь', *фIафIын* 'желать', *жиIэн* 'говорить') именуется «глаголы-исключения, спрягаемые по субъектному строю».²⁵ Колебание, присущее инверсивной конструкции, вызвано своеобразием ее лексического ядра, или содержательной валентностью сказуемого, определяющего падежи подлежащего и дополнения: при инверсивных глаголах реальный субъект (имя субъекта) в эргативном падеже (в значении дат. падежа), реальный объект в именительном; например, каб. *Адэ-м йыIэшъ* 'У отца (отцу) имеется', ср. *Адэ-м агъасэ* 'Отец учит (воспитывает) кого-либо' — эргативная конструкция.²⁶

Вопрос об инверсивных глаголах, указывает по этому поводу А. К. Шагиров, нельзя считать окончательно решенным. Правильность истолкования при этих глаголах реального субъекта

²³ Р о г а в а, К е р а ш е в а. Г А Я, с. 371.

²⁴ Г и ш е в Н. Т. Синтаксические конструкции предложения в адыгейском языке. — В кн.: Сборник статей по синтаксису адыгейского языка. Майкоп, 1973, с. 39—40.

²⁵ Т у р ч а н и н о в Г. Ф. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940, с. 116.

²⁶ К у м а х о в М. А. К проблеме эргатива в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. — ЭКПЯРТ, с. 169.

как грамматического косвенного объекта вызывает сомнение.²⁷ И логически, и грамматически субъект выступает здесь как активное действующее лицо и противопоставляется другому члену высказывания как объекту.²⁸ Во всех случаях функционирования инверсивных глаголов (адыг. *КIэлэцIыкIу-м мIэрысэр иI* 'Ребенок имеет яблоко'; *Актылы-м уасэ-г'р' иI-еп, гъэсэнэгъэм гъунэ-г'р' иI-еп* 'Ум бесценен, знание безгранично' (досл.: 'Уму цены не имеется, знанию границы не имеется'); *ЦIыфы-м лъэкIыш-шо-г'р' иI* 'Человек большие возможности имеет'; *Нахъ лъэшы-мIашэ-р ий* 'Наиболее сильному оружию принадлежит';²⁹ каб. *Сымад-жэ-м мIэрысыр хуош* 'Больной может съесть яблоко'; *ЛIыжым псалъэн фIэфIт* 'Старик говорить любил') имя в именительном падеже (и, следовательно, его морфологический показатель, представленный в глаголе факультативно) квалифицируется как реальный объект. Но, учитывая тот факт, что в глаголах данной категории, как и в обычных непереходных, его показатель, осмысленный как личная морфема реального субъекта 3-го лица, отсутствует, они безоговорочно причисляются к разряду непереходных глаголов. Такое решение труднее принять при рассмотрении инверсивной парадигмы 1-го и 2-го лиц.³⁰ Н а п р и м е р, каб. *у-э-иIэц* 'тебя я имею', 'ты у меня есть', здесь префикс, стоящий на первом месте, должен рассматриваться как показатель субъекта, а следующий за ним личный префикс — как показатель косвенного объекта: *у-къы-э-оплэ* 'ты на меня смотришь'.³¹

Инверсивные глаголы (*verba sentiendi*) в адыгских языках с общеберийско-кавказской лексемной семантикой, выражающие чувства, восприятия, желания и т. д. (ср., например, адыг. *сэ ар с-шIошIы* 'мне кажется то', *сэ ар с-шIоигъу* 'я желаю то', *сэ ар къы-с-цыгъ-упшагъ* 'я забыл то') имеют двухличную парадигму и обычно и з м е н я ю т с я п о л и ц а м р е а л ь н о г о с у б ь е к т а.³²

Ед. число

1-е л.	<i>сэ ар</i>	<i>Ø-с-шIоигъу</i> ³³	'я желаю то'
2-е »	о	» <i>Ø-п-шIоигъу</i>	'ты желаешь то'
3-е »	ац	» <i>Ø-о-шIоигъэ</i>	'он желает то'

Мн. число

1-е »	<i>тэ ар</i>	<i>Ø-т-шIоигъу</i>	'мы желаем то'
2-е »	<i>шъо</i>	» <i>Ø-шъу-шIоигъу</i>	'вы желаете то'
3-е »	<i>агэм</i>	» <i>Ø-а-шIоигъу</i>	'они желают то'

²⁷ Шагиров А. К. Об эргативной конструкции предложения в адыгских языках. — ЭКПЯРТ, с. 178—179.

²⁸ Там же, с. 179.

²⁹ Примеры из статьи Н. Т. Гишева «Синтаксические конструкции. . .».

³⁰ Шагиров А. К. Указ. соч., с. 179.

³¹ Там же.

³² См.: Рогова, Керашева. ГАЯ, с. 168.

³³ Ø — нулевая морфема, восстановленная нами для заполнения предполагаемой позиции реального объекта ряда номинатива; в ед. числе в 3-м

Столь же сложно обстоит дело с вопросом о квалификации имени объекта (дополнения) и его личного показателя в составе инверсивного глагола. Обычно принято считать, что в адыгских языках в предложении инверсивной конструкции формально наличествует прямой объект (реальный, «ближайший» объект), но на него действие не распространяется, а остается при самом субъекте. Ср. каб. *Лы-жъым псалъэн фIэфIт* 'Старик любил говорить';³⁴ адыг. *КIэлэцIыкIу-м мыIэрысэр иI* 'Ребенок имеет яблоко'.³⁵ Однако синтаксический статус этого объекта весьма неопределен,³⁶ что, кстати, является результатом неразработанности данного вопроса в специальной литературе и по другим иберийско-кавказским языкам.³⁷ Ввиду перемещения и изменения синтаксического статуса субъектно-объектных лиц в этих построениях, присутствующее в них дополнение, по-видимому, уже невозможно расценивать в качестве прямого (последнее предполагается наличием в предложении транзитивного глагола-сказуемого). В некоторых работах последнего времени его предлагают квалифицировать в качестве аффективного.³⁸

В связи с этим обращает на себя внимание факт полного отсутствия в форме инверсивного глагола морфологического показателя ряда эргатива, выступающего с функцией показателя реального субъекта. Ср. каб. *Студенты-м тхылъыр иIец* 'Студент книгу имеет'; но в форме инверсивного глагола отсутствует и показатель ряда номинатива, выполняющего роль реального объекта. О том, какое место занимали эти морфемы в структуре инверсивного глагола, можно судить по структуре парадигм 1-го и 2-го лиц, где отсутствует только показатель ряда номинатива:

<i>сэ</i>	ар	<i>Ø-с-шIошIы</i>	'мне кажется то'
<i>о</i>	»	<i>Ø-п-шIошIы</i>	'тебе » »'
<i>аиц</i>	»	<i>Ø-о-шIошIы</i>	'ему » »'
<i>тэ</i>	»	<i>Ø-т-шIошIы</i>	'нам » »'
<i>шъо</i>	»	<i>Ø-шъу-шIошIы</i>	'вам » »'
<i>ахэм</i>	»	<i>Ø-а-шIошIы</i>	'им » »' ³⁹

Отсутствие префикса 3-го лица ряда номинатива в данном случае создает аналогию с переходным глаголом. Ср., например: *о ар п-шагъэ (о-п-шагъэ)* 'ты повел его', *сэ ар с-шагъэ (о-с-шагъэ)*

лице отсутствует и показатель реального субъекта ряда эргатива, который появляется лишь во мн. числе.

³⁴ ГКЧЯ, с. 198; Гишев Н. Т. Указ. соч., с. 40.

³⁵ Рогова, Керашева. ГАЯ, с. 371.

³⁶ См. об этом: Гецадзе И. О. Инверсивные глаголы (*verba sentiendi*) в абхазском языке, с. 205.

³⁷ Об этом свидетельствуют соответствующие параграфы очерков рассматриваемых языков в книге «Языки народов СССР» (т. IV, М., 1967).

³⁸ Алексеев М. Е. Проблема аффективной конструкции предложения. АКД. М., 1975, с. 10.

³⁹ Рогова, Керашева. ГАЯ, с. 168.

‘я повел его’, *ац ар ы-цагъ (о-ы-цагъ)* ‘он повел его’ и т. д. Аналогия проявляется и в принципе обозначения множественного числа реального объекта (грамматического субъекта) в форме инверсивного глагола: *КГалэ-л тхылъхэ-р иГэ-х*⁴⁰ ‘Юноша имеет книги’. Ср.: *Ац тхылъыр етхы* ‘Он пишет книгу’, но: *Ац тхылъхер етхы-х* ‘Он пишет книги’. С этой точки зрения обращает на себя внимание проявление этого же принципа в инверсивных глаголах абхазского языка: *Лышцатэ ыцъкэа и-лы-ма-кэа-з*. . . ‘Новые наряды (одежды), которые у нее были. . .’. Ср. при перех. глаголе: *и-л-ба-кэа-з* ‘те, которые она увидела’, *и-р-та-кэе-ит* ‘они ему те отдали’.⁴¹ Кроме того, порядок постановки членов предложения и их морфологических показателей в глаголе в адыгских языках, как и в абхазском и абазинском, в инверсивных конструкциях противопоставляется по аналогии с эргативной конструкцией: *ац ар е-ды* ‘он то то-он-шьет’ (эргативн. конструкция), *сэ ар с-шГошГы* ‘мне то то-мне-кажется’.

Все эти данные позволяют предполагать тенденцию сближения инверсивных глаголов с переходными и в адыгских языках, где перестройка синтаксических конструкций в процессе перестройки морфемной структуры глагольного слова должна была протекать при сопутствующих изменениях и противоречиях в отражении субъектно-объектных отношений. В этом смысле дативная (инверсивная) конструкция абхазско-адыгских языков представляется одним из тех грамматических фрагментов, который относится к глубинной структуре синтаксиса этих языков.⁴² Закономерности полиперсонального, субъектно-объектного спряжения названных языков сближают схему построения предиката обеих конструкций, и их функциональная соотнесенность проявляется как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях.⁴³ Здесь необходимо учитывать, что синтаксические функции префиксов ряда *Л* абхазского и абазинского языков и префиксов ряда эргатива и эргативного падежа в адыгских языках перекрывают друг друга.

⁴⁰ Там же, с. 371.

⁴¹ Джанашиа Р. С. Имелпой суффикс множественности *-кэа* в абхазском языке. — ИКЯ, 1964, XIV, с. 247—250.

⁴² «Дативная конструкция представляет собой известный аналог эргативной конструкции» (Гухмаи М. М. Конструкции с дательным винительными лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков. — ЭКПЯРТ, с. 63).

⁴³ «Дативная конструкция, засвидетельствованная в ряде кавказских языков, наряду с эргативной отражает в свою очередь закономерности не номинативного языкового типа. Иными словами, при всех различиях, существующих между эргативной и дативной конструкциями, они подчиняются единой типологической норме. Это положение весьма существенно для типологических характеристик синтаксических закономерностей разных языков, так как позволяет различить набор различительных признаков, возможных у разных синтаксических типов» (Гухмаи М. М. Указ. соч., с. 63).

Ряд вопросов, связанных с инверсивными глаголами в адыгских языках — с точки зрения становления их «эргативной» конструкции — рассматривается в работе Г. Ф. Турчанинова «К теории черкесского эргатива»,⁴⁴ где автор, учитывая именной характер глагольного корня «проэргативной» конструкции предложения, выдвигает положение о том, что «нынешняя эргативная форма имени была дополнением, локативом, затем посессивом и занимала в предложении соответствующее им место. Дальнейший переход, переосмысление локатива-посессива в эргатив сопровождалось инверсией».⁴⁵

---

⁴⁴ ВГ.

⁴⁵ Указ. соч., с. 206.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Вопрос о функциональном назначении в синтаксической структуре абхазско-адыгских языков прямого «ближайшего» дополнения особую значимость приобретает при сравнительно-типологическом рассмотрении промежуточных конструкций, стоящих на переходной ступени стабилизации и имеющих в своем составе в качестве сказуемого так называемые лабильные (транзитивно-интранзитивные), или диффузные, глаголы.

Еще П. К. Услар в приложении к своей грамматике абхазского языка, посвященном беглому анализу особенностей также убыхского языка, обратил внимание на способность глагольной основы иметь различные варианты синтаксических конструкций. «Нет сомнения, — писал он, — что подобно тому, как в языке адыгском, в убыхском один и тот же глагол подлежит видоизменениям, превращающим его то в страдательный, то во взаимный, то в побудительный и проч. Все это должно обратить особенное внимание будущего исследователя убыхского языка».¹ Усларовская традиция рассмотрения специфики представления синтаксических структур в тесной взаимосвязи с вопросом о наличии или отсутствии залоговых корреляций была продолжена в других описательных грамматиках.² Вопрос о промежуточных синтаксических конструкциях в работах подавляющего большинства кавказоведов рассматривается в одной плоскости с проблемой залоговой нейтральности основной синтаксической доминанты — глагола, которому принадлежит ведущая роль в построении указанных конструкций. «Нейтральный характер глагольной основы, недифференцированность действительного и страдательного залогов, лабильность синтаксической конструкции — внутренние между собой связаны».³ Исторически лабильная конструкция

¹ Услар. АЯ, с. 97.

² См. например: Генко. АБЯ, с. 131—132; Бокарев. САЯ, с. 51—59; Яковлев, Ашхамаф. ГАЯ, с. 235—236 и др.

³ Чикобава. ЭКЯ, с. 243.

предшествовала стабильной: стабильная эргативная конструкция возникает из лабильной.⁴

В этом отношении показательны данные картвельских языков, в которых эргативная конструкция в основном стабильна, что со своей стороны обусловлено четким различием действительного и страдательного залогов. Но и здесь прослеживаются реликты лабильной конструкции, например: *Man qurvil-i mo-i-k-l-a* 'Он утолил себе жажду (букв. убил жажду)'; *Is omši mo-i-k-l-a* 'Он на войне убит'.⁵ Основной признак, по которому выделяются эти конструкции, следующий: при переходном глаголе подлежащее ставится в эргативном падеже, если налицо прямое дополнение;⁶ при отсутствии же последнего при том же глаголе подлежащее ставится в именительном падеже. «Исторически — переходность глагола связана с наличием ближайшего объекта: при отсутствии последнего глагол становится непереходным. Пережитки такой лабильной эргативной конструкции прослеживаются в аварском, в абхазском и других иберийско-кавказских языках».⁷

Лабильность синтаксических конструкций ярче проявляется в тех языках, в которых отсутствует схема залоговых соответствий, или диатеза.⁸ В этом отношении характерны данные абхазско-адыгских языков.

Взаимоотношения, устанавливаемые между переходным глаголом и связанным с ним объектом, указывал И. И. Мещанинов, прослеживаются во всех языках; но в эргативном строе предложения⁹ при различных падежах подлежащего объектная группа приобретает особое значение, так как в связи с нею подлежащее ставится не в именительном, а в одном из косвенных падежей или в специальном активном.¹⁰ Например, адыг. *Редакторы-р ма-тхэ* 'Редактор пишет' (подлежащее при безобъектном действии в падеже на -р); ср. *Редакторы-м статья-р е-тхы* 'Редактор статью пишет' (подлежащее получает окончание эргативного падежа, прямое дополнение стоит в падеже на -р, как и подлежащее при безобъектном действии). Глагол в связи с этим изменя-

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 243—244.

⁶ «Не может быть переходного глагола без объектного дополнения и, наоборот, объектного дополнения без переходного глагола. (Ба л л и Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Русск. перевод. М., 1955, § 155). «Значит, — отмечал по этому поводу И. И. Мещанинов, — тут выступает та же бинарная схема. Переходный по своей семантике глагол сохраняет свое полное содержание только в двучленном построении» (Мещанинов И. И. Синтаксические группы. — ВЯ, 1958, № 3, с. 28—29).

⁷ Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции. Основные вопросы ее истории и описательного анализа. — ЭКНЯРТ, с. 16.

⁸ По А. А. Холодовичу, залог — это маркированная в глаголе диатеза. См. его статью: О залоге. — В кн.: Категоризация залога. М., 1970.

⁹ Климов. ОТЭ, с. 146—149.

¹⁰ Там же, с. 29. См.: Мещанинов. ЭК, с. 63—64. «При отсутствии объектной группы глагол утрачивает значение переходности. В итоге надек прямого дополнения и падеж подлежащего безобъектного действия совпадают» (Там же, с. 28). См. также: Мещанинов. ЧИЧР, с. 164—165.

ется в своей грамматической форме: *ма-тхэ* — непереходная форма с суффиксом 3-го лица обоих чисел (-*ма*); *е-тхы* — переходная форма с суффиксом ед. числа -*е*; *Шъузы-м джанэ-р еды* 'Женщина рубаху шьет'; *Шъузы-р ма-дэ* 'Женщина (вообще) шьет (занимается шитьем)'. Семантика самой глагольной основы подчиняется здесь семантике сказуемого.¹¹ «Таким образом, — писал по этому поводу А. А. Бокарев, — хотя в системе языка в целом переходное значение четко отделено от непереходного, очень многие глаголы, обычно употребляемые как переходные, сами по себе, взятые отдельно, могут соответствовать не только переходным, но и близким по значению непереходным глаголам других языков. . . Двойственность значения этих глаголов не может быть случайной. Она может быть объяснена только как следствие развития в лексически и синтаксически едином глаголе противоположных синтаксических (а в некоторых случаях и лексических) значений».¹²

В адыгских языках, как отмечено в специальной литературе, переходные глаголы, как правило, образуют стабильную эргативную конструкцию, а непереходные — номинативную. Но в этих языках сохранились и глаголы с лабильной конструкцией: один и тот же глагол (с простой основой) может образовать в одном контексте эргативную конструкцию (т. е. иметь ближайший объект), а в другом — номинативную (соответственно не иметь ближайшего объекта).¹³ Например: *Чэты-р мэ-кIэцIы* 'Курица несется' (неперех.), *Чэты-м кIэнкIэ-р къ-е-кIэцIы* 'Курица несет яйцо' (перех.); *Гъунэгъу-р ма-нкIэ* 'Сосед полет (вообще)'; *Гъунэгъу-м хатэ-р е-нкIэ* 'Сосед полет огород'; *Лы-р мэлыцIэ* 'Мясо подгорает'; *Маши-м лы-р е-мыцIэ* 'На огне подгорает мясо'; *Ар мацэ* 'Тот торгует (вообще)'; *Ац ар е-цэ* 'Он то продает'.

В абхазском языке глаголы лабильной конструкции также являются пережитками¹⁴ древнейшей конструкции глаголов, они не связаны с категорией залога. В группе лабильных глаголов в абхазском объединены глаголы с лексической семантикой, приблизительно аналогичной семантике лабильных глаголов в адыгских языках: 'пахать', 'гореть', 'полоть', 'шить', 'ломать', 'молотить' и т. д.¹⁵

В условиях отсутствия системы склонения выражение синтаксической лабильной конструкции в абхазском языке проводится на морфологическом уровне с помощью закономерных функциональных распределений префиксов ряда *Л* и *Д*, например: *и-цъэойт* 'ломается', *и-цъы-с-цэойт* 'то (кат. в.)-я-ломаю'; *и-кацсойт* 'рассы-

¹¹ Мещанинов ЭК, с. 22—55.

¹² Бокарев. САЯ, с. 47.

¹³ Рогова, Керашева, ГАЯ, с. 98—99; Яковлев, Ашхамаф. ГАЯ, с. 320; Гишев Н. Т. Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. Майкоп, 1968, с. 45—50; Кумахов. САЯ, с. 206—207. Примеры приводятся по этим работам.

¹⁴ Чикобава. ЭКЯ, с. 221—239.

¹⁵ Аристава Ш. К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. — Тр. Абхазского НИИ, 1959, XXX, с. 209—214.

пается', *и-ка-с-н̄сойт* 'то (кат. в.)-я-сыплю'. Ср. адыг. *ГъукІэ-р ма-хъо* 'Кузнец точит (вообще — указание на род занятия)'; *ГъукІэ-м гъучІы-р е-хъо* 'Кузнец железо стачивает'.

Если в адыгских языках для различения эргативного и номинативного варианта лабильной конструкции использованы и морфологические и синтаксические возможности языка, то в абхазском выражение этих же видов субъектно-объектных отношений сосредоточено исключительно в форме глагола. При этом характерно, что для различения переходности/непереходности основы глагольного сказуемого использован фонеморфологический признак (озвончение префиксов, их включение в состав переходных глаголов с производной основой), проявляющийся в определенных условиях¹⁶ только в глаголах с переходной семантикой и отсутствующий в глаголах с противоположным значением. Например: *с-щейт* 'пишу' (неперех.), *и-з-щейт* 'то (кат. в.)-я-пишу'; *с-еймдойт* 'ищу', *и-ей-мы-з-дойт* 'то-я-обыскиваю'; *и-хжэойт* 'ломается', *и-хы-з-жэойт* 'то-я-ломаю', *и-былуейт* 'горит', *и-з-былуейт* 'то-я-сжигаю';¹⁷ *с-захойт* 'занимаюсь шитьем', *и-з-захойт* 'то-я-шью'; *и-таҭсойт* 'сыплется что-либо', *и-та-с-н̄сойт* 'то-я-сыплю' и т. д.

Сравнение лабильных конструкций в абхазском и адыгских языках выявляет полное структурно-функциональное совпадение именительного и эргативного падежей адыгских языков и личноклассных префиксов абхазского языка: адыг. *Шъузы-р мэ-джы* 'Женщина прядет'; абх. *аҭхэыс д-захойт* 'она (кат. чел.)-шьет', *Шъузы-м джанэ-р е-бзы* 'Женщина рубашку режет'; *Аҭхэыс аҭкы и-л-захойт* 'Женщина платее шьет' и т. д. Однако при этом нельзя не учитывать, что в адыгских от нейтральных основ переходные и непереходные глаголы образуются парадигматическим путем.¹⁸ Некоторые глаголы исторически лабильной конструкции переходность/непереходность различают огласовкой: основы с огласовкой *ы* представлены как переходные, например: *ащ ар е-тхы* 'тот пишет то'; те же глаголы с огласовкой *э* бывают непереходными: *ар ма-тхэ* 'тот пишет (вообще)'.¹⁹ Аблаутные чередования как средство стабилизации нейтральных основ получили большое распространение в кабардинском языке, а в адыгейском сохранено более древнее состояние.²⁰ Значительная роль морфологической структуры глагола в образовании лабильных конструкций дает повод предположить вторичность использования падежных флексий в процессе стабилизации нейтральных основ в адыгских языках. Это подкрепляется данными и абхазского языка.

¹⁶ Ломтатидзе. КП, с. 17.

¹⁷ Примеры приводятся по работе: Аристави Ш. К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке.

¹⁸ Кумахов. САЯ, с. 206.

¹⁹ Рогова, Керашева. ГАЯ, с. 99.

²⁰ Кумахов. САЯ, с. 208; Багов П. М. Структурные и функциональные особенности некоторых глаголов в адыгских языках. — Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, 1970, с. 3—8.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ СЛОВ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

В абхазском языке, как уже было отмечено выше, образование классно-личного типа спряжения вызвало заметное ослабление¹ порядка расположения немаркированных падежными флексиями членов предложения, так как в самой структуре глагола с достаточной степенью детализации были обозначены и субъект, и объект (прямой, «ближайший» и косвенный). Поэтому ни смешение последовательности членов предложения, ни факультативность их употребления и нередко даже отсутствие имен субъекта и объекта² не могли повлиять на смысловую сторону предложения и нарушить его коммуникативное задание. Так, например, допускается употребление нескольких вариантов одного и того же предложения: *Дара Камачыц Алхас д-и-р-трит* 'Они Камачич Алхасу отдают (букв. выдают замуж)'; *Камачыц Алхас д-и-р-трит* 'Камачич Алхасу отдают'; *Дара Алхас д-и-р-трит Камачыц* 'Они Алхасу отдают Камачич' и т. д. Во всех случаях указание на субъект и объекты действия даны в переходном глаголе и дифференцировано строгим соблюдением порядка их распределения. Ослабление позиций членов предложения является вторичным и, по всей вероятности, связано с фактом включения показателя субъектного лица в состав переходного глагола (см. об этом с 38—51).

¹ В связи с этим заслуживает внимания, что уже П. Услар отмечал по этому поводу, что «существительные, по-видимому, не ставятся в строго определенном порядке». См.: Услар. АЯ, с. 83.

² Совершенно очевидно, пишет по этому поводу Б. А. Серебрянников, что в абхазском языке немаркированность в предложении именного объекта действия все же остается формально невыраженным, поскольку дистантный способ маркировки падежа объекта действия производит меньший эффект по сравнению со способом создания специального винительного падежа. Это коммуникативное неудобство послужило причиной создания в других кавказских языках, также имевших индикаторы объекта в форме глагола, особого падежа субъекта действия или эргатива, ср. каб. *Щалым письмо итлаш* 'Парень написал письмо'. Таким образом, омонимия двух падежей была устранена. См.: Серебрянников Б. А. Приписывание объекту изучения особенностей, не свойственных его природе. — В кн.: Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973, с. 310.

Выше уже было сказано, что материальное и функциональное совпадение личных префиксов адыгских языков с лично-классными префиксами абхазского и абазинского языков дает возможность допустить в истории развития синтаксической системы этих языков существование процесса одновременной «субъективизации», которой должна была предшествовать строгая закономерность соблюдения последовательности членов предложения, представленных без падежных флексий. Не говоря уже о собственных именах, нулевое оформление подлежащего и прямого дополнения абхазского типа в адыгских языках в виде реликтовых явлений встречается и в нарицательных именах (обычно в загадках, пословицах и т. д.). В подобных случаях на первом месте стоит имя субъекта, на втором — объекта: каб. *Жэм лъакъу шкIэ укIыркъым* 'Коровья нога не убивает теленка'; адыг. *Симе Рэшыдэ сунчIыгъ* 'Сима Рашида спросила'. Строгая локализация членов предложения в таких случаях обусловлена тем, что субъектно-объектные отношения в них выражены синтаксически, то есть, порядком слов.³ Ср. абх. *Аҭагъара аҭагъара и-ка-на-ҭойт* 'Гордость гордость рождает'. Аналогичные данные адыгских языков позволяют сделать вывод о том, что именно этот тип ливейных отношений следует считать внутригрупповым, первоначальным свойством для синтаксиса абхазского и адыгского языков в целом. Об этом, как нам кажется, свидетельствует довольно хорошо сохранившееся в адыгских языках противопоставление порядка личных аффиксов в глагольной форме обратному порядку расположения членов предложения. Указанное явление, как уже было отмечено выше, является одной из специфических синтаксических особенностей абхазского языка и на синхронном уровне его развития (см. об этом с. 5—22). В адыгских языках личные показатели в форме двухличных и трехличных переходных и непереходных глаголов располагаются в том же порядке, в каком представлены лично-классные показатели в абхазском языке. Например, в адыгейском языке в двухличных переходных глаголах личные префиксы расположены в следующей последовательности:⁴ префикс ближайшего объекта, префикс реального субъекта, основа глагола: *Сэ о у-с-цагъ* 'Я тебя повел'. В двухличном непереходном глаголе на первом месте находится префикс субъекта, на втором — косвенного объекта: *Сэ о сы-къы-о-жагъ* 'Я тебя ждал'. В первом случае в структуре переходного глагола личные аффиксы расположены в порядке, обратном тому, что имеем в соответствующих личных местоимениях (или именах):⁵ в предложении *Сэ о у-с-цагъ* 'Я тебя повел' за местоимением *сэ* 'я', выражающим подлежащее, следует местоимение, выражающее ближайшее дополнение *о-* 'ты', а в глаголе *у-с-цагъ* 'я тебя по-

³ ГКЧЯ, с. 213.

⁴ Рогова, Керашева. ГАЯ, с. 150—151.

⁵ Там же, с. 151; Яковлев, Ашхамаф. ГАЯ, с. 90—102.

вел', наоборот, показатель ближайшего объекта *y-* 'тебя' стоит перед показателем субъекта *s-* 'я'. Во втором примере порядок последовательности подлежащего и косвенного дополнения полностью совпадает с порядком распределения префиксов субъекта и косвенного объекта в непереходном глаголе: *сэ о сы-кьо-о-жагъ* 'я тебя ждал'. Ср. абх. *сара уара у-з-гейт* 'я тебя (муж.) повел', *сара бара бы-з-гейт* 'я тебя (жен.) повел' (*агара* 'вести', 'нести', двухличный переходный глагол); *сара уара с-у-зы-гышын* 'я тебя (муж.) ждал'; *сара сы-б-зы-гышын* 'я тебя (жен.) ждал' (*азыгыра* 'ждать', двухличный непереходный глагол).

На синхронном уровне в адыгских языках порядок следования членов предложения может быть и свободным, и значимым.⁶ В простом предложении, например, адыгейского языка возможны следующие варианты линейной иерархии членов предложения: *Пищашъэ-м тхылъы-р къыщэфыгъ*; *Пищашъэ-м къыщэфыгъ тхылъы-р*; *Тхылъы-р пищашъэ-м къыщэфыгъ* и т. д. в значении 'Девушка купила книгу'. Ср. каб. *ШIалэ-м письмо етх*; *Етх цIалэ-м письмо* и т. д. в значении 'Юноша пишет письмо'. По словам К. Пари, анализ материала убыхского и адыгских языков «позволяет обнаружить единый синтаксический уровень, где личные показатели в зависимости от выполняемых ими функций прямо противоположны порядку дополнений (т. е. членов предложения) во фразе, к которой они относятся, как бы в «зеркальном отражении». Подобное «зеркальное отражение»⁷ наблюдается в различных классах слов при различных вариантах их функционирования на синтаксическом уровне. С одной стороны, порядок дополнений, выражаемых лексически, кажется определенным соответствием абхазского типа, в котором отсутствует категория падежа, но на самом деле в черкесских и убыхском языках, где отсутствует классное спряжение, создается иная картина».⁸

Надо думать, что наблюдаемый на синхронном уровне развития факт иррелевантности порядка слов как в абхазском, так и в адыгских языках следует считать тесно связанными с историческим преобразованием былого классного спряжения в лично-классное спряжение, вызвавшим для этого периода их развития одинаковые синтаксические «последствия»: ослабление грамматической функции порядка слов в связи с включением показателя субъектного лица в форму глагола, иными словами, осложнение структуры глагольного сказуемого, с одной стороны, и упроще-

⁶ См. об этом: К у м а х о в М. А. Адыгейский язык. — ЯП, с. 162; Ш а г и р о в А. К. Кабардинский язык. — Там же, с. 178. Примеры приводятся по этим работам.

⁷ На материале абхазского языка этот термин употребляет В. Аллен. См. подробно: A l l e n W. Structure and System in the Abaza Verbal Complex. — Transactions of Philological Society Hertford, 1956, ss. 133—154; См. также: Ц и к о л и а. ПС, с. 59—62.

⁸ P a r i s C. Indices personnels intraverbaux et Syntase de la phrase minimale dans les langues du Caucase du Nord-Ouest. — Bulletin de la societe de linguistique de Paris, 1969, p. 104—105.

ние структуры предложения — с другой. Однако в процессе дальнейшего развития и перестройки лично-классного спряжения в чисто личное спряжение в адыгских языках должны были происходить активные процессы образования других синтаксических средств разграничения членов предложения, что при наличии соответствующих условий (по всей вероятности, уже функционирующей здесь категории определенности) привело к образованию основных синтаксических падежей. Но вместе с тем наблюдение над материалами дает возможность предположить, что из-за неустойчивости, и нерасчлененности грамматических значений падежа и определенного артикля, использованием суффиксов *-м* и *-р* еще не были подготовлены прочные позиции для снятия грамматической функции порядка слов в адыгских языках. В адыговедческой литературе уже отмечена характерная особенность склонения: собственные и неопределенные нарицательные имена обычно не встречаются с формантами им. и эрг. падежей, поскольку эти форманты имеют также и определительную функцию, а собственные имена по своему значению не нуждаются в формантах, указывающих на определенность.⁹ В таких случаях на передний план выступает порядок расположения членов предложения. Но нередки и примеры, когда допускается отступление от этого порядка, именно в тех случаях, когда указанные имена оформляются падежными флексиями.¹⁰ Тогда при их употреблении появляется более подвижный порядок слов: *Шыы Къамболэты-м шъынаэ ыукIи; Аидемиркъаны-р къаригъэцагъ* 'Князь Камболет зарезал ягненка и привел Аидамыркана'; *Сэтэмае-м джеуап ритыжьыгъ* 'Сатаней ответ дала'. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в аналогичных случаях избегается употребление подряд нескольких членов синтагмы с одинаковой формой и порядок членов предложения здесь также приобретает грамматическую значимость. Н а п р и м е р, каб. *ЛIы-м фызы-м вакъэ къыхуицэхуац* 'Мужчина женщине обувь покупает'; *Фызы-м лIым вакъэ къыхуицэхуац* 'Женщина мужчине обувь купила'. Изменение порядка следования именных компонентов предложения ведет к изменению смысла высказывания.¹¹ «В адыгских языках, — пишет по этому поводу З. Ю. Кумахова, — порядок слов в предложении может быть фиксированным (значимым) и свободным. В предложении *Ац тхылъыр ац реты* 'Он книгу ему дает' имя деятеля и косвенный объект имеют форму эргатива, что исключает возможность взаимозаменяемости в их расположении. Более свободен порядок слов в предложении

⁹ Рогова, Керашева. ГАЯ, с. 64.

¹⁰ См. об этом: ГКЧЯ, с. 213. Шагиров А. К. Сравнительная характеристика системы склонения. — В кн.: Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1960, с. 60—61. Примеры взяты из этих работ.

¹¹ Таов Х. Т. Неопределенная конструкция простого предложения в адыгских языках. — В кн.: Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977, с. 94—103.

типа *Ар тхылъым едже* 'Он книгу читает', поскольку в нем нет омонимичных форм». ¹² Такое колебание в последовательности членов предложения в адыгских языках указывает, надо думать, на то, что и на синхронном уровне их развития действие былого принципа выражения субъектно-объектных отношений на морфологическом уровне в них и сейчас довольно ощутима. Это подкрепляется данными абхазского языка. Ср., например: *Ахаџа итџэыс ача и-л-зы-и-гейт* 'Мужчина своей жене хлеб отнес'; *Атџэыс лхаџа ача и-и-зы-л-гейт* 'Женщина своему мужу хлеб отнесла', где при строгом соблюдении позиционных и функциональных распределений морфем варьирование позиции членов предложения уже не ведет к изменению смысла предложения. Нарушение принципа детализации лично-классных показателей, с одной стороны, и пока еще слабо выраженные падежные значения суффиксов *-м* и *-р*, с другой, вероятно, способствовали созданию сложной схемы взаимоотношения морфологического и синтаксического уровней передачи субъектно-объектных отношений в адыгских языках.

Как известно, изменения в языке исследуются обычно при диахронном срезе, но, между тем, развитие, как и всякое движение, непреходяще. Оно имеет место на любом, даже очень ограниченном во времени отрезке, будучи внутренне присуще всякому явлению. Оно свойственно языку и в синхронном срезе, а значит, может быть рассмотрено и на основе данных его современного состояния. ¹³

---

¹² Кумахова З. Ю. Развитие адыгских литературных языков. М., 1972, с. 153—154. См. об этом также: Карданов Б. М. Глагольное сказуемое в кабардинском языке. Нальчик, 1957, с. 80—86; Керашева З. И. Зависимость структуры предложения от финитных и инфинитных глаголов, выступающих в функции сказуемого в адыгских языках. — Тр. ТГУ, 1972, вып. 3 (142), с. 90—93; Гишев Н. Т. Синтаксические конструкции предложения в адыгских языках. — В кн.: Сборник статей по синтаксису адыгейского языка. Майкоп, 1973, с. 40—43 и др.

¹³ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история. — В кн.: Новое в лингвистике, т. III. М., 1963; Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М., 1965; Адмони В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л., 1966.

СОКРАЩЕНИЯ

НА РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

абаз.	— абазинский (-ая).
абх.	— абхазский (-ая).
АДД	— автореферат докторской диссертации.
АКД	— автореферат кандидатской диссертации.
АН	— Академия наук.
А н д г у л а д з е. ИКЛС	— А н д г у л а д з е Н. Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.):
адыг.	— адыгейский (-ая).
адыгск.	— адыгские (языки).
Бгаж. Бз. д.	— Б г а ж б а Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. — Труды Абхазского института языка, литературы и истории, 1957, т. XXVIII.
Б о к а р е в. САЯ	— Б о к а р е в Е. А. Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949.
букв.	— буквально.
ВГ	— Вопросы грамматики. Сборник статей, посвященный 75-летию акад. И. И. Мещанинова. Л., 1960.
ВЯ	— Вопросы языкознания. Москва.
ГАЯ	— Грамматика абхазского языка. Сухуми. 1973.
Г е н к о. АБЯ	— Г е н к о А. Н. Абазинский язык. М. 1955.
Г е ц а д з е. ИФ	— Г е ц а д з е И. О. К истории формирования эргативной конструкции в абхазском языке. — В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
Г е ц а д з е. ТЧП	— Г е ц а д з е Т. О. К типологии членов предложения в абхазско-адыгских языках. — В кн.: Члены предложения в языках различных типов. М., 1972.

- Г е ц а д з е. ЭКАЯ
- ГКЧМЯ
- груз.
дат.
Дешериев. БЯ
- доп.
ед.
жен.
Изв.
ИКЯ
- им.
ИЯ
ИЯИМК
- каб.
кат. в.
кат. чел.
- К а ц н е л ь с о н. ТЯ
- косв., к. о.
К л и м о в. ОТЭ
- К у м а х о в. МАЯ
- К у м а х о в. САЯ
- л.
Ломт. Ашх. д.
- Ломт. Тап. д.
- Л о м т а т и д з е. АЯ
- Л о м т а т и д з е. БФ
- Л о м т а т и д з е. КП
- Г е ц а д з е И. О. К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке. — Труды Абхазского института языка, литературы и истории, 1960, т. XXVI.
- Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957.
- грузинский (-ая).
- дательный (падеж).
- Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953.
- дополнение.
- единственное (число).
- (грамматический класс) женщин.
- Известия.
- Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси.
- именительный (падеж).
- Институт языкознания.
- Известия института языка, истории и материальной культуры Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
- кабардинский (-ая).
- (грамматическая) категория вещей.
- (грамматическая) категория человека.
- К а ц н е л ь с о н С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- косвенный (объект).
- К л и м о в Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- К у м а х о в М. А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диакронная характеристика. М., 1961.
- К у м а х о в М. А. Словоизменение адыгских языков. М., 1972.
- лицо (грамматическое).
- Л о м т а т и д з е К. В. Ашхарский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
- Л о м т а т и д з е К. В. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, (1944 (на груз. яз.).
- Л о м т а т и д з е К. В. Абхазский язык. — В кн.: Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- Л о м т а т и д з е К. В. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола. — Иберийско-кавказское языкознание, 1948, т. II (на груз. яз.).
- Л о м т а т и д з е К. В. Категория переходности в абхазском языке. — Известия Института языка, истории и материальной культуры Академии наук Грузинской ССР, 1942, т. XII (на груз. яз.).

- Ломтатидзе. ОМ — Ломтатидзе К. В. Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка. — Сообщения Академии наук Грузинской ССР, 1944, т. III, № 4.
- Ломтатидзе. ПС — Ломтатидзе К. В. Проблема склонения в абхазском языке. — Известия Института языка, истории и материальной культуры Академии наук Грузинской ССР, 1942, т. XII (на груз. яз.).
- Мещанинов. ЧРЧП — Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
- Мещанинов. ОВ — Мещанинов И. И. Основные виды синтаксических группировок. — Вопросы языкознания, 1960, № 6.
- Мещанинов. ЭК — Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.
- мн. — множественное (число).
- муж. — (грамматический подкласс мужчин).
- наст. — настоящее (время).
- неопр. — неопределенный (-ая).
- неперех. — непереходный (глагол).
- НИИ — Научно-исследовательский институт.
- о. — объект.
- ОЛЯ — Отделение языка и литературы (Академии наук СССР).
- п., пад. — падеж.
- п. о. — прямой (объект).
- перех. — переходный (глагол).
- повел. — повелительное (наклонение).
- погов. — поговорка.
- подл. — подлежащее.
- посл. — пословица.
- разг. — разговорная (форма).
- Рогава, Керашева, ГАЯ — Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар—Майкоп, 1966.
- Рогава. СИО — Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Серебренников ВО — Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Сообщ. — Сообщения.
- суб. — субъект.
- твор. — творительный (падеж).
- Тр. — Труды.
- ТГУ — Тбилисский (Тифлисский) государственный университет.
- Турчанинов, Цагов. ГКЯ — Турчанинов Г. Ф., Цагов Н. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940.
- Услар. АЯ — Услар П. К. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

- Цик. Абж. д. — Ц и к о л и я М. Абжуйский диалект абхазского языка. — Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, 1957, т. XXVIII (на груз. яз.).
- Ц и к о л и а. ПС — Ц и к о л и а М. М. Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Ч и к о б а в а. ЭКИК — Ч и к о б а в а А. С. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках. Стабильный и лабильный варианты этой конструкции. — Известия Института языка, истории и материальной культуры Академии наук Грузинской ССР, 1942, т. XII (на груз. яз.).
- Ч и к о б а в а. ЭКНЯ — Ч и к о б а в а А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского языка. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
- ЧлП — Члены предложения в языках различных типов. М., 1972.
- ЭКПЯРТ — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
- эрг. — эргативный (падеж).
- Яковлев, Ашхамаф. ГАЯ — Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941.
- ЯН — Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

НА АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

- Абжас-цәа зшәу — Руставели Ш. Витязь в тигровой шкуре. Сухуми, 1941. Перевод с грузинского Д. И. Гулиа.
- Алашара — «Свет», орган Союза писателей Абхазии. Сухуми, 1960, №№ 1—6.
- Ампабз — «Пламя» (детский журнал), Сухуми, 1960, №№ 1—6.
- Аџс. лак. — Аџсуа лакџа. (Абхазские сказки) Аџа, 1940.
- Аџсуа жәлар рпоез. — Аџсуа жәлар рпоезиа. (Абхазская народная поэзия). Аџа, 1969.
- Аџхәмсхә. — Гоголь Н. В. Аџхәмсхәара. (Женитьба). Аџа, 1960.
- Баши-Аџуки — Церетели А. Баши-Аџуки. (Баши-Аџук). Аџа, 1951.
- Гул. Камаџ. Иџымт. — Гулиа Д. Камаџџ. (Камаџич). — Иџымтџаџа. (Сочинения). Аџа, 1947.
- Гул. Посл. — Гулиа Д. Аџсуа жәаџџаџуџей, аџуфараџуџей, ажварџаџџаџуџей, аомонимџуџей, аомографџуџей, жәлар амџџәгџа ейлкаашас прџмоуџ, амџ хаџараџуџей, атәџәџуџей. (Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов, омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров). Аџа, 1939.

- Г. Гул. Сакбац ааџ. — Гулиа Г. Сакбац ааџыра. (Весна в Сакене). Аџа, 1949.
- Гогџб. Ахыџ. рзы — Гогџбашвили И. Ахыџџа рзы аџџабџџџа. (Рассказы для маленьких). Аџа, 1959.
- Дж. Абх.-груз. сло- — Джанашиа Б. П. Абхазско-грузинский словарь. варь Тбилиси, 1954.
- Лерм. Хџаамџ. аџ. — Лермонтов М. Хџаамџа аџырхаџа. (Герой нашего времени). Аџа, 1947.
- Чарая. Посл. — Чарая П. Об отношении абхазского языка к лфетическим. СПб., 1912.
- Чџкад. Апис. — Чџкадуа Ш. Асатиратџ пџесаџа. (Сатирические пьесы). Аџа, 1958.
- Цџен. Сышь. џыџ. — Цџџџа А. Сышьха џыџа. (Мое горное село). Аџа, 1947.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Личные и классные префиксы и их значение для выражения синтаксических конструкций в абхазском языке	6
Порядок расположения членов предложения как один из ведущих грамматических способов выражения синтаксических отношений в абхазском языке	22
О причинах нарушения порядка членов предложения	38
К вопросу о взаимоотношении морфологического и синтаксического способов выражения субъектно-объектных отношений в абхазском языке	51
Сравнительно-типологическая характеристика синтаксической структуры адыгских языков в связи с абхазской моделью субъектно-объектных отношений	63
К типологической характеристике дативной конструкции в абхазско-адыгских языках	106
Промежуточные синтаксические конструкции	121
К вопросу о порядке слов в адыгских языках	125
Сокращения	130

Ирина Окропировна Гецадзе
ОЧЕРКИ ПО СИНТАКСИСУ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА
Синхронно-диахронная характеристика

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства А. А. Зырин
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры А. Х. Салтанаева и Г. В. Семерикова

ИБ № 8017

Сдано в набор 11.12.77. Подписано к печати
13.10.78 г. М-31898. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать
высокая. Печ. л. 8.5=8.5 усл. печ. л. Уч.-изд. л.
8.93. Тираж 1750. Изд. № 6356. Тип. зак. № 1014.
Цена 1 р. 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12